
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2013

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор САУЛКИН. Война за русскую историю	3
Валентин КАТАСОНОВ. Грядущая глобальная экспроприация	9
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	57
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. «Две вещи несовместные»	107
Александр ТЕРЕНТЬЕВ. Германию вновь охватила волна русофобии	168
Евгений ЧЕРНЫШЁВ. Либерализм — это разложение ...	175
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	251

ПРОЗА

Василий КИЛЯКОВ. Последние. Повесть	15
Александр АЗ. Жизнь не кончается... Повесть	124
Михаил ЕСЬКОВ. Наречённая. Рассказ	198
Федор ОШЕВНЁВ. Штопор. Рассказ	211

ПОЭЗИЯ

Виктор КИРЮШИН. В синем шелесте травы. Стихи	101
Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина:	
Александр НЕСТРУГИН. Засечная черта	154
Юрий ВОРОТНИН. Покормить с руки синицу	158
Иван ЩЁЛОКОВ. За святою водой	163

РУССКИЙ ВОПРОС

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Время собирать земли	179
Вазген АВАГЯН. Национальная измена	185
Олег КУРАЕВ. О народолюбии	190

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ШЕВЧЕНКО. Забывтые жертвы октября 1993 года	228
Иван ГЛАДИЛИН. Власти «поскромничали»	239
Воры во власти (Подборка материалов о коррупции в России)	242

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Борис МИРОНОВ. И чёрного кобеля можно отмыть добела	265
Владислав ЖУКОВСКИЙ. Живо дело кремлёвского кукловода	274

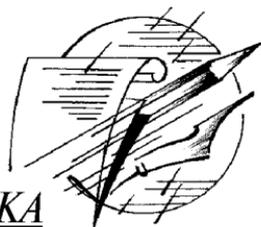
ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Вячеслав АПРЕЛЕВ. Как сокращают население России	283

ВОЙНА ЗА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

В последние десятилетия различными зарубежными фондами выделялись десятки грантов на определенное освещение и подачу истории России в отечественных СМИ и учебных программах. Не случайно учебники по истории создавались на гранты Сороса. С тех пор либералы считают своим неотъемлемым правом возможность навязывать свою точку зрения на русскую историю как на мрачное тоталитарное прошлое с двумя короткими светлыми периодами — в феврале 17-го и августе 91-го.

Сегодня одним из главных направлений деятельности «пятой колонны» является борьба за право навязывать обществу свой взгляд на русскую историю. А ведь трактовка истории нашей страны — один из важнейших элементов информационной войны против России. Академии наук президентом была поставлена задача создать единый учебник истории для средней школы «в рамках непрерывности русской истории и уважения ко всем ее страницам». Однако работа профессиональных участников информационной войны против русской истории сво-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ей интенсивности не снижает. Эти господа слишком четко и дисциплинированно выполняют все инструкции своих хозяев. Творческого подхода маловато. А с инструкциями и схемами, которые им сбрасывают их хозяева, мы тоже знакомы. Это не слишком секретная информация. Все эти НПО и различные фонды проводят семинары и прочие шабаши довольно открыто. Определена и манера поведения и обозначены болевые точки, по которым необходимо бить, расписано и то, каким образом выдавать себя за патриота России, и т.д. Но как немецкие разведчики из Абвера иногда прокалывались на незначительных мелочах, так и эта лжебратия обязательно садится в лужу.

Нет ничего удивительного в том, что пожелание президента создать единый учебник истории вызвало невероятную истерику среди российских «общечеловеков» и что в либеральных СМИ нагнетается паника. Утверждают, что единая трактовка русской истории невозможна. В передаче Александра Архангельского на ЦТ с одной стороны сидели Николай Сванидзе, Леонид Кацва и Михаил Давыдов, им возражать пытались Леонид Юзефович, Феликс Разумовский и Александр Фадеев. Все аргументы о том, что народ должен гордиться своей историей и любить ее, что для существования и развития страны необходимо единое представление о своем прошлом, встречались Сванидзе и Кацвой в штыки, а иногда вызывали приступы либерального гнева. Естественно, звучали привычные рассуждения о 37-м годе, о пакте Молотова—Риббентропа, о том, сколько людей позволено загубить, чтобы построить домну, которая должна дать металл для танкостроения, и допустимая ли это цена для создания танка, о том, что СССР вступил во Вторую мировую войну союзником гитлеровской Германии и пр. Естественно, утверждали, что дети должны стыдиться темных страниц нашей истории. Сванидзе, как всегда, утверждал, что учебник должен давать четкую нравственную оценку всем этим преступлениям.

Естественно, Сванидзе с единомышленниками полагают, что они и есть та высшая инстанция, которая имеет право судить русскую историю, русских государственных деятелей и сам русский народ. Какую оценку они вынесли истории России, мы знаем. Ее постоянно озвучивает председатель экзаменационной комиссии «малого народа» г-н Познер. Но что удивительно, Кацва весьма откровенно проговорился, эмоционально отреагировав на призыв Феликса Разумовского. Разумовский сказал о том, что если мы придем русскую историю до 17 года, то нам будет легко опреде-

---

литься и принять историю XX века. Кацва возмутился: как можно принимать историю дореволюционной России? Какую историю мы должны принимать, неужели Ивана Грозного? Леонид Юзефович, подчеркнув, что писал работы по истории XVI века, пытался объяснить, что личность царя Иоанна Грозного во многом сознательно демонизирована Карамзиным. Естественно, это вызвало дружное возмущение Кацвы, Сванидзе и самого Архангельского. Точка зрения либералов прозвучала в этой передаче вполне определено — единого понимания истории быть не может, пантеон героев нам навязывали при Сталине, а молодежь обязана всю историю России оценивать с точки зрения таких высоко нравственных личностей, как Сванидзе и его компания.

Оппоненты пытались им напомнить, что в истории любой страны есть темные страницы, но при этом, например, в Великобритании и США школьников учат гордиться героической историей своей страны, а о темных страницах и поражениях даже не упоминают. Но эти сравнения России с Англией и США с возмущением отметались Сванидзе и его единомышленниками. Почему-то в данном случае страны, которые, по мнению российских либералов, являются вершинами человеческой цивилизации, для нас не указ. Кстати, мы ни разу не слышали от наших «общечеловеков» и гуманистов осуждения бомбежек Дрездена и Хиросимы, первых в мире английских концлагерей для мирного населения во время англо-бурской войны. Никто не возмущается современными деяниями «столпов и учителей демократии» — бомбежкой Сербии, разгромом Ирака, уничтожением Ливии. О Средних веках вообще говорить не приходится, там российскими либералами навечно назначен воплощением вселенского зла, злодеем всех времен и народов русский царь Иоанн Грозный. В XX веке роль главного мирового злодея определена Иосифу Сталину, в тени которого оказался более мелкий злодей — Адольф Гитлер.

Кстати, мы помним, какую истерику закатили в общественной палате Сванидзе и Гербер после появления учебного пособия Вдовина и Барсенкова. Мне тогда пришлось писать об этом в статье «Гражданин из Веймарна». Опубликование в пособии для студентов-историков списка состава первого советского правительства и некоторых других документов, в том числе о событиях в Чечено-Ингушской республике во время Великой Отечественной войны вызвали обвинения в антисемитизме и оскорблении чеченского народа. В недавней передаче Архангельского Сванидзе упрекал советскую историческую науку в том, что она постоянно лга-

---

ла или умалчивала факты. Советскую науку упрекали в идеологических пристрастиях и утверждали, что учебники истории должны давать только факты. Но выяснилось, что бесстрастное изложение фактов либералам тоже не подходит. Либеральная цензура требует безжалостно вымарывать факты истории, которые ее не устраивают, и настаивает на том, чтобы преподавание русской истории непременно вызывало у школьника чувство стыда «за темные страницы тоталитарного прошлого».

Мы видим, что российские либералы четко действуют в рамках информационных кампаний, которые проводились на Западе, чтобы создать образ варварской и агрессивной России. Первая такая кампания была проведена во время Ливонской войны. Затем мощные информационные войны вели Карл XII и Наполеон, перед Крымской войной Пальмерстон, затем антироссийская истерия нагнеталась во время восстания в Польше в 1863 году. В XX веке отличились Адольф Гитлер и принявшие из его рук эстафету деятели Холодной войны. Когда Рейган назвал Советский Союз «империей зла», он действовал в русле европейской политики по отношению к России, которая сформировалась еще с Ливонской войны. В то время Рим сколачивал коалицию европейских государств, которые должны были сокрушить православную державу, неожиданно возникшую на Севере после разгрома и уничтожения Византии. С тех пор и пугают европейцев «дикими ордами москвитов» с Иоанном Ужасным, свирепыми казаками русских царей, монголо-славянскими ордами унтерменшей Сталина, коммунистическими генсеками с ядерной дубинкой и, наконец, страшными бывшими кагэбэшниками, которые вместе с русской мафией стремятся удушить Европу нефтегазовой удавкой и раздавить армадами танков маленькую Грузию. Заметим, что все антироссийские информационные кампании обычно усиливались перед вторжением в Россию. И Карл XII и Наполеон и Гитлер популярно и доходчиво объясняли, что идут спасать европейскую цивилизацию от русской угрозы.

Одна из главных задач сегодня — отстоять правду о русской истории. Для возрождения эта задача не менее важна, чем решение политических и экономических вопросов. Тот, кто преподает в школе историю, — формирует будущее народа. Поэтому, если мы хотим, чтобы у России было будущее, необходимо прежде всего отстранить всю эту «пятую колону» от влияния на создание учебника по русской истории. Представляете, как бы защищали свою Родину в 41-м году поколения людей, воспитанных на учебниках русофоба По-

---

кровского? Если Верховная власть действительно желает восстановить российскую государственность, то забота о восстановлении преемственности русской истории — важнейшая задача. В армию возвращают офицеров-воспитателей. А на каких материалах они будут воспитывать солдат, на «архипелаге Гулаге» Солженицына, на исторических фильмах Сванидзе, Млечина и статьях Минкина?

Протестуя против единого учебника по истории, либералы истошно вопят о том, что в России конституция запрещает главенство одной идеологии. Но все последние десятилетия эта публика упорно навязывала свою идеологию — культ «золотого тельца», идеологию предательства и презрения к родной стране, учили «как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья». Хотя для деятелей «либерального агитпропа» Россия всегда была «этой страной» и вряд ли они считают ее своей Родиной. Как по учению Маркса для пролетария-интернационалиста превыше всего интересы рабочего класса — «у пролетария нет Отечества», — так нет Отечества для «общечеловеков». Если не разогнать все эти президентские Советы по развитию гражданского общества и правам человека, которые занимаются «модернизацией сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима», то ничего не получится. Основная идея всех этих «институтов гражданского общества» одна — по приказу господ из ОБСЕ и Евросоюза доказать тождество нацистского и коммунистического режимов, взвалить равную ответственность за развязывание Второй мировой на Германию и СССР. Пока медиапространство не будет очищено от этих персонажей, которые от всей души желают «в разрушении Отчизны видеть всемирную десницу возрождения», ни о каком подлинном восстановлении России говорить не приходится. Новый министр обороны Сергей Шойгу делает нужные шаги для возрождения боеспособности Вооруженных Сил, разгребая руины после реформ Сердюкова. Но кто будет разгребать руины после реформ российского образования и науки министров Фурсенко и Ливанова?

Российским либералам ненавистна вся история России, они одинаково недовольны «отсталой царской Россией» и «тоталитарным» Советским Союзом. За последние десятилетия не осталось ни одного периода русской истории, который бы не был оклеветан и оболган. Российские либералы больны ненавистью к исторической России. И эту ненависть они навязывают обществу. Врачи знают, что один из признаков шизофрении — невозможность любить. Шизофренику

физически тяжело испытывать чувство любви. Внушая обществу неуважение и даже ненависть к своей истории, к своим отцам и дедам, людей калечат, делают душевнобольными. Наносится колоссальный вред психическому здоровью нации. Те, кто не любит своих близких, свою семью, свою Родину, не гордится своей историей, несмотря на трагические и темные страницы, неизбежные в жизни любой страны, — духовно и душевно нездоровы. Народ, находящийся в состоянии уныния, народ-психопат не может не только творить великую историю, но и не в состоянии жить. Такой народ постепенно вымирает. В этом заключается одна из целей информационной войны, которую ведут против России. Если бы отдельного человека группа лиц подвергала подобной психологической обработке, то это можно было смело назвать подталкиванием к суициду. Современные российские СМИ методично подталкивают к самоубийству целый народ, внушая русскому человеку отвращение к себе и чувство собственной неполноценности.

Сегодня, когда совершенно ясно, что после Сирии удар будет направлен на Россию, необходимо обезвредить бойцов информационной войны, которые старательно навязывают русским взгляд на русскую историю как на цепь сплошных трагедий и неудач. Деятельность «пятой колонны» угрожает безопасности страны и должна быть прекращена. Но чтобы это исполнить, необходимо проявить твердую государственную волю. С интернетными троллями разобратся несложно, но надо покончить с засильем либералов на телевидении и в Общественной палате. Сегодня война за русскую историю — это война за будущее России. И мы обязаны в этой войне победить.

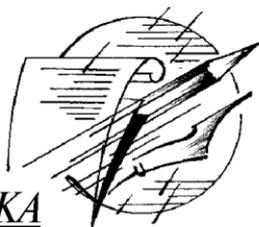
Валентин КАТАСОНОВ,
доктор экономических наук

ГРЯДУЩАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ

После известных событий на Кипре весной 2013 года (конфискация средств вкладчиков в банках этого островного государства) стало очевидно, что мы находимся на пороге некоего нового мирового порядка. Порядка, который не будет иметь ничего общего с теми принципами, которые долгое время считались «священными коровами» «цивилизованного мира». Среди таких «священных коров» — принцип неприкосновенности чужой собственности. Сегодня на его место приходит другой принцип: «Грабь награбленное». Другой вариант: «Экспроприаторов экспроприируют».

Первая фаза

Россия может в самом ближайшем будущем стать объектом таких экспроприаций со стороны мировой финансовой олигархии. Когда я говорю «Россия», я имею в виду народ России, который на протяжении многих поколений создавал (и продолжает создавать) своим трудом и интеллектом национальное богатство страны. В узком смысле под нацио-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нальным богатством понимаются находящиеся на территории Российской Федерации основные фонды экономики и домашних хозяйств, а также запасы сырья и других оборотных средств. Такое национальное богатство, по данным Росстата и наших экономических ведомств, оцениваются в диапазоне 4—5 трлн. долларов. В более широком смысле в состав национального богатства входят природные ресурсы, «человеческий капитал» (люди с их знаниями и профессиональными навыками), нематериальные активы в виде научно-технических разработок. Стоимостная оценка этих компонентов национального богатства затруднена, Росстат таких оценок не делает. Экспертные оценки показывают, что национальное богатство в широком смысле в денежном выражении во много раз превышает основные фонды экономики и домашних хозяйств. Не следует забывать, что национальное богатство в широком смысле также включает в себя материальные и финансовые активы, принадлежащие физическим и юридическим лицам, государству РФ, находящиеся за пределами страны.

В результате бандитской приватизации 1990-х годов, залоговых аукционов, реализации различных коррупционных схем большая часть национального богатства, некогда находившаяся в государственном секторе экономики, оказалась в руках наших доморощенных олигархов и коррумпированных чиновников. Напомню, что основной приватизационный удар по нашей экономике был нанесен ровно 20 лет назад. За период 1993—1997 гг., по данным Росстата, было приватизировано 82 721 предприятие, при этом в 1993 году — 42 924 (52%). Некоторые говорят: мол, пора забыть о несправедливой приватизации, срок давности истек, не стоит ради гражданского мира вспоминать былое. Однако рана, нанесенная нашему обществу два десятилетия назад, не только не зажила, но, наоборот, на протяжении всего этого периода была и остается главной причиной многих наших социально-экономических недугов. В частности, отсутствие законных оснований для перехода активов в руки новоиспеченных олигархов (и ощущение последними того, что они сидят на ворованном имуществе) стало главным фактором бегства частного капитала из страны и формирования громадных финансовых и материальных активов за пределами РФ.

Уже ни для кого не секрет, что наши олигархи являются «транзитными» фигурами, «приказчиками», но отнюдь не конечными собственниками и бенефициарами этого богатства. История с олигархом М.Ходорковским в прошлом десятилетии впервые ярко высветила эту сторону нашей эко-

---

номической и политической жизни. Расследование, начатое в конце 2003 года в отношении нефтяной компании ЮКОС, показало, что она управлялась посредством цепочки офшорных фирм. Впрочем, это мало кого тогда удивило, поскольку офшорные схемы уже стали нормой российского бизнеса. Сенсацией стало другое. Все думали, что конечным «бенефициаром» ЮКОСа является Ходорковский. Однако таковым оказался... Якоб Ротшильд.

Подготовка второй фазы

Сейчас мировой закулисой готовится окончательная фаза глобальной операции под названием «экспроприация национального богатства России», суть которой заключается в передаче активов российской экономики от «приказчиков» непосредственно в руки мировой финансовой олигархии. Идеино-психологической подготовкой этой фазы операции является организованный под эгидой США глобальная кампания по борьбе с международным терроризмом, которая началась после известных провокационных событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Она была дополнена масштабными кампаниями по борьбе с коррупцией, уклонениями от уплаты налогов, отмыванием «грязных» денег, организованной преступностью и т.п.

Однако за этими эффектными и благородными лозунгами, провозглашающими наведение порядка в мире и «защиту национальных интересов США», скрывается борьба мировой финансовой олигархии за планетарную власть. Под прикрытием борьбы за безопасность общества ускоренными темпами создаются механизмы по окончательной экспроприации имущества, демонтажу суверенных государств, созданию мирового правительства, формированию тоталитарного строя в глобальном масштабе («мирового концлагеря»).

Тотальная экспроприация имущества и его сосредоточение в руках узкой группы мировой элиты («золотого миллиона») — неременное условие реализации всей программы построения нового мирового порядка. Для этого правящими кругами Запада в финансово-банковской сфере последовательно реализуются следующие цели:

- 1) демонтаж банковской тайны;
- 2) ликвидация офшорных зон;
- 3) введение упрощенных процедур «замораживания» (ареста) и конфискации имущества граждан и компаний властями стран «золотого миллиарда»;

---

4) сворачивание налично-денежного обращения и постепенный перевод физических лиц на 100-процентное использование безналичных средств платежей и расчетов;

5) создание налоговыми и финансовыми ведомствами сети своих агентов и информаторов в банках и компаниях;

6) сращивание финансовых ведомств и центральных банков со спецслужбами;

7) принятие в США экстерриториальных законов о борьбе с налоговыми уклонистами и превращение всех государств, банков и компаний в мире в агентов налоговой службы США;

8) поощрение процессов централизации банковского капитала, сокращение числа банков при одновременном расширении сети их филиалов и отделений;

9) наделение центральных банков дополнительными полномочиями и функциями (при сохранении ими статуса «независимого» от государства института);

10) создание на основе международных соглашений сети обмена финансовой информацией о физических и юридических лицах (личные данные, сведения о счетах и транзакциях) между налоговыми ведомствами, финансовыми разведками, министерствами финансов;

11) подготовка и проведение операции по «стерилизации» громадной массы наличных и безналичных денег (прежде всего долларов США), которые сегодня обращаются во всем мире (скорее всего такая операция будет проведена под видом «денежной реформы» и замены нынешнего денежного знака на другой знак) и т.п.

О финансово-банковском «колпаке»

Одним словом, ускоренными темпами идет выстраивание финансово-банковского «колпака», которым плотно будет накрыто население всей планеты. Банки и иные финансовые организации в новых условиях перестанут быть простыми коммерческими институтами, нацеленными на получение прибыли. Они станут прежде всего институтами, практически организующими экспроприации имущества, а в дальнейшем станут основным инструментом мировой элиты («золотого миллиона») по контролю над населением. Впрочем, об этом в свое время начал говорить и писать немецкий экономист и социалист Рудольф Гильфердинг в своей книге «Финансовый капитал», которая вышла в свет перед Первой мировой войной. Позднее, в 20-е годы прошлого века, мысли Гильфердинга о тоталитарном обществе, основанном на власти банков, были оформлены им в виде теории «организо-

---

ванного капитализма» (примечательно, что автор теории приветствовал этот строй, который он считал прямой подготовкой социализма).

Государственные и политические деятели, общественность России должны понимать планы мировой финансовой олигархии и четко осознавать порождаемые ими угрозы. Взять, например, пункт 3 вышеприведенного списка (упрощенные процедуры замораживания и конфискации имущества граждан и компаний). Тут мы видим целый ряд «новаций». Например, события на Кипре в марте с.г. показали, что для конфискаций банковских вкладов не нужны даже никакие юридические основания (как это было раньше). Решения, которые принимаются кем-то «наверху», обосновываются финансово-экономической необходимостью (мол, конфискация проводится в целях «стабилизации экономической и финансовой ситуации»). Т.е. начинает работать большевистский лозунг «целесообразности». Только не политической, а экономической и финансовой. Вот и Швейцария, которая еще недавно славилась своей банковской тайной, сегодня оказалась «впереди Европы всей». Она приняла закон, согласно которому средства физического или юридического лица могут быть заморожены на банковском счете с момента начала следственного рассмотрения (раньше, как известно, такое замораживание производилось лишь после вынесения решения суда). На эту новацию Швейцарии целесообразно взглянуть с учетом принятого недавно в США закона о национальной обороне, который фактически любого человека (как в самих США, так и за их пределами) позволяет рассматривать как потенциального террориста и начать против него расследование. А поскольку США и Швейцария заключили между собой соглашения о «сотрудничестве» в финансовой сфере, то дяде Сэму теперь не представляет труда «заморозить» средства любого физического или юридического лица в банке Швейцарии. Так что «Акт Магницкого», наделавший столько шума в нашей прессе, — не более чем «пятое колесо в телеге» — у Вашингтона уже имеется гораздо более мощная и универсальная машина для «замораживания» и конфискации имущества неугодных ему лиц.

О защите национальных имущественных интересов

Нашим «транзитным» олигархам и коррумпированным чиновникам не следует питать иллюзии, что их нынешняя лояльность по отношению к мировой финансовой олигархии им в будущем «зачтется». О своем имуществе, нажитом

«непосильным трудом», им придется забыть. Будет ли им при этом «приказчиками» мировой финансовой олигархии сохранена жизнь и свобода, не знаю. Но 100-процентной уверенности нет. Если наши клиптоманы, наконец, поймут эту простую истину, то именно им следует быть в первых рядах тех, кто должен инициировать пересмотр грабительской приватизации и залоговых аукционов 1990-х годов. При этом они должны каяться в хищениях бюджетных средств, коррупции и других имущественных «грехах», добиваться возвращения вывезенного из страны капитала. Договариваться с собственным народом будет непросто. Но зато это надежнее. Вероломство, лицемерие и подлость западной элиты сегодня становятся понятными и очевидными даже для тех, кто плохо знает историю Запада.

Впрочем, часть национального богатства страны выведена за ее пределы на вполне «законных» основаниях. Я имею в виду, прежде всего, валютные резервы, которыми управляет наш центральный банк. Следовательно, необходимо менять национальные законы, и на новых законных основаниях возвращать их в Россию. Не надо думать, что я предлагаю что-то новое, не известное человечеству. Достаточно вспомнить ситуацию в начале 1914 года, когда в мире запахло порохом. Многие политики и государственные деятели, да и простые люди в России поняли, что страна на пороге мировой войны. Уже за несколько месяцев до начала Первой мировой войны большая часть средств российских граждан и компаний, а также Государственного банка Российской империи, хранившихся в банках Германии (а также Австро-Венгрии) была ими снята и возвращена в Россию. Сегодня Россия на пороге не менее глобальной войны (впрочем, некоторые эксперты совершенно справедливо отмечают, что она уже началась без официального объявления). В этой ситуации руководству страны и гражданам России надо действовать быстро и точно на многих направлениях, в том числе в части защиты своих имущественных интересов.

ПОСЛЕДНИЕ

ПОВЕСТЬ

То, что я больше всего не любил в жизни, то и стало моей профессией. И вот я — охранник, да еще «личный», с кобурой под мышкой, бывший тяжелоатлет-полутяж, мечтавший о карьере Юрия Власова. Вынужден теперь охранять «госпожу» в вечных разъездах по бутикам, по ресторанам и казино. Слушать, поддакивая, глупые восхищения теле- и рок-диджеями или отправляться на заимки охотохозяйств Мурома, Нижнего, Суздаля...

Имя ей Люда, Люся, но она требует ото всех, чтобы ее называли не иначе, как Маргарита. Вечно взлохмаченная, голос осип от постоянного курения. Дорогие сигареты слабы и потому летят одна за другой, оставляя следы в ее гортани. Пожалуй, если бы она захотела спеть — это было бы по-настоящему смешно. Иногда, когда присутствует начальник СБ (службы безопасности), вынуждены называть ее неопределенно: «Объект».

Охранять такую тяжело. Она непредсказуема в поступках и мыслях: говорит одно, думает другое, а делает третье... Бывший комитетчик,

ПРОЗА

возглавивший СБ, все самые серьезные вопросы переводит в шутку. Обещает зарплату и повышение по службе, и, наконец, подарил мне свою охотничью «Сайгу». Он вынес ружье в чехле с торжествующей улыбкой, и пока «раздевал» его, внушал мне вместо поздравления с днем рождения:

— Ты отвечаешь за все. От атмосфер в камере колес ее «Лексуса» до того, что находится в карманах ее посетителей. Кстати, похмелье шоферов — тоже на твоей совести.

На днях мне показалась слезка, но этот факт я оставил для себя. Следили-то ведь за мной. Хоть, конечно, я предполагаю, что именно она и насолела тому, кто нанял топтуна.

Началось с того, что в одном из московских ночных казино у этой дурехи выкрали шубку с ключами от дачи. И это случилось за неделю до угона автомобиля. А накануне угона неизвестные разбили стекло и выкрали с сиденья лот-сумку с ее документами. Хорошо, что я в это время был отправлен под Тюмень, в Нижневартовск нарочным, с бешеной суммой в евро. По возвращении я узнал, что «Лексус» уже в розыске. Накануне вечером она, приехав на дачу, оставила автомобиль прямо во дворе и, поднявшись с очередным «другом» в мансарду, выключила свет. До утра. Тогда и «подломили». Собаку усыпили в два счета (хоть натаскивали ее «на чужих» — два месяца). Братва легко перемахнула через забор и, открыв ворота легче легкого, завела машину. Потом они воспарили по бескрайним просторам России или провалились, надо полагать, в преисподнюю.

Ввиду того, что во время этих событий я отсутствовал, все происшедшее меня не задело. Но косвенно напрягло основательно.

Обе «головы» службы внутренней безопасности — Лямпорт и Оялин были уволены. Жизнь многим в «ЗАОО» вдруг стала казаться невозможной. И я сам все чаще стал думать о покое, хотя бы и временном: на месяц-полтора; стал в мечтах лелеять зимние святки с хорошей охотой в полном одиночестве, с творчеством по сумеркам, и что казалось слаще всего — разобраться-таки в накопленном ворохе рукописей за многие годы. В сущности, я имел на эти мечты полное право: три отпуска за три года преданной службы, из которых меня срывали в столицу с южного, любимого мною побережья Анапы, давали к тому основания.

Мечта о покое и лыжах, о тоскующей по моим рукам пристреленной «Сайге»... Я мечтал о родной деревушке под Рязанью, где прошло мое детство, где окончена была начальная школа.

Деревня, в которой никого у меня не осталось: бабка с дедом давным-давно умерли, и хоть я по-прежнему, с иронией

называл деревеньку барственно «имением», в шутке этой таилась бездна здоровой тоски. Снились великолепные ее тополя в снегу, тальниковая речка в распадке, в лозинах с суглинистым берегом, точно обрубленным по пьянке вечно нетрезвым местным плотником Алешкой. Неиспользованные отпуска потрясали возможностями, прелестью одиночества. Душа требовала покоя. Хотя бы и временного. Столица с ее рампами афиш, с придурковатой бессмыслицей ярких щитов и плакатов, с отвратительно и ослепительно бегающими огнями взад и вперед, с неоновыми блесками казино, с сумасшедшей, какой-то павлиньей навязчивостью — вдруг пронзила. Я выбрался из машины и вдруг ошалел от всей этой сутолоки, от несмолкающего, какого-то похожего на шум морского прибоя терзающего машинного воя, летящих ошметок грязного снега, вони газа и бензина, от ползущих сквозь пробки машин. Именно в этот миг я твердо решил: в деревню. С сугробами. С русаками. Кроме того, мой новый начальник и «друг» Валентин Валентинович — новый покровитель охраняемого мною «Объекта», не внушал доверия. Что-то говорило мне, что он из того типа людей, что как гончие, не оглядываясь, идут по какому-то раз и навсегда выбранному ими следу, ничего не видя и не слыша. И вот этот «некий Карнаухий» как раз и сидел в ее кабинете. На столе стояла бутылка открытого «Хенесси» и лежал шоколад. Прочитав со вниманием мой рапорт, он посоветовал:

— Зачем же так сразу — расчет... Все образуется само.

Он вопросительно глянул на «Объект». «Объект» сочувственно кивнула головой:

— Вот-вот... Отдохните и решите сами, — сказала она. — К вам по части охраны и доставки у меня претензий нет и никогда не было...

Уже за дверями я подумал, что след «им, Карнаухим», выбран верно, и «дичь» не уйдет... «Объект» уже в его лапах и совершенно очарована им, как всегда бывало с ней. Эта влюбленность будет длиться месяц или два. Смотря по обстоятельствам.

И вот я уже в поезде. Ехать далеко, за Рязань, не доезжая Тамбова. На границе с Тамбовской областью — моя тихая заводь.

...Две старухи и старик — все, что осталось от жителей Выселок. Святочные метели замели подворья, задичавшие сады, пепелища, заброшенные избы...

На пустой заснеженной улице криво, как пьяные, стоят опоры электропередачи. Линию уже и не разглядишь в зим-

---

нем сумраке: от многих опор криво и низко висят битые, белесые, как кость в темноте, изоляторы. Провисли над непролазными сугробами, мотаются голые провода, схлестываются при порывах снежного морозного ветра. Замело колодцы, пути-дороги...

Из окна я вижу густую зыбкую сетку неугомонной вьюги. Гнетет одиночество, холод сковывает движения, стынут руки... Я откладываю вечное перо, черновики, и мрачные думы накатывают волной: «Неужели так трудно пишут все?»... И в ответ мне снежная вьюга засипела мрачным голосом: «Фью, фью! Все, все!»

На столе развалом — журналы, газеты, книги. Среди книг — художественная публицистика Хемингуэя «Старый газетчик пишет». Я привез эти советы мастера сюда из Москвы, которая кажется теперь далекой, невозвратно-прошлой... Я решил поселиться здесь навсегда, в доме моих предков. И когда уезжал, чувствовал, что другого выхода нет, чувствовал, как обрыдла Москва, — город, где никогда и ни в чем нельзя быть уверенным, даже и в том, что сделанное тобой в эту минуту, по-настоящему нужно, необходимо и тебе и людям. Нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, даже и в следующей минуте верного существования и самой Москвы, будто при нашествии Наполеона или Гитлера. Только это нашествие теперь не так явно, тихо ползущее, как питон в притоне для «випов». И тогда даже в труде продирания сквозь снега к деревеньке я находил счастье в тишине и покое: тишине такой, что давила и звенела в ушах, била пульсом сердца в перепонки, но была желанна и еще недавно совсем немыслима. Я уехал сюда, на свою родину. Да вот беда: во времени года я прогадал основательно. Зима под Рязанью, как оказалось, ничуть не проще и не легче, чем зима на какой-нибудь необжитой Аляске, и уж явно — не самое лучшее время года для раздумий и созерцаний... Русская зима умеет крепко взять за бока...

Дядя Хем на обложке книги — совсем старик, он оброс серо-седой щетиной, верно, намеренно не сбривая ее. Когда-то на этот портрет смеющегося Хемингуэя, едва ли не молились «шестидесятники». Характеру этого бесстрашного писателя завидовали. Он много терпел, воевал, был пять раз женат, рисковал выходить в открытый океан в самый разгул стихии, участвовал в сафари на льва, да много чего... И все, все это — опыт стойкого духа, важный теперь для меня. Опыт том пренебрегать нельзя. Хем никогда и ничего не делал против своей воли, а, значит, был свободен.

Вот пришло время освободиться, объединиться и мне. Переосмыслить многое. Ведь и на мою долю на переломе этих ве-

---

ков досталось немало. «Освободиться» — значило взглянуть на все по-своему и обязательно издалека, из укромного уголка тихого родительского дома, где, по пословице, «и стены помогают». А время и впрямь было нелепым, непонятым, противоречивым. Я застал то время, когда от безнадёги залежали в петлю и спивались мои друзья-офицеры, оставшись с семьей без работы и без угла.

«Мое время, как и время старика Хема, оказалось не самым легким», — размышлял я. И даже при том, что я не лез в передовые отряды по защите Белого Дома, не палил из пушек, не радовался, как радовались воры и лавочники, что вот наконец-то с каждым выстрелом уничтожается последнее препятствие к разграблению народных богатств — несмотря на все это, я чувствовал себя виновным в погублении моей страны, в том, что произошло и еще произойдет с ней. И то, что все еще впереди, — становилось все более грозным и более явным.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, то понимаю, что из троих бегущих стреляли бы, определенно, не по тому, кто в дорогих кроссовках, и не по тому, кто в дорогой папаше, а целились бы «по третьим лицам», тем, кто заслоняет, и по тем еще, кто не знал и, быть может, никогда не узнает подлинных причин затеянной заварухи. Знали, словом, по кому целиться... «Нас предали!» — кричал в истерике чудом выживший мой друг Володя Жуковенко. Нас предали... Кто предал?!

Старик с книжки, прищурившись, с морщинками на лбу, смотрит на меня открытым и пронизательным взглядом. В его знаменитом «Празднике, который всегда с тобой» я наткнулся на знакомые мне, застревающие в памяти фразы: «Будь я проклят, если напишу роман только ради того, чтобы обедать каждый день!». Я машинально выписал и эту фразу, сам не зная зачем...

Тогда, в первые дни октября, началось со стрельбы рано утром. На предельной скорости прошли три БТРа некой боевой организации, руководимой и направляемой иноземцами. Стрелки этой организации, доставленные на самолетах, заняли стратегическое положение — на крышах ближайших домов. Из этих БТРов и снайперами с крыш и были убиты наповал люди в палаточном городке. Тогда они еще рассчитывали на мирный исход событий. Но некто умышленно шел на обострение. Коммуникации в Доме Советов отключили. Сначала бежали женщины с детьми. Они вошли в Дом, чтобы быть живу или умереть с мужьями. Володя Жуковенко после начавшейся стрельбы выводил их подвалами. Он смотрел на меня мутными синими глазами и молчал. Он вообще

был крупноват и мягковат. Он тайно признался мне уже в девяносто шестом, на семинаре молодых писателей во Владимире, что «для писателя сегодня есть только одна дорога, если хочешь выжить и стать заметным, — это дорога туда, к ним...» Я понял, о ком он говорил. Меня взорвало это утверждение. Но проходил год за годом, и мне пришлось согласиться с ним.

Меня волнует все то, что несет в себе литература с тьмы времен в наши дни. Живо вспомнились истории, рассказанные моим дедом и бывальными людьми в этой избе. Они говорили, как страдали, как выживали и избавлялись от отчаяния, рассказывая и слушая друг друга. Надо вспомнить их сказания, надо сравнить пережитое и передуманное ими — с собой, со своей жизнью, со своим опытом. И унять, вылечить больную душу.

Листая записную книжку, я нашел в ней высказывания английского писателя Э.Л. Доктору: «Литература несет в себе мудрость, избавляющую от отчаяния. Она связывает настоящее с прошлым и зримое с незримым. Она дозирует страдания. Она говорит: чтобы и дальше существовать, мы должны вплести свою жизнь, самих себя в наши сказания. Она убеждает, что если мы этого не сделаем, кто-то сделает это за нас».

«Итак, — думал я той святочной ночью, — тебе надо написать первую настоящую фразу, фразу той рукописи, которая поможет тебе понять самого себя, укажет направление, и как знать, быть может, пособит не тебе одному. Ведь если уж и считать какое-то поколение потерянным — так это твое поколение... Поколение шестидесятого года. И не только потому, что с «застоя» до третьей войны в Чечне прошло слишком много времени и пролито слишком много крови. А просто такого предательства на единицу времени не знает, пожалуй, ни одна страна мира. Утрачена связь поколений. Мало кто из молодежи знает, что русский святой богатырь Илья Муромец — заступник сирых, вдов и детей, что мощи этого богатыря покоятся в Киево-Печерской лавре, в сердце матери городов русских. А сам Киев — это уже не Россия. Предательство народов невозможно сразу и враз. Каждого из нас когда-то предали впервые. И оттого, что предали, — мир стал другим. Мир незаметно для нас становится другим с каждым предательством. И этот «другой» мир опозорен тем уже, что я научился терпеть и мириться с предательством, этим одним позволил я и все мы — предавать и дальше самих себя и других. Позволили и позволяем. До третьих петухов, пока не очнемся, как очнулся апостол Петр.

«Понять и найти связь поколений, — словно кто-то шептал мне, — не много ли ты взял на себя... Ты ушел из города, но и в деревне не ко двору. Корни твои и твоих предков высохли здесь. Они не возродятся уже никогда, как не возродятся те поля, те гектары необозримые рязанских полей сплошь заросших плотным березняком. Это то как раз, что называется: «было и былшем поросло». Выродилось так, как вырождается весь народ русский, вся Русь, вымирая, без взрывов и атак, по миллиону, а то и полтора миллиона в год...»

Понять и найти. Найти и понять... «Итак, — думал я себе этой святочной ночью, — надо написать первую настоящую фразу, найти звук, тональность, а за ней все пойдет само собою, как по маслу...» И фразы приходили, и я записывал их и вычеркивал. «У-у-и-и!» — надрывалась вьюга, а в горнице уже трудно было сидеть за столом, пальцы рук свело, и заморская ручка с замерзшим гелем вдруг выстрелила пульей из сведенной кисти в заиндевелый передний угол, к прабабкиной иконе Божьей Матери «Всех скорбящих радости» — иконе отчаявшихся и заблудших. Она сияла радужным светом, сверкала снежными пылинками, играла живым радужным инеем. Подняв из-под иконы авторучку, я не мог оторвать от светлого оклада глаз. Она казалась мне живой... Часы-ходики с кукушкой, старые, с цепной передачей и подвязанными к цепи щипцами для колки орехов, отсчитывали без четверти час. Надо протопить и лечь спать. Авось утро вечера мудренее...

Сухие березовые дрова быстро разгорелись. В грубке загудело, завывло на разные голоса. Языки пламени весело заплясали. Сжимая и разжимая пальцы над огнем, лоя горстями пламя, как кудесник, согревая руки, я сел на запятки валенок, подкладывая в грубку поленцы дров. Береста заярилась, заблестела, помедлила, и вдруг, шелкнув, свернулась в черный пергамент тех «рукописей, которые не горят» и которых уже не прочесть на этом свете никому, разве только булгаковскому Воланду, для которого нет ни прошлого, ни настоящего. А мы — народ божий. И уж горели рукописи по Руси и как еще горят... И будут гореть...

Горница наполнялась теплом. На единственной иконе таял иней, собирался в капли, ручейками скатывалась влага, как будто Божья Мать плакала, печалилась обо мне и оставшихся в живых жителях разъехавшейся и вымершей деревеньки.

Сняв шапку, полушубок и валенки, я улегся на кровати деда. Кирпичи нагрелись, и стало тепло, светло. Догорели дрова и в отдушине грубки, и выше, за потолком, гудело и выло на разные голоса. Вьюга не унималась. Щели в полу, в рамах жадно глотали мороз и быстро выступали только что

согретую горницу. А вновь затопить, и вновь поплывет по избе угар от старой печи. Сон не приходил. Перед глазами проходили яркие, зримые образы; подсознание не затормозило. Я вставал, шелкал выключателем, записывал на клочках бумаги фразы, произносил слова вслух, выключал свет и вновь укладывался. «Мать Божья, заступница! Помогите в эту ночь!» — взмолился я внутренне и перекрестился, как учила меня бабушка.

Какое-то яркое забытье, зримые осязаемые образы стояли-вевали надо мной... То будто бы приходила покойница-бабушка со свечой и молилась за мою грешную душу тайной какой-то незаурядно не каноничной молитвой, что читала только она и что я слышал от нее с раннего детства: «Защити меня, укрой своей пленой, ризой золотой. Сам Бог во дверях, Троица в ногах. Во всех углах, посреди двора три святителя стоят...». Образы раннего детства чередой стали менять друг друга, толпились, отражаясь как бы в водной глади, и вот вновь увидел я Божью Мать, но не радужную от мороза икону, а как когда-то своими детскими глазами, о чем никогда и никому не рассказывал, — в белом одеянии, с сиянием вокруг головы. И этот незабвенный образ запомнил я бессознательно... Было это так. Когда мне шел пятый год от роду, я заблудился. Пятилетний, ночевал я в лесу. А случилась эта ночевка вовсе неожиданно. Тридцать лет тому назад в конце августа мужики собрались метать колхозные стога ржаной соломы. Я увязался за дедом. Он взял меня с собою, благо, что копны стояли в полуверсте от Выселок.

Время было послеполуденное. Август стоял теплый, солнечный, но уже с холодными вечерними и утренними зорями. Мужики метали стога, а я все бегал, кувыркался в копнах. Простоволосый, босой, штанишки на помочах и красная рубашка в синюю клетку — вот и вся одежонка, что на мне была. И никто не чуял беды, ни мужики, ни дед Терентий. А время уже приближалось к вечерней прохладе и становилось свежее с каждым часом.

Кувыркаться надоело, залезать в копны и скатываться — тоже. Я пошел к деду, сказал, что хочу домой. Он вывел меня со стерни на тропу, приказал идти прямо и никуда не сворачивать. По тропе к дому я ловил кузнечиков, букашек, переползавших дорогу, искал орехи, которые давно уже сошли, облетели.

Тропинок по нашим оврагам было множество. И хотя до Выселок было недалеко, какая-то тропинка увела меня к Большому лесу. Он так и назывался Большим, потому что

тянулся верст на пятьдесят до татарской деревни-аула Бастаново. Страшен он был оврагами бездонной крутизны, барсучьими норами по скатам этих оврагов. Волки и кабаны были там не редкость. Только к вечеру, когда солнце уже закатывалось за лес, я понял, что заблудился.

Внезапно наступили сумерки и дорога, основательно взявшаяся травой, словно по ней давно не ездили, свернула в середину леса, а затем и вовсе юркнула влево и сошла на нет. И сразу стало холодно и страшно. Чудились сказочные звери, за каждым кустом — волки. Лес огласился моим плачем, а на зов откликалось лишь эхо.

Наступила тьма, и оком потерялся в кронах огромных деревьев и моих детских слезах. По-детски безнадежно нарыдавшись, я сгреб сухие листья и лег под дубом. Проснулся от холода. Мне почудился волчий вой.

То ли мне приснилось, то ли в детском воображении соединилась зримая когда-то икона с незримым образом, только страх и волнение сменилось вдруг нездешним покоем, теплом, и мало-помалу светлый образ Божьей Матери, в котором было так много милого, материнского, утешил и убаюкал. Словом, утром, когда меня нашли выселковские, я говорил, что мне не было холодно и что Божья Мать меня укрыла одеялом. От ночного испуга я долго заикался, но потом заикание прошло без лечения. Остались только одни воспоминания и образ Матери Божьей. Видел я: яркий, но не слепящий, до белизны свет. Богородица в темно-малиновых одеждах, как если бы взять и смешать два цвета — небесной несказанной голубизны и темно-красного.

Поразили меня, да так и остались навечно в памяти три звездочки на накидке Матери Божьей. Вифлеемские звезды, «елочные», — как радостно, по-детски изумился я тогда, — сияли на обоих плечах и челе.

А в печной трубе выла на разные голоса вьюга, не унималась. Помешав в грубке кочергой, я опять выключил свет и закрыл отдушину. Угар ушел. В горнице стало тепло. И только на печке с осыпавшимся изразцом, в этом спасительном жарком пространстве между потолком и стеной я находил долгожданный покой. Сон не приходил, бессонница мучила и томила. И опять я вставал, щелкал выключателем, записывал, зачеркивал фразы, которые сами, казалось, находили меня, но путались, кружили и улетали. Снова подбрасывал дров. В муках тонкого сна, полусна-полуяви пришло какое-то забытье, яркое и удивительное, словно кто-то незримый, но явно присутствующий здесь сейчас со мной, осенил

святым крестом то, что я наконец смог записать утром в толстой амбарной желтой тяжелой тетради.

И тут я вновь увидел Ее, Одигитрию, точь-в-точь, как в детстве. Сияние лилось и согревало.

— Ты звал меня? — спросила Она, но не голосом, а как-то мыслью, и глаза ее смотрели светло и чисто. Я стал вглядываться. Она держала на руках дитя в белой кисейной простыне, тоже сияющей, как снег в чистый солнечный полдень...

— Матерь Божья, заступница, — взмолился я, даже не я, и не только я, а и еще кто-то во мне, тоже — мыслью: — Заступись, помоги, замёрзну..

И тут — собственная моя душа вменила мне в укор бегство из города от страшной, как казалось тогда, оскотинившей меня жизни столицы. Думал поохотиться, поработать с черновиками, рукописями. А тут: снег, ветер, две старухи и старик.

— Погода будет хорошая дня через два-три, — мягко звучало мне в ответ. — А что же тыпишешь?

— Историю. Историю доживания и гибели деревни. Родного мне с детства уголка, последних жителей. Елизаветы, Акулины и деда Кузьмы. И о своих муках хочется написать: странно мне, не понимаю я, страдаю от этого, и хочется осмыслить прожитое, написать. Скоро, верно, в обратный путь собираться — не выжить здесь, слишком запущено родительское жильё, дыры с палец и выюжит. Снег, холод, бесхлебье.

— А что же мучает так, что ты и Москву бросил? Или Москва бросила тебя?

— Да сил больше нет терпеть, мучаюсь. Вопросы, которых все больше... Родители мои всю жизнь проработали: мать — инженером, отец — учителем, а остались нищими. И не они одни — вся Россия. Молчат и терпят. А мне больно видеть это. И при той нищете, злобе людской друг на друга — Москва забита роскошью, развратом. Дети мои приносят и читают газеты, страшные по своему содержанию, с объявлениями: «Массаж эротический», «Негритянки на любой вкус»... «Красавицы, выезд»... И телефоны, телефоны — в глазах рябит. Одни твердят, что всё — по указке каких-то таинственных жидо-масонских лож, и всё будто намеренно делается, давится в России духовность на корню, да и самих детей давят во чреве — восемь миллионов в год. А живые... Матерь Божья, объясни, ведь больше пяти миллионов брошенных детишек по России... Другие, дошло и до того, твердят, что русские, корчевавшие ценой, страшной ценой жизнью фашизм — сами фашисты. Будто фашисты все, кто любит стра-

---

ну, в которой родились... Не смешно и не глупо, а страшно от скорби такой... Я не чувствую уже столицу — родиной. А по ящику долдонят о «свободе», «создании» в России демократических традиций, о «неприкосновенности частной собственности» — всё об одном, всё о том же. Да откуда взялась она, эта собственность? Или не мои старики-родители подняли ее, эту собственность, да и саму страну после войны, не эти ли деревенские старики: Акулина, Елизавета, Кузьма? Не они ли? И вот она, Русь, в дикости и бескультурие... И «черная кость», самим чертом вызолоченная, мчится теперь в Давос или в Куршавель с малолетними для развлечений скотских. И я, я сам, пошел в охранники, в телохранители с государственной службы. И вынужден охранять вдруг разбогатевших, чтобы выжить семье. Охранять от кого? От народа?.. Насмотрелся — всего и не выскажешь. Зубы сточил, скрипя. Не могу, не могу больше. И вот ездит эта черная позлащенная вороватая кость по столице, а я кусаю губы и... не понимаю: где же Бог, как же он терпит?

— Кто пропивает, по казино проматывает, а кто-то капиталец сколачивает. А ты — душу береги. И только об этом думай.

И я не мог понять, кто же со мной продолжает говорить? Я ли сам с собой...

— В уникальный исторический момент ты живешь... Столько продано недр, леса, газа, нефти, что сегодня у вас и олигархи сыты, и люди все же — живы. Милостью Божьей... Ну а не на тебе ли вся эта вина и боль, не на тебе ли на самом она? Не на твоих ли друзьях офицерах весомая доля вины. Ведь это вы поддержали их. Поддержали и помогли. Вы думали: наедятся, и вам крохи упадут с их стола — ан нет. В стране началась лютая драка богачей и госчиновников, драка за места к пирогу государственному. Только боль твоя душевная заслужена. Не ты ли и друзья твои, и не сам ли народ позволил, чтобы богатства перетекли в карманы этих «новых русских». И вот главная беда ваша: иуд по России множество. И еще множатся. Не отсюда ли боль твоя? А душа-то, она что ж, мячик, что ли, — вот она и болит. А болит — значит, жива. Но крест помни... Тогда и доживешь, и поймешь, и напишешь. Не мог же телец Соломонов да честолюбие съесть русские души. Начинайте с молитвой Делание, а Сын мой поможет...

Я открыл глаза, видение исчезло. В ушах звенело, будто где-то рядом надрывались кузнечики, в висках ломило, сердце нещадно билось, руки дрожали. И при всем при том странная спокойная и теплая нега разливалась и пульсировала во мне.

Чувствуя слабость и головную боль и теперь уже понимая, что я счастливо избежал страшного удара от угарной грубки, я сел на кровать, стараясь вспомнить сон до мельчайших, самых дорогих подробностей.

Сквозь мерзлые с наледью стекла окон сочился слабый робкий рассвет. Ветки яблонь и вишенника не качались, в трубе не выл ветер, и снегом не несло. Я прошел в кухню — под крышкой умывальника плавало тонкое намерзшее стекло льда. В ведрах на широкой лавке-конике застыла вода, затянулась тонкой прозрачной слюдой.

Сквозь разрисованные мерзлые стекла проникал ранний бледно-розовый свет, и на стеклах играли в этом таинственном свете замысловатые рисунки Деда Мороза. Я надел валенки, полушубок, шапку и вышел на улицу, чтобы полюбоваться этим ранним погожим утром, освежиться им, таким долгожданным и красочным — первым за всю святочную непогожую неделю.

Как только я открыл сенную дверь, вышел на крыльцо — в глазах зарябило от яркого желто-розового света, от какой-то нежной свекольно подкрашенной белизны сугробов, подступавших к самому крыльцу, к окнам избы. Занесенное подворье, глухо похороненные под снегом сад, огород, улица — все в снежном белом безмолвии, и бело-розовые кораллы деревьев в саду немо и волшебно замерли, словно ожидали чего-то, какого-то явления, ведомого только им. Вытащив из сенец старые охотничьи лыжи, легко надев их, без палок, я скорым шагом шел, испытывая какую-то странную и непонятную мне тревогу, опасение за жизнь стариков. Я направился к ним мимо оледенелых яблонь, в ветвях которых порхали серебристой пылью мельчайшие снежинки. Вышел на улицу — ни единого следа, ни звука, ни признака жизни.

Под лыжами повизгивал снег, и за огородами, обвалившимися дворами, крытыми ржавой жестью и шифером, — море снежных полей, полное безмолвие, как будто на необитаемом острове стояли брошенные избы. Лыжи легко скользили по свежему насту, и от морозной свежести перехватывало дыхание.

Низко висящие провода сверкали на солнце, и мне вспомнилась эта родная деревня в пору моего детства и юности, когда избы стояли двумя ровными порядками, а в середине — правление колхоза в рубленой избе. В другой ее половине — магазин. На отдалении, в молодом саду, присела на фасад школа — тоже рубленая, с одной классной комнатой. Через коридор от класса — комната для учительницы. И в школе, и в правлении, и в избах — кипела добрая жизнь.

В святочные морозные ночи, когда стояли трескучие морозы, как и сто лет назад, словно бы кричали от стужи углы рубленых изб. В кухни, пристройки, приделки и загородки из хлебов приносили поросят-молочников, телят, ягнят, гнали под печь кур. В горницах, в чаду, в суете — к матице за кольцо подвязывали зыбки на скрипучих веревках. И качали младенцев. И до глубокой ночи кипела эта «жисть», «растуды-т-т ее туды...», суетливый бранчливый быт, изменившийся в наши ультрасовременные дни разве только электрическими лампочками. Да вот еще лапти сошли на нет, хотя старики-любители плели их. И совсем незабываемое такое же солнечное зимнее утро, когда я увидел своего одноклассника, идущего в лаптях, — не по нужде, а так, для форса. Кинулся и я к своему деду за лаптями. И добился-таки своего, не без помощи бабки: «Босьяк! — укоряла бабка деда. — Ай, тебе внука не жалко? Долго ли сплести-то. Лыки я замочу, а ты сплети. Вот курил бы он и сидел бы на кровати, аки бухар какой... Да ты слышишь, ай нет...». Так я выплакал лапти. Какая была радость!

А еще — клопы. Самые живучие насекомые, неистребимые, и, как говорил мой дед, «несказамые». Он ненавидел их всем существом. Глубокой ночью, когда в душных избах спали мужики, бабы, дети, поросята, ягнята, телята, дед вдруг начинал возиться, поднимал меня, кипятил воду, сгребал в кучу матрац, одеяла, и начинал плескать во все щели кипятком из ковша.

Бабка слезала с печи, приоткрывала дверь в горницу, выглядывала и стоном стонала: «Ой, ой! Все шпалеры, картинки оборвал на стене, все залил, угол и стену сгноил, окаянный, доходяга...» И дед злобно, как будто клопов развела бабка, зачерпывал ковш кипятка, рычал с дикостью затравленного зверя: «Цыц, сейчас и тебя!» Бабку как ветром сдувало...

Любуясь солнечным светом, порхающими снежинками с высоких тополей, я часто останавливался перед избами с заколоченными окнами, занесенными пепелищами, дворами с провалившимися крышами, рухнувшими наземь. Вспомнились жители, умершие и уехавшие, их фамилии, броские, отражавшие ту или иную черту характера, на удивление меткие: Скородумовы, Кривокорытовы, Липилкины, Чернобровкины. А прозвища — еще оригинальнее, прилипчивей: Конфетра, Копейка, Гундоска, Клебляшка, Красота... А у мужской половины: Острая Макушка, Ноги—Поперек Дороги, Сморчок, Скворец.

А вот прямо передо мной за высокими полусгнившими тополями — остатки догнивающей избы в две связи, отчасти

растасканной на дрова, давно умершего кузнеца по прозвищу «А Хлеб». Он ясно и живо вспомнился мне. Маленького росточка, с длинными острыми и рыжими усами, в дырявых валенках или разбитых сапогах. Он часто останавливался перед нашей избой, курил с дедом, и когда уходил в свою кузницу, дед, глядя ему вслед, тихо говорил как бы самому себе: «Усы — как у таракана».

«А Хлеб», дядя Андрей, с его многочисленным прожорливым семейством, всю жизнь проработал за палочки, за трудов дни. В кузнице он работал вместе с супругой, тучной и всегда веселой. С ней, как шутил он сам, наострил семерых детей. После его смерти они разбрелись по городам. Тогда селянам было трудно, мучительно голодно. Но деревня жила и боролась, теперь в этих снежных ометах, кажется, невозможно существование даже и самого духа русского. Все поля, засеваемые тогда гречей, подсолнечником, луком, картошкой, рожью — заросли не то что бурьяном, а уже и березняком невообразимой густоты. Дед рассказывал, что в те голодные времена, когда дядю Андрея звали работать в кузницу, он всегда спрашивал: «А хлеб?» Очевидно, колом в голове кузнеца стоял этот вопрос, с языка не сходил. Так и прозвали его: «А Хлеб».

«Ох уж тот хлеб, — невольно вырвалось у меня, когда я с отчаянной скорбью отвернулся от избы дяди Андрея, «сроду не евшего хлеба вдосталь»... А теперь я и сам сидел без хлеба, и все — из-за непогоды, снежных заносов. Не так-то просто прорваться в центральную усадьбу, в сельмаг. Хлеб сюда не скоро привезут. Не принято в снежной России сегодня пробираться на санях, не поедут — кинь на кон даже саму жизнь человеческую. Раньше сани в детстве моем были одной из первых радостей: сани тракторные, сани в упряжь, санки-салазки, сани-розвальни, рохли и самогнутые... Давненько я не видывал саней по моей губернии, что тут скрывать... Забыто санное ремесло, как и множество других ремесел. О хлебе же невольно думалось мне все чаще. А как же обходятся месяцами без хлеба Акулина, Елизавета, Кузьма?

Хлеб, помнится, в детстве моем привозили в деревню на старой телеге, в ларе. Ларь огненно нагревался под солнцем. В этом металлическом коробе под замком он как бы еще допекался, доходил до кондиции по дороге из пекарни. И вот в избах громко, радостно, суетливо-поспешно хватали мешки, считали деньги, вскрикивали, передавая соседям: «Хлеб привезли».

Всякий раз, летом или зимой, осенью или весной, всегда при виде этой единственной улицы — приходят самые мрач-

---

ные мысли. Кажется, что по Выселкам прошел мор. И кажутся пророческими в далеком детстве слышанные, а теперь пришедшие на память причитания нищей старухи. Она сидела на паперти и поминутно встряхивала огромной жестяной кружкой с милостыней. Кружка угрожающе гремела мелочью в подтверждение грозных слов старухи: «Будут глады и моры и будет всемирный потоп...» И почему-то до содрогания живо представилась мне эта старуха, слепая, гнутая, с высоким рогатым, как у колдуньи, батожком. Где это было? Ах, да! На святом колодце в селе Кошебееве. Бабка таскала меня туда на двенадцатые праздники за святой водой. И еще на какой-то праздник, который она называла «девятой пятницей», считая, верно, от Пасхи. Там, в Кошебеево, все ветки ветел вдоль источника были усыпаны навязанными белыми тряпочками, косынками. Народу — огромное множество. Все чаяли исцеления, достатка, работы. «Гляди-гляди, ягодка, — твердила мне бабка, — загляни на дно колодезя... Видишь ли что?» Я взглянул и отшатнулся — огромный крест с золотым отблеском лежал на дне. И потом я долго присматривался, не привязан ли этот крест где-нибудь сверху, не отблеск ли это, не тень ли подлинного, ловко припрятанного креста над криницей...

Память, память... И такое сегодня веселое, несказанно солнечное утро, первое за всю святочную неделю. И в такой красоте, радости и живом порхании снежинок, в этой сказочной быстроте скачущей за мной серым зайцем собственной тени — вдруг настиг голос слепой старухи из прошлого.

Взяв за правило каждый день проведывать стариков, я хотел было заехать к Акулине, но метрах в двадцати увидел деда Кузьму. Он расчищал дорожку к своему крылечку. Я подошел, поздоровался.

— Чтой-то, малый, невеселый у тебя вид, — заключил дед, свертывая козью ножку. — Ай плохо спалось?

— Плохо спал. В полночь топил грубку, верно рано закрыл отдушину, угорел.

— Я тебе хрен дам, теркой натрешь, самое что ни на есть лучшее средство от угара. Завтракал?

— Нет, не хочу. Да и нечем. Ни хлеба, ни сухарей. Придется ехать в Дубровино, в сельмаг.

— Вместе поедем.

Дед Кузьма поставил лопату возле крыльца, долго и надсадно кашлял.

— Когда-то сорок два двора стояли в наших Выселках, а теперь пусто, как мор прошел, — сказал я.

— Сорок пять изб было перед войной, — поправил меня дед Кузьма, — теперь — конец. Председатель так и сказал: как помрем мы, обе старухи и я, «святая троица», быльем зарастет деревня. Мы и сейчас им, начальству-то, как бельмо в глазу, донимаем их: надо то, надо се. Хлеб, спички просим везти. Самим-то трудно добираться. А у них свои дела, не до нас. Я как-то осенью зашел к председателю колхоза, да, видно, в неугожий час попал. Он вытаращил на меня глаза, аж поджилки затряслись: «Ты зачем явился, киник! Вон отсюда!» Вот гад-то ползучий. Как печи новые в колхозных банях, двор надо делать — сам ко мне с бутылкой, бригаду мужиков наряжает под руководством моим... А тут — «киник». Обывает. А кто это такой, «киник», ты, малый, не знаешь случаем? Нет? Верно, плохо одеваюсь. Уж лучше б — матом, там хоть все понятней, а то — «киник»! А я ему — «Я киник, а ты — кашепьян!» Даже слушать он меня не захотел. Орать только и умеет, больше ничего.

— Что за кашепьян? — сдерживая смех, спросил я деда.

— А прозвали его так. Рыбалку больно любит. Постоянно живет в городе, из Сонино приезжает руководить. На своем месте в конторе его трудно поймать. Все лето с друзьями на реке, рыбу ловят да пьют. Рыбы, известно дело, давно уже нету, так они с друзьями кашу варят с выпивкой. Кашу вместо ухи. Их тут, этих предколхозов меняют как цыгане лошадей. И все не наших, а городских присылают, кашепьянов. И этого скоро снимут. Чего гогочешь-то? Верно говорю... До ручки колхоз добились, все пропилили, гады ползучие. Реку отравили, а теперь на рыбалке вместо ухи — кашу варят да жрут.

— Как отравили?

— Да очень просто: удобрения отыскивали какие-то в силосной яме, а удобрения там со времен застоя, тысяча лет в обед. Ну, эти и обрадовались, и давай сеять удобрения по-дурному. Дождиками смывало удобрения в реку, берега облысели. Трава, мать-и-мачеха и та не растет. Ядом пески пропитались. А и сеяли-то пьяные трактористы... Потом-то спохватились. Тут приезжали, разбирались, сыр-бор был, да какой! Ну да ладно, всего не перескажешь. Было, да быльем поросло. Будем думать, как дальше доживать тут.

— До колхозов, говорят, лучше жили, до коллективизации.

— Лучше, конечно, — отвечал дед. — Но тоже не все. Кто не ленился, не пьянствовал, мужицкая сила в избе была, да лошаденки, да скотинка водилась... Те жили хорошо. Землю по едокам давали. «Клинья» свои были, загонами назывались. Да и то из лаптей не вылезали, обувку-одевку жалели, как глаз берегли. Но хлеб был, не голодовали до самых кол-

---

хозов, до тридцать третьего года. А потом согнали в колхоз гуртом, а тут и тридцать второй, тридцать третий — два года засуха. Эх и голод был! Людоедство было! Не у нас, правда, не в Выселках, а было, разговор был, помню... Меня как-то Бог милывал, вовремя убежал из колхоза.

— А до революции хорошо жили?

— Ну, я тогда пацаном был, плохо помню. Но тоже не медом пахла жизнь. Тоже — лапти, щи, картошка, капуста. Кашка да лапша по праздникам. А в простые дни — не у всех. Отец твоей бабки, помню, имел маслобойку. Масло били из конопли, льна. Шли и ехали к ним, а за маслобойку платили. Мужиков было трое, плотники хорошие. Как осень — убрались дома — пошли на отхожий промысел, глядишь, к зиме-то и денешки, и обновки себе, бабам и детишкам. Шабашники, как сейчас говорят. Да и теперь так-то: кто ловок да смел — тот дважды съел. Словом, ничего не изменилось. Трактора появились, да автомашины, да вон эти косые столбы, электричество. А люди и не изменились, ни умом, ни сердцем. Если бы хорошо все жили — не поднялись бы на царя, на помещиков. Как было, так и будет: кому высоко летать, а кому дерьмо клевать... Ну да ладно, завтракать будем или в обход пойдем?

— Надо в обход идти. А потом завтракать будем, — ответил я, помогая деду закончить с расчисткой дорожки от снега.

С северо-востока все ближе и ближе подступали мрачные тучи, смелее потянули порывы ветра. Расчистив дорожки, мы пошли в обход, как все три прошлых морозных дня, заходили сначала к бабке Лизе, потом все вместе к хворой Акулине, там и завтракали в складчину, собрав все припасы.

Обе бабки — Акулина и Елизавета — одинокие старушки. У Елизаветы где-то далеко жила сестра — та давно не приезжала и писем не писала, Акулина, по ее словам, «в девках осталась» из-за какой-то женской болезни. Теперь же целый «букет», а вернее — махровый веник болезней донимал бабку. С трудом она вставала, ходила по избе под руки.

Мы шли по снежному глубокому снегу — я впереди на лыжах, а дед Кузьма еле-еле шагал сзади, высоко поднимая свои валенки, закрываясь воротником полушубка от ветра. Бабка Лиза уже расчистила снег, узкая тропинка вела нас к косому крылечку с низким козырьком. Дед Кузьма постучал в окно, крикнул:

— Елизавета, живая?

Бабка Лиза вышла, на ходу застегивая «сачек» — старинное, модное когда-то плюшевое полупальто, в серой теплой

шали и валенках. Маленькая росточком, чистенькая, седые волосы выбивались из-под шали; она то и дело легким движением заправляла пряди под шаль. Акулинина изба стояла через дорогу, окно в окно. Я пробил лыжню, оглянувшись: старики шли под руку, о чем-то говорили, показывая на черные тучи. Возле крыльца Акулины стояла деревянная лопата из фанеры. Начали по очереди откапывать от снега Акулину.

— О, господи, хоть бы ноне не мело, — взмолилась бабка Лиза. — Снег убирать не успеваем, рук не хватает, а к вечеру, похоже, снова понесет...

Дед Кузьма, вытирая тряпицей мокрое лицо, ответил:

— Снег-то что, вот хлеб весь вышел, спички кончились... Ноне сходить бы в сельмаг, да ведь пометет, как вчера, света белого не увидишь, не доползти до сельмага. Ишь, как чернеет, солнце закрыло. Я с утра чувствовал — суставы болели.

Разговоры о хлебе, о болезнях и болях в ногах, в пояснице — велись всякий раз, когда мы убирали снег или собирались вместе. Избу Акулины занесло до окон. Два маленьких наличников глядели в улицу. Толсто заледенели стекла. Крыша, крытая соломой, а сверху еще слоем толи, так низко висела над завалинкой, что чувствовалось: вот-вот рухнет вместе с трубой и снегом.

Откопав снег и расчистив крыльцо, мы с трудом отворили косую, осевшую на доски порога дверь. В сенцы намело снежной пылью, а избяная дверь так примерзла, что с трудом открылась. Бабка Акулина лежала на печи в валенках, телогрейке и под лоскутным одеялом, засаленном до блеска. В избе стоял полусумрак, будто на улице едва рассветало.

— Акулина, вставай! — будила Лиза подружку. — Вставай, а-то совсем замерзнешь, помрешь.

Акулина взглянула, выпростала из-под одеяла руки и ноги в разбитых валенках, тяжело дыша, села на краю печи, ошалело смотрела на нас, верно, не сразу узнала пришедших. Жидкие седые волосы свалялись, неряшливо рассыпались по плечам. Посидев минуту-другую, Акулина заплакала, запричитала:

— Господи, Иисусе Христе, дай мне дожить до сугрева, а весной-то на карачках к мамке поползу, рядом под тополями лягу.

Дед Кузьма невесело засмеялся, говоря свои обычные шуточки-прибаутки, а бабка Лиза, поправляя на Акулине сбившийся на сторону платок, утешала ее:

— Ну, будя тебе про могилку-то, будя... Сама себя зарань света хоронишь. Грех так-то говорить, успеешь. — И, повернувшись ко мне, бабка Лиза попросила: — Саша, сымика ее оттуда, не ровен час, упадет, ишь как сидит-то...

О, эта нищенская, одинокая старость в забытой Богом и людьми деревне! Всякий раз, когда приходишь к Акулине, отворяешь дверь, проходишь в избу, чувствуешь тяжесть этого низкого потолка, который тяжелым вороном как бы слетает тебе на плечи... Чувствуешь этот застоялый запах старой избы, — здесь все пропитано духом овчины, духом валенок и золы. Когда видишь, чувствуешь одинокую, всеми забытую душу «ближнего», внутренне содрогаешься, и белый свет кажется обманом, ловушкой, а всякая радость на этой земле — иллюзией; когда видишь это исхудалое лицо, желтовосковое, стянутое сетью глубоких морщин, — охватывает безотчетный ужас, наворачиваются слезы отчаянной беспомощности, сердце кажется чужим и стучит в висках молоточками...

Я встал на нижний приступок печи, снял бабку с тесного и узкого пространства между печью и потолком. Мрачно, в радужном ореоле, как в бане, светила маленькая экономная лампочка, освещающая кровать под стареньким байковым одеялом, стену с самодельным ковриком над кроватью, на коврике аляповатые цветы. Бабка Лиза затопила печь, хотела было ставить чугунички с варевом, да в ведрах вода зазеленела, и пришлось мне идти к колодцу за свежей водой.

Натаскав воды с запасом, я уселся в кухне на табуретке. В печке трещали дрова, шел какой-то оживленный разговор. Акулина, помогая Елизавете, с дрожью в руках чистила картошку для варева. Дед Кузьма курил и что-то рассказывал, размахивая руками.

Они все время говорили об одном и том же: работа, трудодни, голод, война, снова голод, словом, все их разговоры — истории выживания. Всякий раз, слушая стариков и старух, мне думалось, что я изучал историю какой-то другой страны, не России, читал «другую» литературу о «другой» деревне. И на тракторах-то работали с песнями. А в колхозах пшеница стояла стеной. А эти истории, те, что я слышал здесь, трудно было составить в стройный рассказ и записать — так они были неожиданны, противоречивы, самобытны, спорны. Скажем, чтобы опорожнить нужники, в городке гонялись за Кузьмой, спорили из-за очереди к ассенизатору-золотарю. Кузьма этим пользовался. Цену наращивал. А чтобы успевать угодить всем, да и самому подзаработать, выливал дерьмо из бочки недалеко от города, по межполью. Иногда — прямо в черте города, в околотке, засыпая-припорашивая осенней листвой да лапником, чтоб не воняло.

— Раз чуть в каталажку не загремел. Конкурент появился, — жаловался дед.

— И что же ты?

— Что? Так звезданул по его бочке, что лом погнул. Молодой был, горячий.

— А если бы он «стукнул» в отдел?

— Не стукнул, — отводя глаза, бурчал дед. — За ним грешок был, похуже моего, я знал...

Акулина помнила себя дояркой, Елизавета — трактористкой, а дед Кузьма — золотарем при депо узловой станции Сонино.

Почему-то из всех выселковских мужиков Кузьма Лукич Комков казался мне самой загадочной и противоречивой личностью. Мой литературный «червячок» зашевелился. Кузьма Лукич — говорило сердце — тип своего времени, выходец советской власти со всем своим оригинальным багажом. И я вновь пустился в воспоминания. Перебирал все случаи встречи с Кузьмой и моим дедом.

Они были закадычными друзьями. Оба родились в соседнем селе Дубровино, где теперь центральная усадьба, а перед самой коллективизацией одни из первых переехали вместе с молодыми семьями в Выселки. Дед мой рассказывал, что тогда было пять домов. Приходил погостить Кузьма в старой рубаше, разбитых фэзэошных ботинках, а временами — в лаптях. Эти его лапти изумляли и смешили: никто уже не носил их.

Обувался в лапти Кузьма Комков и в городе, ходил, бывало, по базару, выискивал своих выселковских мужиков, угощал водкой, пускался в долгие разговоры, всякий раз спрашивал об одном и том же: дают ли что на «палочки», на трудодни, а узнав, что не дают, заливался веселым смехом, подначивал мужиков, однако и о себе говорил: «И тут не сахар, и в депо не мед... Тоже в лаптях хожу».

Дед мой, когда приходилось ему бывать в Сонино, заходил к Кузьме Лукичу, видел у него новую железнодорожную форму, сапоги, начищенные до блеска, и это обмундирование наводило моего деда на раздумья. Какова суть всех этих лаптей, грязных рубах и всего запущенного вида Кузьмы? Он, де, хотя и убежал из колхоза, а живет не лучше, а хуже колхозников? Раз так — никому не надо завидовать и следовать ему.

В Выселки он приходил пешком, с сидорком съестных припасов, с деньгами. Тащил семье, как говаривали злые бабы языки, сырым и вареным. В погожие выходные дни, вечером, когда загоняют по дворам скотину, Кузьма Лукич с высоким батожком ходил по единственной улице Выселок, зорко стреляя своими острыми глазками по окнам: все ли видят его? Часто останавливался, пускал в бабы уши «утки»:

— Слышал от деповского начальства, что скоро будут платить в колхозах большие деньги, а пенсии какие в городе будут получать!

Бабы, ребятишки, мужики смотрели на Лукича как на диковину.

Выселковский кузнец выходил из своей нищенской копны-избенки, крытой слоями сгнившего до ржавчины камыша, закуривал у Кузьмы «пшеничные» папиросы, все спрашивая у городского о новостях...

— Скоро будешь получать в кузне ба-льшущие деньги, точно знаю, от начальства слышал, — врал без зазрения совести Лукич.

— А сколь так-то... — легко верили, как склонны верить всем добрым вестям, особенно деревенские.

— Сколько? Ну, это мы, брат, с тобой за косухой обговорим, обмозгуем. Не уличный разговор. Жди, вечером зайду, — кричал он, широко шагая по улице, отмеряя шаги крупным и каким-то сказочно-причудливым батагом «от собак»...

Крепко запомнился мне Кузьма Лукич с детства. Над ним смеялись, издевались, а он гнул свое. Медлительный, как теленок, терпел, но мог порою ответить так метко, что получал на орехи, неделями ходил с лиловыми, с отливом в синеву, синяками.

Своими острыми фразами, пригудками, частушками Кузьма высмеивал выселковские нравы, пороки. Не любил он колхозное начальство. Раз, увидев бугра, Николая Фирсовича, остановил его, угостил папироской, а, закурив, подмигнув, посмеялся в бороду, да и спел: *«Бригадир, бригадир, лохматая шапка, Кто бутылку поднесет, тому и лошадка!»*

Но бригадир, пьяница и плут, никак не среагировал на подначку. Взглянув искоса на Кузьму, он ответил:

— Будет и лошаденка, только одежонку смени, а то кобыла испугается.

Бывало, Кузьма Лукич, остановившись против нашего окна, подавал голос:

— Терентий, ты дома?

Дед мой раскрывал окно, звал его в избу. Бабка начинала ворчать:

— Опять идет! Эх, и дурак, прости господи... И чего шатается по чужим дворам?

Кузьма заходил, здоровался, ставил в угол батажок и устремлялся в горницу. Я, не спуская глаз, смотрел на Кузьму Комкова, на его густую седую бороду, широкое лицо, горбатый нос и глубоко посаженные острые глаза. Садился он на лавку широко, основательно, как будто навсегда. Уставив-

---

шись на деда своими маленькими серыми глазками, Кузьма Лукич улыбался, спрашивал деда о колхозных делах, но разговор не налаживался. И тогда Кузьма Лукич вынимал из бокового кармана допотопную склянку с самогоном, ставил на стол. Дед оживлялся, приносил стаканы, а бабка начинала заводиться, ворчать так, чтобы слышал Кузьма:

— И чего ходит? От делов отводит... Вот ходит и ходит...

— Мать, а мать, — по возможности ласково просил дед, — дай-ка нам чего-нибудь зажевать, занюхать что-нибудь...

Бабка приносила картошку, огурцы, хлеб. От самогона отказывалась наотрез, ее неволили, силком усаживали за стол на табурет. И она, бывало, пригубит, намочит губы, говоря:

— Ну, яд, как есть яд... — И уходила из горницы, отгоняя ладошками дым от табака-самосада.

А в горнице стоял дым коромыслом. Друзья прикладывались по единой, но неоднократно, языки развязывались, они друг друга перебивали, начинали спорить, упрекали, хвастались, становились неузнаваемы. И в конце концов, когда пустела склянка, дед жаловался, смахивая пальцем набжевавшую слезу, рассказывал о фронте, о годах выживания в немецком плену и о том, как после войны то и дело таскали в местное НКВД. Рассказывая, дед мой так входил в роль, менял голос, жесты, так умел пережить все события далеких невзгод нано-во, что я диву давался, еще больше начинал уважать деда, проникался сочувствием к нему, к его неласковой судьбине.

Между тем Кузьма смеялся, повторяя свое: «Да ну тебя» или «Да иди ты, будя врать-то...» Но все же чаще скороговоркой и мелко-мелко крестясь:

— А меня Бог миловал, Бог миловал...

— Да не Бог, ты сам себя миловал... — отвечал дед. — Помнишь, как я тебя по берегу Мокши-то водил? Ты тогда слепым прикидывался. Шел-щупал батожком впереди себя, потом: «Ох, какая штука плеснула!» — и через пять шагов — опять слепой... Да я же помню. А ведь знал ты уже тогда, что нас с Петьюшкой Хренковым добровольцами приписали... На фронт!

Дед Кузьма не любил разоблачений, недоговаривал, юлил и скрывал свое прошлое. Если не был в сильном подпитии, то и говорить не любил. Опасался проговориться, что ли? Любил больше слушать:

— Вас тогда, помню, человек пять приписали сразу на фронт, взяли осенью, — вспоминал дед Кузьма.

— Шестерых нас провожали, — уточнял дед Терентий, перечисляя по пальцам, называя по именам-прозвищам: — Андрей Скворец, Семен Таракан, Корней Верхогляд, Аким Супостат, Иван Хорек и я. Ой, и горько мне на душе... А оде-

---

ты—обуты были кто в чем: старенькие сапоги, телогрейки, в шапках, годных только на галчиные гнезда. А в холщовых сумках за плечами: яички, пышечки. Не густо. А и осень была мокрая, дожди зарядили, всё дожди и дожди, будто небо плакало об нас, горемычных. Всем было кому под сорок, а кому чуть больше. У меня пятеро оставались, настругали пострелят с дуру-то тогда. Всей деревней нас провожали, море слез выплакали. Мой младшенький влепился в меня: «Тятенька, возьми с собою...». В военкомате разделили по спискам, двое только и вернулись: Семен Таракан — без ноги, да я. Из плена. От Сонино пять часов шел. Доходягой, будто кровь из меня выщедили.

— А меня Бог миловал, миловал, — гнул свое Кузьма, как бы нарочно хвастаясь, какой он все же хитрый, умный, лучше всех из Выселок. — Сметка у меня, Тереха. Иногда кажется, видеть вперед могу... Вот давеча в карты играли, в подкидного, у меня — пики все... Спасибо, я мужик такой ловкий. Я пики скидывать начинаю, все скидываю. Оставляю только восьмерку..

— Да-да, ловчи, ловчи, — оборвал его дед Терентий. — А я слышал так: если тут, на этом свете прокатит, на том свете притормозит маненько. Будут много спрашивать... За все спросят. Я же один раз с тобою комиссию-то проходил в сорок первом. Чего ты так обулся-то тогда? Помнишь? Одна нога в сапоге разбитом, другая в калоше старой на веревочках. Все норовили почище одеться, помылись в бане, а от тебя воняло, как из нужника тебя вытащили.

— Прямо с работы я тогда пришел на комиссию-то, прямо от бочки с дерьмом. Я же золотарем был.

— Да знаю, что не комиссаром. Но мог же ты помыться, переодеться, как все нормальные люди. Ты и сейчас-то все хитришь: «семь пик на руках...»

— Было дело, было дело, — скороговоркой говорил Кузьма, то ли хмурясь, то ли ухмыляясь. — Да я и не хитрю, не отговариваюсь, время было такое. А и теперь не сласть. Меня и тада начальство защитило, заступилось за меня, больной, на фронт не гожусь.

— Больной?! — с каким-то радостным изумлением обнаруживал новость мой дед. — А ить я тебя с малолетства помню. Мне-то хоть не ври, больной. Знал я твою болесь: на кого б залезть. Боялся ты. Боялся, вот и все. Боялся — укокошат, притворялся дурачком, припадочным.

— Да что же ты-то не притворялся? На фронт забрали, в плен попал. Видали вояку? — злился Кузьма. — Надо еще суметь притвориться-то. Макар, вон, чего же не обманул-то, докторов-то?

— Макар?

— Да, Макар, а кто же? Не получилось глухим-то прикинуться? До сорок второго его мурьжили, обслушивали, обступивали, в уши заглядывали. А в сорок втором уж врач-старик на понт взял. Осмотрел его с пристрастием и говорит: «Да, не годен, совсем не годен... Ну, иди, одевайся». А Тугодум все свое, он же глухой, помнит, вошел в роль: «А? Чего?». А врач-то, старик, когда Тугодум уходил уже, кинул в угол мелочь серебром и негромко так буркнул себе под нос: «Иди, кашу ешь!» А Тугодум жрать здоров, смекнул, будто походную кухню на комиссию привезли. Подумал, что накормят напоследок, кашей-то. Оживился и в дверь: «А где каша?» — А врач ему: «На фронте каша! На передовую его!» — Да так гаркнул на Тугодума, у него коленки покосились. Он сел и заплакал. Так его и забрили, загремел и сгинул где-то, под Москвой, что ли... Там, по слухам, больше ста тысяч полегло как один. Костями. Прямо с парада — на фронт. Сталин принимал парад.

— Тугодум и глуховат был, и с придурыю, — напоминал дед Терентий. — У малого уши и впрямь болели, воняло из ушей. Лечился он, что только не придумывал. И из муравьев что-то давил, и капустные листья парил, прикладывал. И овес отжимал с крапивой — ничего ему не помогало. Я же знаю, овец с ним стерег.

— Ну, уж и не знаю, — сердился и терялся дед Кузьма, — сам я с ним не был в тот раз, а люди говорили. Я — что. Люди — лож, и я тож. Да тогда в сорок втором-то не больно и разбирались. Руки-ноги есть — иди, воюй. А меня, верь-не верь, Тереха, сам Бог пасет от всякой напасти. Да и начальство. Бог — он и через начальство действовал. А как же? Я им нужники чистил, дрова колол, уголек подвозил. Безотказный, незаменимый был для начальства. Так прямо и скажу, без утайки. Меня раз в военкомате так и сломало, ей-бо, так ломало и корежило, ажник пена ртом и носом шла. С того раза и отстали.

— А-а, пена пошла?! — тоненько и сипло от возмущения вскрикнул мой дед Терентий. — Пена у него пошла, ты глянь-ко. С чего это? Да я тебя с детства знаю, в двадцать втором с тобой служил, и после службы жили почти в соседях. Не замечал я твоей пены, здоров был, как бык племенной. Вид только у тебя такой, смурной какой-то, угрюмый. И озорешь все. Кого-то обманываешь. Сам же по пьянке сколько разов орал мне в лицо: «Я? Да я всю Сэ-Сэ-Сэр обманул!» Мне-то хоть не ври про пену.

— Хм, хм, — ухмылялся дед Кузьма. — По пьянке-то мы чего только ни болтаем. Ты вот выпей да про войну-то дока-

---

зывают, а я послушаю. Выпей, выпей, горюн, не плачь. Все прошло и былшем поросло...

— Не сто, Кузя, под Москвой в декабре-то легло, а девятьсот шестьдесят ты-сяч... Тысяч, Кузя. Не считая медперсонала в Сибирской бригаде. Одной винтовкой на троих, пушками на деревянных колесах победили, пока ты нужники-то свои чистил...

Дед мой был высок ростом, долгошей, израненный на фронте, он был так худ, костист, будто и впрямь в плену выпили из него всю кровь, сломали душу. Стоило ему порой напомнить о войне, мол, дед, расскажи, он начинал как-то очень отзвучиво, с интересом рассказывать и не мог закончить. Ополченец, едва призванный, он остановился, не мог идти в блиндаж, когда впервые увидел зимнее поле, устланное трупами солдат, через которые нужно было перешагивать. Он не мог перешагнуть — «люди же, хоть и убиенные». «Иди, иди, — толкнул его в спину с двумя красными кубарями лейтенант. — А-то в пораженцы запишем...» И все угодливо захохотали, пролезая в землянку.

Бабка тоже не понимала таких «нежностей», она как-то проще была, и всё на этой земле ей было понятно. Она стояла на земле обеими ногами и жила на земле. В небо смотрела редко. А попенять любила:

— А и слаб ты, отец, хоть ополосни да в гроб клади. А чуть клюнешь, слезами обливаешься.

Дед же хорохорился, бодрился, фальцетом кричал бабке:

— В гроб рановато! Поживем на этом свете, поносим м...ду в кисете!

Вспомнилось, как собирались в нашей избе суровыми снежными вечерами деревенские мужики, собирались вьюжными ночами, когда мело так, что света белого не видно было. Старики, инвалиды прошлой войны усаживались на скамейке, табуретках, на кровати, на полу перед грубкой. Разговор начинался с колхозных дел, с хлеба насущного. Ругали начальство, потом вспоминали случаи на войне и деда просили рассказывать о немцах, об их порядках.

Записывая все эти истории, я изредка поглядывал на улицу в снегу, и этот вечер казался мне как бы продолжением тех далеких вечеров, и события в памяти искрились и пламенили, готовыми рисовались под пером на бумаге.

С выпивками собирались только на праздники — престольные или светские, — и тогда бабка, покончив со всеми делами, уходила к соседке. Не могла она терпеть подвыпившего деда, не в меру храброго и разговорчивого. Но и в будни, попросту, как ходят в клуб или церковь, в простые зим-

---

ние вечера собирались у нас мужики. Отогревались. И тогда горница наполнялась табачным дымом. На полу валялись окурки, взрывы хохота приводили бабку в трепет, ее терпение расклевывалось, истощалось.

— Мужики, — растворяя дверь из кухни в горницу, совестила бабка. — Мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи? Дайте хоть поужинать спокойно... Подика и в уборную захотели? — И тут же накидывалась на главного виновника сборищ, на деда: — А с тобой, доходяга, я после поговорю! Я тебя сковородником приласкаю...

И когда страсти накалялись, мужики, нехотя, расходились.

Но самым главным, внимательным и желанным слушателем был дед Кузьма. Тут раскрывались самые сокровенные дела и думы.

— Слышал, что тут нагородили эти вояки, наговорили! Сто верст до небес, и все лесом, — сипло смеялся дед Терентий, толкая Лукича под локоть после очередного сборища, — чего молчишь, заснул? А меня, прямо это, жуть берет: герои! Все герои, когда войны и в помине нет. Это как на кулачных, кто позже всех в драку вяжется, тот больше всех потом врет. И «языков» они брали, и штабы громили, кровь мешками проливали. А им и было-то тогда кому двадцать, а кому и того меньше. Да эти-то, считай, все на фронт попали когда? Когда? — переспрашивал Кузьма.

— Когда уже поперли немцев наши: сорок третий, сорок четвертый, вот когда. А вот когда от них драпали, худо было всем. Я помню времена, когда винтовку давали на двоих, бергели пуще глаза своего. За порчу, утерю оружия могли расстрелять без суда и следствия.

— Ужели так и расстреливали? — не верил или притворялся, что не верит, дед Кузьма. — За винтовку?

— А что ты думал? — втолковывал дед. — У меня был такой случай. Дали команду чистить винтовки. Расстелил я плащ-палатку, разобрал винтовку, почистил-потер все детали, ствол, все честь честью, вряд со всеми. Начал собирать — и обмер, батюшки! Шептало недостает. Туда-сюда, нет шептала, как сквозь землю провалилось!

Дед Терентий, и рассказывая, едва не плакал, показывал прокуренными пальцами величину этого самого шептала:

— Ма-аленькая такая фиговинка, с гулькин нос... Ищу я шептало, солдатик прибежал: «Ужинать зовут!» И сам убежал ужинать. А мне, Кузя, не до ужина. Вечер наступил, вот-вот темно станет, а я все еще с разобранный винтовкой ползаю. Уже и поужинали все давно, луна начала восходить, а я

возле копешка-то ползаю, на коленях. Каждую былинку перешуupal, каждую детальку десять раз пересчитал, пересмотрел, на плащ-палатке все морщины разгладил, — нет как нет. Пошел докладывать взводному. А взводный — низкорослый, молоденький лейтенантик, на моего старшего чем-то похож... Доложил. Думал, он поможет, ну хоть на помощь кого даст. А он вперился в меня глазами, ну — хищник, ни дать, ни взять, за кобуру хватается: «Не найдешь — прострелю!..» Я это его «прострелю», голос его и сейчас слышу. Потом его, беднягу, контузило тяжко, при наступлении. А тогда вернулся я к своей винтовке сиротой. А луна все выше и выше закатывается, закурил, стало светло кругом, наши уже спать полеглись, а мне не до сна. Деревня вспомнилась, как будто я веду колхозного мерина Рыбака на купальню. Шерсть у него черная, он блестит, аж лоснится. А на берегу — мать, жена, детишки. Что-то кричат мне, машут. Да что же это такое — блестит, или кажется мне сквозь сон... мундштук, что ль от узды, в траве. И у них теперь поди-ка светит луна, укладываются спать. Окурок потух, а я все вглядываюсь в скошенную траву, да что же там такое блестит?.. Подполз, хватя рукой — оно! Шептало! Господи, собрал винтовку, бегом — докладывать взводному. Рад как был тогда! Отродясь такой счастливый не был.

— Н-да-а... — улыбаясь, говорил дед Кузьма. — Подшутили над тобой, так подшутили. Свои ж, поди, друзья, боевые товарищи... — На лице его не было и тени сострадания: — Н-да-а, вот тебе и шептало-нашептало... А если бы не нашел, расстреляли бы?

— В расход. За милую душу. — Дед Терентий уронил голову на грудь. — Приказ накануне как раз зачитали «Ни шагу назад». За дезертирство, утрату оружия и прочие дела — расстрел на месте. Сержант имел право расстрелять. Да и время-то какое было, все отступали. В окружение попали тогда, в плен взяли всех почти. Тогда же, после случая с шепталом-то. Утром приказ: наступать. Танки прошли где-то в стороне. Выскочили из землянок — копны горят, а которые целы — молодые наши, пополнение, за них прячутся. Да, не долго наступали мы. Какое тут, армада! Наша стрелковая рота рассыпалась по болоту сухому. Там да там слышу, стреляют одиночными. В ответ — как ухнет! Из танка, что ли? И огонь пошел и пошел. Кто-то «мама, мама», — кричит. А я и встать не могу, голову чуть приподнял, гляжу — они, румыны, на лошадях, верхами, смеются, белозубые, смуглые, веселые, верно, — пьяные. Кремешки наши отнимали, показывали друг другу, и все — шутя, хохотали, как над пещерными людь-

---

ми... Это у нас все — кремень да кресало, закуривали от искры, от фитюльки. А у них-то у всех уже зажигалки были. Сразу понял: конец, плен. Да недолго пролежал так. Стали поднимать раненых, стонять в толпу. Немцы, румыны, полицаи. Тех, кто встать не мог — добивали на месте. О, мать родная. Мне голову перевязали исподней рубахой, какой-то сержант взялся вести меня, подставил плечо, верно, с соседней роты. И погнали по августовской жаре...

Я писал в каком-то исступлении — так живо вспомнились истории моего деда. Кузьму Лукича, весь образ его, и внешний, и внутренний, я видел как бы сокровенным зрением, словно он сидел передо мной.

Надо было идти ужинать. В избе деда Кузьмы уже, верно, собрались и ждут. К тому же я обещал принести Кузьме бутылку. Идти не хотелось, хоть было уже без четверти семь вечера.

Кормились, «харчились», как говорили старики, в складчину, маленькой бригадой, чаще — у Акулины, недугов ее многих ради, временами с выпивкой для сугрева: «Не пьем, а лечимся», — как любили они приговаривать. Старики мои привезенную мною водку называли «очищенной».

По совести сознаюсь, я не был бескорыстен: выпив по черепушке, старики становились ближе, понятней и искреннее и рассказывали о себе гораздо охотнее. А повесть в моем сознании росла и расцветала, как белая сирень в далеком моем детстве.

Прихватив из своих запасов «очищенную», я поспешил к старикам и как только вышел на крыльцо, чернота ночи приковала меня к порогу. И тишина. Жуткое молчание кругом. Даже собаки не брешут — тут нет ни одной из-за невозможности их прокормить. Да я и сам чувствовал, что оживает во мне малопомалу какая-то врожденная вековая осторожность. Нехорошие слухи ползли и из райцентра об убийствах нищих стариков. Особенно поразило меня известие об убийстве пчеловода.

Было это так. Пасека давно изжила себя. Пчеловод, бывший фронтовик, устал жить в деревне, не справлялся уже по старости со скотиной. Инвалид, без ноги — покоси-ка да навоз покидай... Скотину он и раньше держал не из жадности: у него была хорошая пенсия, а таков человек был, не сидел на месте, не мог. Дочь у него была устроена хорошо, держала в Рязани табачную палатку и все звала отца, писала: «Хватит уж там пластаться, приезжай. Там у пчел твоих — не жить, а только волком выть...». Пенсионер жил за семь верст от Выселок, личность была известная. Почет и уважение имел.

Глядь, тут и впрямь, расхворался что-то, распродал скоти-
нешку, собрался к дочери. Да только в примаках фронтови-
ки наши, верно, жить не умели и не научатся никогда. Скоро
вернулся и он. Что уж там не заладилось — неизвестно, но на
вопрос о городе отвечал: «Тут у меня — рай». И молчок. Вер-
нулся, поставил шест-антенну для мобильного телефона,
кинул провод в дом. Ладно. Да еще и коня купил хорошего,
племенного. Пробовал он выкупить пай. Но даже и ему, ува-
жаемой в округе фигуре, пай председатель уступил дальний,
за болотами. Так что обработать его — не наездишься, паса-
ку поставить свою значило бы — там и жить, что, верно, тоже
не устраивало Николая Степановича. Длинноволос, высок и
сутул, как сутулы бывают все высокие люди, — он как бы
нависал над собеседником. Разговаривал всегда сдержанно
и только по делу. Мы сидели с ним однажды у озера, давно
это было, удили карася. Он и рыбу удил в повседневном: уз-
кий коричневый пиджак с колодками фронтовых наград,
высокие сапоги и военные широкие штаны, заправленные в
голеньища. Он был одноног, ходил на протезе, но наловчился
ходить так, что я порой еле поспевал за ним.

Известие об убийстве «самого Степаныча» поразило меня
жестокостью. У него свели лошадь со двора, вытащили все,
что можно и нельзя, не оставили даже старой радиолы «Ре-
корд», не оставили ни одной алюминиевой ложки или плош-
ки. Сняли провода электропроводки, верно, сдавать на ме-
талл. Но и того мало. Когда опознавали сгоревшего в доме
Степановича, — определили, что с трупа сняли даже протез.

Милиция, покопавшись на пепелище, нашла неподалеку
тульскую двустволку в сугробе, шапку-ушанку. Так и не смог
выстрелить в убийц Степаныч. Во фрица — мог, а в «своих»,
быть может, даже и знакомых, не смог, душа не дала. Один из
патронов не хотел вылезать, чем только не выколачивали, как
бы само ружье все еще копило свою железную, беспощад-
ную злобу и желание отомстить за хозяина. По слухам, ору-
довало человек пять, если их можно назвать людьми. А офор-
мили как пожар от электропроводки. У него-де и самодель-
ный обогреватель нашли.

— А протез? — язвил и ярился дед Кузьма. — Протез-то?
Он не мог же сам убежать.

— Протез, старик, можно снять и на печь положить... —
отвечал ему сержант милиции.

— А нашел ты его, протез-то, на печи-то? Ты кто, следак
ты или чудак... или по жизни так?

— Но-но, — кричит, — полегче, дед, а то за хулиганку упеку.
А человек воевал, до Берлина дошел.

Странное чувство наваливалось на мое сердце в минуты споров, выяснений отношений стариков. Их бесстыдно и нагло обворовали, украли молодость, здоровье, любовь, самую жизнь... Но странно, как бы и не было виноватых. «Время было такое»... Работа да борьба. За кусок хлеба, за выживание. Год, два, ну — пять, и всех их ждет путь на заброшенном кладбище. А у них все — рай. «Рай-центр, рай-собес, рай-оно...».

И думалось, все это поколение стариков, и раньше и теперь, втянуто страшной центробежной силой в какую-то неведомую аферу. Для кого, для чего? Ну, развалили Союз. Белоруссии уступили колеса. Украине — уголь и Крым. Высокомерным эстам и латышам — жулики международного уровня скинули по дешевке весь цветмет, и так далее. А что изменилось для нас, ста сорока миллионов «рассеянцев»?

— Демократия — она ведь где, — рассуждал дед Кузьма, зажигая свой вонючий самосад в туго свернутой самокрутке. Он долго и не торопясь сплевывал табачные крошки. — Вот у вас, в Москве, может быть, и есть она, демократия. А здесь безнадега. Как было до войны, так и осталось: от ста дворов — две старухи. Воспряли, правда, маленько при Брежневеве... А теперь я радио-то слушаю, там и в столице греха дюже много стало, ой много. Я думаю, малый, кхе-кхе... Видать, нет других возможностей, как спасти Рассею, а только — сжечь Москву, гадюшник этот самый. Вот ты смеешься. А я по радиве слушал, полководец Кутузов — сжег. И победили ведь француза, и дворянешки подобнее стали к народу, те, что выжили, конечно, которых Бог помиловал... Ведь и ты оттуда тоже не зря убежал?

Дед палил и палил самосадом. Чтобы хоть как-то проводить его, слегка опьяневшего, старушки, сговорясь, собрались на боковую.

— Все, Кузя, айда по домам, пора костям на место...

Вдевая руки в рукава полушубка, дед Кузьма напомнил мне:

— Если завтра распогодится, пойдем в село за хлебом, вдвоем оно веселей. Только ты помни мое: денег больше бери. Пусть лучше останутся, чем не хватит.

Расходились по домам в непроглядной тьме. Я провожал старушек под руки. Часто останавливались, отдыхали, и все это время говорили о Кузьме и его причудах.

— Эх и озорник! — говорила бабка Лизавета. — Вот сколько его знаю, все он озорует, видать из-под матери такой, не изменишь... И мать была озорница. Чего только не придумает, бывало, чтобы выжить, вытянуть семью.

Из ее рассказа я понял вот что. Год тридцать второй — тридцать третий, закон уже вышел «о колосках». Строгость была страшная. И такой неурожай, что скотину соломой с пунек кормили, камышом с крыш, лишь бы выжила. Зимой из-за бескормицы пришлось пускать под нож скот. К посевной Выселки подошли с подорванным животноводством, голодным и озлобленным селом. Из-за этого сроки весенних полевых работ сильно затянулись. Отсеялись только на половине площадей. Но даже урожай до осени эти тощие поля не дали. Скудные колоски не смогли толком собрать. Конечно, сделано все это было не потому, что крестьяне не желали добросовестно убирать хлеб для государства, а по простой колхозной сметке, на припас. Пошел на поле да тайком и собрал. Помолол, кашки детям сварганил. Голода боялись. Толкли лебеду, пекли деруны из картофельных очисток.

Родная мать Кузьмы Лукича ночью с кошелкой пошла на добычу, да и нарвалась на объездчика. Алуна... Объездчик приметил ее и пустил коня рысью. Агаха же, слух у нее был какой-то необыкновенный, тоже поняла, что ее сейчас возьмут. Так она что, разделась догола, распустила волосы с головы до пят, одежду в корзину к зернам да колоскам, встала на четвереньки. Подъезжает объездчик, ничего не чаёт, издалека заговаривает с ней. Она молчит, не двигается, он ближе и ближе. Ну все, попалась, не миновать — сидеть... И когда уже морда коня повисла над Агахой, та как закричит, завоет по-волчьи, да как прыгнет. Ведьмой прикинулась. А голая же была. Конь голого человека боится, сразу убегает... Конь и рванул, и понес. Да так понес, что и самого объездчика, где-то на поле скинул. Едва жив остался, руки-ноги поломал... Вот и не взяли ее тогда.

Проводив старушек, я брел к дому деда, в родные пенаты, в «имение», как пошучивал теперь надо мной Кузьмич. Расстопив грубку, я уселся за стол, чтобы хоть что-нибудь набросать в черновике из событий прошедшего дня, выбрать главное из всего, что было рассказано стариками.

Проснувшись, глядел я в потолок. И все бы лежал так-то да лежал, укрытый двумя одеялами, как вдруг в дверь забарабанили, и громкий голос Кузьмы привел меня в чувство:

— Отпирай, открывай скорее, опаздываем!

В открытую дверь Кузьма вошел боком, нехорошо косясь на меня, еще не одетого. Принялся ворчать немилосердно; он отряхивался шапкой, и снежная игольчатая пыль летела на меня, бросая в дрожь.

— Опаздываем! Хлеб, а главное, водку разберут, нам не достанется... Ну, у вас что там, в ракетно-зенитных войсках,

---

где ты служил, все так спят, что ли? Э-э, брат, тогда нам никакой «Тополь-М» не поможет...

Дед сразу сразил меня своей одежкой-обувкой, как он сам говаривал. Был он в допотопной огромной овчинной шапке, сшитой, верно, им же вручную. Полушубок — подрезанный зипун, заплата на заплате... Зипун туго-натуго перехвачен обрывком веревки, на ногах — огромные лапти, серые онучи из суконного одеяла. Меня разбирал смех. Я своими глазами видел у деда Кузьмы хороший полушубок, новые валенки и довольно хорошую шапку.

— Чего ты гогочешь-то, — бросая на меня недовольные взгляды, ворчал дед. Он вынул из вещмешка новые лапти, онучи, поторапливая: — На-ка, новые даю, надевай. Да поскорее, в валенках-то ай пройдешь по бездорожью? Шаг-другой — и увяз по горло. Хуже, чем по болоту иттить.

— Нет уж, дед, уволь. Да я и обуваться в лапти забыл как. С крепостных времен, как вольную дали, не нашивал.

— Не тархти, недолга тебя выслушивать. Садись на лавку, я умею.

Теперь смех разобрал меня нешуточный, глядя, как старался Кузьма над моими ногами, краснея лицом от прилива крови.

— В Дубровине знакомых полно, ровесники еще по школе-интернату, стыдно будет.

— Ну, как знаешь. Пожалеешь, что меня не послушал. — Дед Кузьма, огорчившись, кинул на лавку лапти и портянки и, не переставая ворчать и ругаться, вышел.

Одевшись, я взял лыжи без палок. Дед строго посмотрел на меня и на охотничьи лыжи.

— А лыжи-то зачем? — удивился. — Мы же не на охоту, что ты? Как санки-то повезешь на лыжах?

— Мы по очереди. Один везет санки, другой идет на лыжах пустой...

— Да что ты, малый, я и молодой-то на них не вставал сроду, да и не полезут ремни на мои лапти. Мои ноги не для лыж. Стой-ка, ты деньги взял? Побольше надо взять, может, Силантий на тракторе подбросит, он мне друг, тракторист-то, Силантий.

День устоялся как по заказу, яркое солнце заливало улицу, солнечные поля горели каждой снежинкой. От яркого солнца ломило глаза, привыкшие к полусумеркам в сенях. Редкие белесые, как бы весенние облачка стояли, не меняясь, высоко на северо-востоке. И ни единого следочка не было. Дорогу можно было различить только по вешкам, стоящим далеко друг от друга.

За деревней, минуя кладбище, пошли напрямки, не разбирая дороги.

Дорога наша в Сонино лежала через деревню Поляки, не близко. И дед Кузьма часто останавливался, садился в санки и курил. Когда шли мимо кладбища, дед пристальным взглядом смотрел на голые тополя, вязы, оградки и кресты, мучительно думая о чем-то...

— Скоро, чувствую, туда идти, — одышливо кряхтя, проговорил он. Глаза его слезились, бороденка растрепалась от ветра. — Так оно есть, сколь тут воду ни мути, а под тополя не миновать идти. И домовина готова. — И, отвернувшись, мелко-мелко закрестился и скорее зашагал по снежной равнине прочь.

В пустых снежных полях поволокло поземку. Она змеей вилась за нами следом, то обгоняя, то отставая. Все словно вымерло. Радовал простор, солнце.

Дед все чаще останавливался, широко и с размаху садился на санки, на притороченные к ним пустые мешки, с подчеркнутой неторопливостью и старанием поправлял свои лапти, натягивал онучи и увязывал покруче да покрепче. Наконец, я сделал вид, что понял намек, стал уговаривать деда не вставать с санок, и, уложив лыжи, потащил деда прямиком к большой дороге, ведущей в село. До Поляков было уже рукой подать, но я и сам изрядно вымотался. Валенки засыпало снегом, и в глубине души я уже ругал себя за то, что не обул лапти, не поддался на уговоры Кузьмы. Да и перед кем форсится... Оскользаясь то и дело и проваливаясь, я слышал сзади ворчание:

— Неслух окаянный, — дед ругал меня вполслуха, сидя на санях, сложив запорошенные снегом лапти крест-накрест, — совестно ему, вишь ты, в лаптях. А как же мы с дедом твоим, всю жизнь... Ботиночки за спинку, лапоточки на ноги — и в дорогу дальнюю... Кто стариков не слушает да не почитает — тот век в добре не живет, горе мыкает.

Сразу за распадком, в подъем, закурились громадные тополя и березы села Поляки. Низина к деревне порадовала легкостью передвижения. Временами я подсаживался на старье, но добротные сани Кузьмича, и мы летели вниз с горы.

Распадок огромной воронкой приковал мой взгляд. Это было озеро необыкновенной чистоты. Сколько же я не был здесь? Кузьма едва поспевал за мной. Я увидел деревянную церковь, в которой меня крестили.

Было странно, что деревянная церковь устояла, хотя и разрушилась от времени, от нерадения людского. Да, слава богу, не один я здесь родился и крестился. Церковь звала меня, и я, как зачарованный, пошел туда, к ней.

— Эй-эй, малый, ты что. Потолок обрушится, приплюшшит. Нет, давай-ка назад. Так мы не уговаривались.

— А иконы? — спросил я старика, цепенея, ступив на крыльцо. — Где же все иконы отсюда?..

— Порасташили. Какая — где. Поди теперь, найди... Кто поумней да поспоривстей, да Бога не боится — тот первый те иконы из иконостаса и повыдрал. Повыдрал да пропил. Да ведь и им счастья нету, все теперь упокойники, не своей смертушкой. Вот и верь... или не верь...

Мы догнали автолавку часу в одиннадцатом. Трактор на огромных санях протянул и развернул этот самородный передвижной сельмаг. Первое, что бросалось в глаза, — высота этого сооружения и толпа народа. Вагон (такие, верно, таскают по тайге с лесорубами) был проходной. С одной стороны продавали съестное, с другой — скобяные товары и готовую одежду, нехитрую обувь, немудреные приспособления — тысячу мелочей. Очередь змеей извивалась вдоль закрытой и обвалившейся школы вокруг палисадника. Дед Кузьма оживился, вытащил из бокового кармана загодя приготовленный нами список покупок. Не говоря ни слова, выхватил у меня пустые мешки и пошел, продираясь сквозь толпу, не обращая внимания на окрики молодых мужиков и баб. Старики и старухи здоровались с Кузьмой, величали его по имени-отчеству. Я не спускал любопытных глаз с него, думая: «С ума сошел! Толпа сейчас же выкинет его прочь!» В самом деле, каждый из стоящих в очереди знал, что продуктов на Сонино, четвертое по счету село на пути автолавки, может и не хватить. Ждать полтора месяца, отстоять очередь и не купить соли, спичек, мыла... — и все из-за какого-то чудака, похожего на чучело, залезшего бесстыдно и нагло без очереди.

— Куда это чучело огородное прет! — орал молодой мужик в богатой новой шапке. — Эй, дед, ты че, оборзел, в натуре, не видишь, сколько народу стоит.

— Глядите-ка, бабы, глядите, как он вперед лезет... У него — душа, а у нас — клюшка.

Со словами «Ты че, старик, дупля не отбиваешь? Или тебе рамсы поправить?» — к Кузьме двинулись. Я — тоже, наперерез. А Лукич вдруг затряс головой, забормотал что-то нечленораздельное: «Кто кур воровал, у того руки трясутся... Кто кур воровал... Косо бродит, за нос водит... Косо бродит, за нос водит...» На губах появились слюни с сукровицей. Густые брови то взлетали, то повисали хмуро, глаза, угрожающе глядя, вдруг стали закатываться. Он упал и скорчился. Пробившись к Кузьме, я обомлел от испуга: страшные бель-

---

мы глаз в красных лопнувших капиллярах были изжелтасизы... Я не узнал его... Над ним нагнулись. «Эй, кажись, счас помрет...»

— Пустите, пустите, — загалдели надо мной и впереди меня (впереди народ всегда добрее), — пустите, вы что. Он фронтовик, право имеет. Ишь, трясет его всего, пустите...

— Ха! Фронтовик. Все они — фронтовики. За чекушкой лезет, поди, а не разобрал, что это не частники. За касимовской косушкой — мы все фронтовики.

— Точно! Не выгнали б фашиста, подчинились бы, глядишь — по-другому бы жили, не стояли бы в очереди.

Я подхватил Кузьму и ловко подсадил его с мешками вверх, в лавку по железной приставной лестнице. Шибануло в нос острым запахом залежалой селедки, дешевого мыла, свежесыпеченного хлеба.

— Эй, кто за хлебом, не вставайте больше. Хлеба хватит не всем! — крикнула молодая грудастая продавщица.

Дед Кузьма и так был на голову выше всех, в своей ободранной овчиной шапке, а тут, влезши к прилавку — и вовсе оказался у всех на обозрении. Он все еще не переставая тряс головой, бормотал, ему совали в рот валидол... Он стал кидать один за другим через головы впереди стоящих, пустые мешки, потянулся со списком к продавцам. И вдруг опять замычал на какой-то вопрос, громко и немо, и так угрожающе страшно, что и у меня пробежал мороз по коже... Молодая продавщица испуганно закивала головой, мол, все ясно, не волнуйтесь вы так. И вдруг Кузьма заплакал, запричитал что-то. Оба продавца засуетились вокруг него, стали утешать, раскладывать продукты по мешкам.

— Мальй, помоги, — оглянувшись, сказал мне дед, и, обернувшись, выхватил из моих рук последний мешок.

Буханки хлеба, спички, куски хозяйственного мыла, банки с килькой, сельди в прозрачных пакетах — полетели в мешки из-под прилавка. Шум возмущения на улице возрастал, как морской прибой. Я уже пожалел, что не встал в очередь, а пробрался следом за Кузьмой. Когда начали укладывать пиво, бабы заорали, затоптались вокруг мешков, да все с подначкой:

— Больной-больной, а пиво жрет!

— Никакой он не больной! В соку еще.

Вылезли из лавки на улицу по приставным ступеням, разгоряченные, как из бойлерной. На деда смотрели как на чудо: лапти, латаный-перелатаный полушубок, шапка набекрень, и весь вид Кузьмы наводил на смех, на остроумные злые

шутки. Толпа шугала собак из-под ног, с любопытством подбираясь к нам поближе и с интересом разглядывая нас обоих.

Увязав, дед снял с себя шапку, расстегнул малахай, и вдруг запел:

*Не судите, господа, что я отерхался,
Умя тятька такой был, я в него удался!*

Мне никогда прежде не приходилось попадать в такое двусмысленное и смешное положение. Удивлению моему не было конца, что с ним, сдурел, что ли? Видно, быть нам с ним сегодня битыми. И, быть может, поделом обзывают его дураком.

Надо было уходить подобру-поздорову, а дед, продолжая чудить, собрал толпу... Мокрая лысина блестела под зимним солнцем. Пот бисером застыл на шее, а он, размахивая шапкой, распояской и топая лаптями, сипел приплясывая: «Эх, пой, Москва, разговаривай, Рассея!..»

— Ну-ка, давай, дед, делай! — Молодежь уже где-то хлебнула пива. И дед «делал», старался. Он, видно, не хотел уходить с бранью, оставлять дурной след по себе.

*Раньше ел я каждый день,
А теперь — с получки.
Этот, с пятнышком на лбу,
Нас довел до ручки!*

— Эвон, вспомнил, «с пятнышком»!

Тут дед ловко показал огромную дулю, и, согнув руку, ударил себя под локоть, обозначая тем неприличный жест. Восторгу толпы не было границ. Подхватив мешки, волоком, я стал под шумок ретироваться к салазкам. Приторачивая их, я не спускал глаз с Кузьмы, а он, как пьяный или в недуге, вставал на носки, топал ногой, задира л голову, шевеля кадыком, потом попытался пойти вприсядку и все сыпал частушками.

— Ой, Кузя! — слабо вскрикнула древняя старушка, верно знавшая его. — Будя тебе, отступись. Ведь родимец расшибет, очоуришься.

— Во-во, а то и посодют..

— А что ты думаешь, и посодют, нынче они опять у власти, — поддержали ее, — и будут! В Москве с пушек по народу палили, это называется — за народ стоят.

Наконец-то силы и молодцеватость покинули Кузьму. Тяжело дыша, опустился он на сани, нахлобучил шапку, застегнул зипун, и поправляя онучи, стал вычитывать мне:

— Ох, ох, не могу... Поспеем, поспеем, не торопись. Ишь, народ повеселил чуть, а то бы нас с тобой тут — в шею.

— К тому все шло, — подтвердил я.

Потом он достал из-за пазухи матерчатую сумку и с полупешотом: «Силантий, Силантий», — побежал за трактористом. Они недолго шушукались и расстались довольные оба. Дед едва тащил сумку с касимовской водкой.

— Ну, паря, теперь ты не жадуй, поди расплатись... На тебя вся надежда.

Цена, заявленная трактористом и, видимо, утвержденная без моего присутствия Кузьмой, неприятно поразила меня.

— Да ты что, друг, — попробовал возразить я, урезонивая тракториста. — Что за аппетит у тебя? Таких цен и в Москве нет. «Кристалл» дешевле.

— Дешевле? — возник за моим плечом Кузьмич. — А спирта не хочешь, электролизного, вон, полно село... Двадцать рублей пол-литра, кому жизнь не дорога. Тут что ни месяц, то гроб от этого спирта...

Пришлось раскошелиться.

— «Аппетит», — ворчал, пересчитывая деньги, Силантий. А пересчитав, повеселел: — Ну все, закон, закон... Кузьма, другой раз буду, везти тебе?

— Вези.

Мы возвращались молча, с обидой друг на друга. В самом деле, самоуправство его и вольность поражали.

— А ты знаешь, что такое «закон»? — спросил вдруг Кузьма.

— Нет. Пароль, что ли, ваш?

— Закон, это воля народа! Так-то, малый. Дорого, да мило. Не гоношись, Сашка, святое дело делаем — на поминки собираем.

Я молча решил, что Лукич выживает из ума. И откуда он взял, что на поминки...

Под Поляками над крутизной снежного обрыва он вдруг схватил меня за шею, и, хохоча, повлек с горы, смеясь и кашля до слез. Барахтаясь, стараясь не скатиться в близь, опасную к озеру, и тоже хохоча уже без злобы, я вытаскивал деда как сказочного мукомола из сугроба.

— Стой, стой, Сашка, задавил меня совсем... Я весь взмок, за тобой тягаясь.

Тяжело, с одышкой, весь в инее и снегу, мой попутчик развалился и лежал недвижимо какое-то время и вдруг изрек:

— Облака... Они раз в жизни, облака-то... А и жаден ты, парень. Сейчас все говорят «мытарь», «мытарь» — по ради-ве... Так вот ты, парень, тот мытарь и есть. Давай-ка, глотнем на посошок, а то не будет пути, не доползем! Ноги как ватные, лучше бы не плясал.

— Дома выпьешь. Тут ни стакана, ни закуски, потерпи... Да ведь ты же говорил, что Силантий подбросит на тракторе, на автолавке до полпути?

Дед нахмурился, с досадой поглядывая на меня снизу вверх.

— Не пондравился ты ему, знать... Я так думаю.. А ты над этим голову не ломай, ты лучше во-он куда глянь. — Старик, пристально глядя куда-то вдаль и вверх, и впрямь стал пугать меня и нетрезвым видом, и нетвердой своей походкой.

Я стал пристально вглядываться вдаль и вверх за ломаную кромку леса и мало-помалу, сравнивая горизонты, нашел то место, куда показывал по старческой своей дальнорзости наблюдательный Лукич. Тучи эти и впрямь тревожили: мертвенно почернели, распластались и угрожающе вытянулись. Пока я разглядывал, дед достал бутылку, сорвал косыночку и приник к горлышку. Закусил он коркой хлеба.

Стоял легкий морозец, ярко и весело светило солнце, и так хорошо было сидеть на санках, глядеть в это высокое почти по-весеннему небо, на пустое заснеженное поле. Где-то высоко, рисуя белую рыхлую дорогу за собой, в мутной синеве пролетел самолет — цвет цивилизации.

Чтобы успеть дотащиться до сумерек, я начал поторапливать деда Кузьму. Он все чаще и безнадежнее отставал, видно было, что не добавляла ему сил «очищенная». Вечная самоуверенность и независимость покидали старика. Когда возвращались мимо кладбища, мне показалось, дед и вовсе опьянел. Сидя на санках, звал меня на кладбище, всхлипывая, повторяя: «Подь со мной, покараулишь, я хочу себе место выбрать получше...»

Святочные дни коротки, как гулькин нос. Сумерки сгущались, и все ближе подступала чернота. И когда мы со стариком вошли в родные Выселки — то выглядели, верно, двумя беглыми арестантами или остатками разбитой армии, едва не потерявшими присутствия духа. Темно стало так, что впопору было передвигаться ощупью. Возле избы Акулины нас встретила бабка Лиза и вдруг заплакала:

— Акулина отходит, похож, ночь не протянет.

Мы вошли в избу. Свет не включался из-за аварии на электролинии. Светила, чадя и отпуская кудельки дыма, семилинейная керосиновая дореволюционная лампа. Бабка Акулина лежала с закрытыми глазами. Лоб ее еще больше пожелтел, глаза запали темно и глубоко, нос заострился. Сложив руки на груди, совсем как мертвая, она не отвечала на наши вопросы. И вся она как бы и невозвратно усохла, уменьшилась.

— Может, еще оклемается... — с надеждой и не веря себе самой, заголосила бабка Лиза. — Ей бы лекарство какое... Да вот тут есть на подоконнике, а от чего — не знаю.

— У меня есть лекарство. От всего лечит. От всех болезней. На разных травах, с самогоном, деготком и на майских тополиных почках настояно. Принесть?

— Ох, сиди уж... — резким тоном оборвала деда Елизавета. — Знаю я твое лекарство. Лечилась. А потом животом страдала аж не знаю как, с боку на бок повернуться не могла. Господи, хоть бы оклемалась, весь день так вот, пластом. Даже головы не поднимает.

Бабка Лиза подтапливала печь в избе Акулины, но с нашим приходом горницу выстудило, становилось холоднее, дышалось тяжело и сыро, как в подполье или подвале... В печи что-то варилось, бабка Лиза гремела заслонкой, причитая:

— Вот горе-то горькое. Ни телефона, ни лошаденки нету, больную отвезти в больницу...

— Что верно, то верно. Ни на лошади, ни на машине. Вот на собачьей упряжке разве, — молвил дед Кузьма, угрюмо поглядывая на печь... Да и собаки нет... Да-а, дела-делишки.

Я был так внезапно и глубоко поражен, уязвлен увиденным: это была вовсе не дальняя Аляска времен знаменитого писателя «Белого безмолвия», не Чукотка. Это была та деревня, которая десять-пятнадцать лет назад не смолкала ни днем, ни ночью. Около полста домов, изб. И не было ни одного двора тогда, где бы не было скотины, кур, уток, гусей. Конный двор полон был. И вот — пустыня. Зови, кричи, ругайся — никто не услышит, никто не поможет. И эта явь так ударила вдруг под самое сердце, что не нужны были уже никакие слова. Душа взлетела, взглянула вниз и обомлела.

— Думайте же что-нибудь, мужики, ну что вы все молчите и смолите, — взмолилась Лиза. — И за попом не худо бы съездить, она крещеная...

— На чем съездить, на метле? Или на ухвате? — не выдержал раздраженный наступившим уже похмельем дед. — Ты же видишь, как мы пластались, еле-еле добрались, кругом по пояс. «За попом, за попом, хрещеная...» — передразнил он жалостливым голосом. — Тебе хорошо говорить, а за попом надо ехать аж в Дубровино, за двадцать километров. Туда теперь и на гусеничном тракторе не пробыешься. Подождем до утра. Бог милостив.

— Я утром, Кузьма, на лыжах за фельдшером побегу. У фельдшера же есть лошадь, не может не быть? На лошади и приеду. Что-то ведь надо делать, как-то помогать.

— Господи! Сашенька, выручай, кормилец, без покаяния, без причастия помрет старушка... Ведь отчитать положено. Вот незадача-то, — не унимаясь, всхлипывала бабка Лиза, с размаху грохнув на стол между мной и Кузьмой чумазый чугун с нечищенной картошкой в мундире. — Ешьте, мужики. Да выпейте, выпейте. И я выпью, если нальете...

Слабый утренний рассвет сочился в окна, когда бабка Лиза отчаянно застучала в дверь с криком: «Откройте, откройте!». Я вскочил с дивана, вбил ноги в валенки и, накинув полушубок, выбежал в сенцы. Бабка Лиза, видно, уже намучались за ночь, сообщила осевшим голосом:

— Померла Акулина, царство небесное... И не поговорила я с ней, не в своей памяти скончалась...

— Помирать да родить — нельзя погодить, — поднимаясь с великим сожалением, что его срывают с места, сказал Кузьма, у которого я ночевал.

Мы вышли на улицу, было морозно и ветрено. Вставал мрачный рассвет, рождалось запоздалое утро.

Как всегда с трудом отвалили избяную дверь на одной петле. Мрачный свет чадающей висячей лампы еле-еле освещал печь, косо осевшую на половицы кухни.

Дед Кузьма снял лампадку, взял зеркальце со стола и полез на печь. Спускаясь, он вдруг удивил меня своей набожностью, опустил на колени перед иконами в красном углу и долго истово молился.

Акулину перенесли с печи на кровать. Бабка Лиза закрылась, занялась обмыванием и переодеванием умершей, а мы с дедом принялись искать доски на гроб.

Двор, хлев и сени — все было осмотрено самым пристальным образом, но не было даже и близко тех досок, которые требовались.

— Шаром покати, — заключил дед, закуривая.

Тут дед начал охать и вздыхать, и я догадался: жаль ему отдавать заготовленную для себя домовину, а не миновать. Дед был неплохой плотник и старался, подгонял доска к доске. А теперь на вот, отдай. Обошли все задворки, постройки и даже залезали на сушила двора бабки Лизы.

— Нету! — кричал я оттуда Кузьме. — Ничего подходящего!

— Ась? — переспрашивал он, точно не веря, не желая верить своим ушам, или нарочно придурковато, обдумывая что-то свое. — Ась? Не видать? А ты порой, порой там, под сеном-то... Поковыряй мал-мала. Я даве сунулся у себя-то, знаешь, какой горбыль нашел.

Ясно было, что дед Кузьма израсходовал все доски на домовину. Не нашли и у Лизаветы. Заглянули еще в три заброшенные избы, но и там не нашли.

По улице кося полетел редкий легкий снег, ложился под ноги, забивался под воротник. Перед полуднем стало теплее. Низкое серое небо как бы опускалось все ниже и мрачнее, и дали задернулись непроглядной серой фланелью оттепели, идущей сплошным фронтом.

Хоронить Акулину везли на санках. Дед Кузьма делал для себя большие «дровяные» сани, на них он зимами возил хворост из леса. Мы с дедом шли впереди, тащили за веревку санки, а бабка Лиза шла сзади, хваталась за поясницу и останавливалась.

Начали прощаться с Акулиной, и бабка Лиза уже завывала — не остановить. Дед начал бормотать без слез: «Ну, будя, будя, болезная, — а потом и сам: — Прости, Господи, люди твоя. И благослови достояние Твое... Не по грехам нашим, а по милости твоей. Прости и ты, Акулинушка. Если б не матушка твоя тогда, укатили бы в город из этих Выселок, пропади они пропадом. По-другому бы все и вышло. Прости-прощай...»

Поминали в Акулининой избенке. Ввернули большую лампочку, в лампадки долили масла. Бабка Лиза собрала на стол:

— Да-ить святки! Святые дни. Ой, нет, нет, милостив Бог к Акулине. И похоронили, это... С родителями. С одной стороны — рябинка, с другой — черемуха... Подальше от дороги — как хорошо лежит-то...

— И чего ж ты? Завтра едешь в Москву? Твердо решил? — спросил меня дед Кузьма.

Я твердо решил не испытывать больше судьбу, ехать. Мне хотелось уйти от разговора. И потому спросил бабку Лизу:

— Почему на Рождество к столу подают гуся и свинину в первую очередь?

— А поделом им. Когда Господь родился — они спать не давали, гуси гоготали, свиньи хрюкали... Ни Господу, ни Приснодеве Марии не давали уснуть...

— Да ведь святки, — нам скоромного нельзя, а мы — холодец едим?

Я поймал на себе угрюмый взгляд деда Кузьмы:

— Тяжело до тракта добратся по бездорожью.

Помолчали. Старики стали мне за это короткое время точно родными...

— Тяжело, так что помни мое: лапти! В лаптях до большака, как мы и шли — милое дело. А там можешь и похерить, выбросить их. Наденешь свои городские ботинки. И все.

Выпили по первой, после второй я уже услышал от бабки Лизы:

— Нет-нет, мне по Марьин поясок, чтоб жизнь полнее была.

Утром следующего дня я поднялся поздно. Стояло будто бы все то же утро, надоевшее, со снегом. Серой дымкой заволкло окрест. Снег не падал, а как бы только грозил падением. С тяжелой головой, собрав свои нехитрые пожитки, я стал раздумывать, чего бы и впрямь обуть мне и как по бездорожью пробиться до большака... Не одевать же и впрямь лапоточки в век компьютеров и жидкокристаллических плазменных телевизоров.

Повесив амбарный замок на двери, я скорым шагом зашагал Выселками с чувством невыразимой пустоты и грусти. Это, верно, был последний мой приезд в родную деревню. Все было кончено.

Бабка Лиза и дед Кузьма провожали меня до снежных гунен, до голых садов без оград, за которыми и еще дальше широко и вольно лежали снежные, тяжко-белые, вековые барханы и дюны. Сквозь них здесь и там торчала то чахлая березка, то ветла...

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

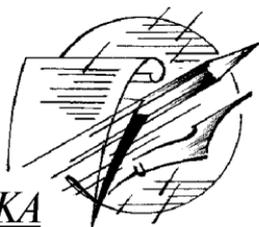
Глава 14. МИР В СЛУЧАЕ КРАХА США

В отличие от предыдущих, данная глава основана на предположении, что США постигнет крах и они не только утратят положение мирового гегемона, но и распадутся, а то и станут добычей других государств. Конечно, всё в земной жизни имеет когда-нибудь конец (кроме, как говорят классики, «вечно движущейся материи», но и это разными религиями ставится под сомнение). Не вечны ни США, ни Китай, ни Россия, как оказались не вечными могущественные царства Вавилона и Ассирии, империи Александра Македонского и Траяна, Карла Великого, Наполеона, а «тысячелетний рейх» Гитлера не дотянул и до 13 годков. Нет, я имею в виду возможность краха США в обозримом будущем, в течение ближайших нескольких лет. Случится он или нет — сегодня это бабушка надвое сказала. Но считаться с вероятностью такого развития событий, о которой говорят видные специалисты, надо. А значит, следует подумать о том, как оно отразится на всём остальном мире.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Следует ли радоваться краху США?

Я знаю, что в мире, да и в России, есть немало тех, для кого США — идеал. Но много и тех, кто этот идеал не приемлет, и их число быстро увеличивается, рост антиамериканизма в мире, а в нашей стране, пожалуй, в особенности, — очевидный факт. Более того: США всех так «достали», что нередко можно услышать: если США и погибнут, то так им, паразитам, и надо, это — всего-навсего проявление справедливости в отношении всесветного захребетника. Но если кто-то из недоброжелателей США станет злорадствовать по поводу предстоящего (или ожидаемого) «кирдыка» Америки, то он поступит неразумно. Ибо крах США очень болезненно отразится почти на всех странах мира, не исключая и России. Все они ныне связаны так тесно, что если где-то (а особенно — в США) аукнется — то неизвестно, где и как это откликнется.

Для примера возьмём Китай, который занял место Англии как «мастерской мира». Он поставляет в США и ЕС (а также в Россию и многие другие страны) массу ширпотреба и более высокотехнологичной (но, конечно, не новейших технологий) продукции. Его товарооборот с США составляет около 400 миллиардов долларов в год, с ЕС — примерно 500, с РФ — около 800 миллиардов. Что он станет делать с этими товарами в случае краха США, а тем более — Запада в целом?

Да, Китай старается переориентировать производство на внутренний рынок, но мало кто представляет себе, как этого добиться, насколько это трудно и... опасно.

Большинство крестьянского населения Китая ещё находится, по западным меркам, в нищете. Как повысить его покупательную способность? Неизвестно. А главное — зачем?

Современная цивилизация такова, что как только где-то появляется подобие «среднего класса», так оно уже требует для себя «прав человека» и «гражданских свобод» (вспомним события в России на Болотной площади). Возглавят его либералы прозападного толка. Удержат ли в таких условиях власть в Китае коммунисты? Ведь известные события, связанные с протестным движением на площади Тяньаньмэнь, привели не только к гибели тысяч протестующих, но и к сожжению ими... около тысячи танков. Китайской правящей элите не просто было решиться на подавление этих «студенческих волнений», которые должны были стать началом «перестройки» в Китае: ведь там находились её дети и внуки. Тогда режим удалось сохранить, но где гарантия того, что так же обойдётся дело в следующий раз? А что станет с Китаем в

случае падения власти КПК? История показывает, то эта страна много раз распадалась, между её отделившимися частями возникали длительные и кровопролитные войны, и восстанавливать единое государство также приходилось силой и большой кровью.

Вот и профессор Андрей Фурсов считает, что социальная структура Китая (как и Индии) очень хрупкая, и рано или поздно она придёт в противоречие с экономическим ростом. «Я не верю, — говорит он, — в блестящее будущее Китая и Индии после 2030 г. Я думаю, что чем дальше, тем больше у них будет проблем. Причём чем успешнее Индия и Китай будут развиваться экономически, тем больше у них будет социальных проблем. Зарплату повышают в городах, но в Китае огромная масса сельского населения, которая живет в ужасающих условиях: туберкулез, онкология. Рано или поздно противоречие между бедными и богатыми районами Китая, как это было не раз уже в китайской истории, создаст массу проблем». (Интересно, что американский футуролог Джордж Фридман в книге «Следующие 100 лет: прогноз на XXI век» прямо утверждает, что Китай развалится под давлением своего скорого экономического роста и растущих внутренних проблем, а это позволит Японии стать региональным лидером.)

А Европа? Крах США и их доллара будет означать для Европы потерю огромного рынка сбыта, разрыв многих хозяйственных связей, банкротство тысяч предприятий, массовую безработицу, снижение жизненного уровня для большинства населения. В этих условиях отдельным странам будет не до ЕС, они станут отгораживаться таможенными барьерами. Можно предсказать, что глобализация вступит в новый, непредвиденный этап, когда грядёт новый протекционизм. Если доллар рухнет, сильные державы конвертируют свою мощь и политическое влияние в материальную выгоду, создавая собственные «зоны», куда другим хода нет. Начнутся торговые войны, и не исключено, что некоторые из них перейдут в вооружённое противостояние. В итоге евро, видимо, рухнет (судя по всему, это может случиться и скоро, так как пока ещё существующие США начали активную борьбу с конкурентом доллара — единой европейской валютой). Станут восстанавливаться национальные валюты, возникнут изолированные зоны фунта стерлингов, франка, немецкой марки и пр., что ещё более усугубит экономическую разруху. Упадёт спрос, что сделает почти невозможным экономический рост. И всё это в условиях, когда, по словам того же А. Фурсова, наступил «кризис европейской цивилизации, когда рухнуло

традиционное отношение европейцев к труду и появился принцип «главное — не трудиться, а получать удовольствие от жизни». (Добавлю: не столько удовольствие, сколько смакование извращений вроде легальных однополых браков.) Семью не выводим, потому что это ответственность, это тоже труд. По сути, это воля к социальной смерти».

Массовый наплыв в Западную Европу мигрантов-мусульман привёл к образованию там «халифата в ЕС», который в условиях разрухи ещё себя покажет. (Проводимая ныне США политика «управляемого хаоса», особенно в Северной Африке и на Ближнем Востоке, направлена, кроме всего прочего, на то, чтобы поток этих мигрантов ещё более усилился, чтобы европейцы на собственной земле стали чувствовать себя второсортными людьми, а значит, капиталы побегут из Старого Света в Новый.) Наиболее экономически сильная страна ЕС — Германия — наконец-то освободится от навязанной ей в 1949 г. опеки со стороны США. О её условиях стало известно после выхода в 2007 г. в свет книги генерала Герда-Гельмута Комоссы (в свое время возглавлявшего армейские спецслужбы ФРГ) «Немецкая карта. Скрытая игра секретных служб». Немцам было предписано: каждый новый канцлер ФРГ, сразу после своего избрания, должен в обязательном порядке подписать в США так называемый канцлеракт. В соответствии с ним США осуществляют полный контроль за германскими СМИ, театром, музыкой, школьными воспитательными программами, учебными планами и т.д. США также продолжают «хранить» государственный золотой запас ФРГ в американских хранилищах. Скинув с плеч эту обузу, Германия вздохнёт свободнее, но вряд ли эта свобода компенсирует ущерб от разрушения ЕС, на обеспечение доминирования в котором она затратила почти 70 лет.

Прогностики из других стран, подчас не без злорадства предсказывая грядущий распад США, молчаливо предполагают, что уж их-то собственные государства останутся целёхонькими. А вот это-то как раз не факт. Сепаратистские движения и тенденции к распаду отмечаются едва ли не во всех странах мира, а в Западной Европе — повсюду, от Португалии до Чехии и Словакии (после того как распалась прежде единая Чехословакия). Европа национальных государств может смениться «Европой регионов», о чём говорилось в предыдущей главе. В условиях кризиса и разрухи непременно возродятся и различные анархистские движения, не говоря уж о разгуле преступности всякого рода. Жизнь во многих странах Запада станет невыносимой. И, вероятно, следует ожидать притока в Россию мигрантов уже не с Востока, а с Запада.

А Россия от краха США, если он произойдёт сегодня-завтра, выиграет? Есть множество статей, в которых на этот вопрос даётся утвердительный ответ. При этом перечисляются «выгоды, которые Россия получит при развале США»: 1. Крах стран-сателлитов США (Литва, Латвия, Эстония, Польша, Израиль и проч.). 2. Обвал доллара, а это будет означать укрепление позиций рубля. 3. Возможный крах олигархической элиты России. 4. Отсутствие угрозы новой мировой войны. Кроме того, от США в сторону России течёт много мерзкого, как из канализации. Мерзкие товары, идиотский, дегенеративный образ жизни, кретинские праздники, всё это нам активно втирается через СМИ. Мир ничего не потеряет, если США не станет, многие вздохнут спокойно. Человечество будет жить много лет без несчастий, бед, бессмысленных жертв, никакой ребенок не будет голодать. Нашей планете не будет угрожать «конец света», который, если настанет, то по вине США, и в самом недалеком будущем. И т.д., и т.п.

Ну, ладно, это рассуждения обывателей. Но и серьёзные учёные, особенно экономисты, высказываются более деликатно, но, по сути, в том же духе. Вот этим-то учёным и ответил профессор Михаила Делягин в большой статье под парадоксальным заголовком: «Почему не стоит уничтожить Америку прямо сейчас». Приведу с сокращениями только те её положения, которые прямо относятся к предмету нашего исследования:

«...глобальная катастрофа не принесёт России выгод. Всякие отголоски большевистско-либеральных настроений «чем хуже, тем лучше» неуместны — и не только по моральным, но и по собственно экономическим, узко эгоистичным причинам... Изъятие США из ткани мирового экономического и технологического развития прежде всего приведет к резкому схлопыванию мировых рынков товаров и услуг. Соответственно, рухнут экспортно ориентированные экономики Юго-Восточной Азии и Японии, товары которых, предназначенные для американского рынка, не будут допущены развитыми странами Европы на свои рынки.

Исчезновение триллионных капиталов вызовет финансовую дестабилизацию крупнейших, в том числе транснациональных корпораций и, как следствие, чрезвычайные меры правительств (в первую очередь развитых стран Европы, Японии и Китая) и Евросоюза по государственной поддержке крупнейших фирм и экономик в целом.

В последнее время становятся опасно популярными рассуждения о том, что мировые капиталы, лишённые возможности

вложения в США, немедленно бросятся в Россию и обеспечат ей... стремительный выход из кризиса и превращение в одну из ведущих держав мира.

Подобные умозаключения, к сожалению, основываются более на благих намерениях, чем на реальных фактах... капиталы, приходящие в США, сегодня, после замедления роста фондового рынка, ищут более безопасности, чем доходности. В поисках этой безопасности... капиталы пойдут не в по-прежнему пугающую Россию, но в следующие после США по уровню развитости (а значит, и безопасности) страны Европы.

Капиталы, стремящиеся к высокой прибыльности и к решению геополитических задач, устремятся в первую очередь в Латинскую Америку...

Выигрыш России с точки зрения привлечения инвестиций будет незначительным, а с учетом общего сужения емкости мировых рынков и, соответственно, снижения потребностей в инвестировании средств для развития новых производств, и вовсе, скорей всего, не будет существовать... Мы будем... выбиты с ряда жизненно важных для нас внешних рынков... Достаточно вспомнить, что основной потребитель российской платины — автомобильная промышленность Японии. Что же касается нефти, то обвальное сокращение её потребления главным потребителем мира — США — предельно обострит конкуренцию производителей, в которой Саудовская Аравия... сможет продавать нефть по 2 сегодняшних доллара за баррель, Великобритания и Норвегия — по 9, а Россия — лишь по 12 долларов за баррель.

Наконец, лавинообразное обесценение долларов само по себе нанесёт России, как и всем остальным странам «третьего мира», сильнейший удар. Как бы мы ни готовились к мировому катаклизму, не менее половины валютных запасов общества будет в них. Даже если государство успеет «сбросить» лишние доллары — оно в принципе не сможет убедить в целесообразности подобного шага своих граждан и предприятия. В результате крах США обернется уничтожением колоссальной части национального богатства России и почти всех её ликвидных капиталов... Поэтому, хотя соблазн «закрыть Америку» и понятен... поддаваться ему, по крайней мере, в настоящее время, себе дороже».

Правильно ответил Владимир Путин (во время его разговора со страной 03.12.2009) на вопрос, будет ли Россия помогать США после их краха: «Вы знаете, если это произойдет, нам с вами “мало не покажется”, потому что Соединенные Штаты — крупнейшая мировая держава, экономическая держава, у нас много связей с этой страной, она один из наших

значимых партнеров, и мировая экономика невидимыми нитями очень тесно связана с экономикой США. И поэтому желать кому-то каких-то проблем, вообще любой стране, нецелесообразно».

Но это всё частности. А главными остаются два вопроса. Первый: если ни Китай, ни ЕС, ни РФ в крушении США не заинтересованы, а внутренних сил такого рода в самой Америке нет, то кто же стремится к такой катастрофе? И второй: как будет выглядеть мир в целом после краха США, если таковой случится? (О том, что произойдёт с самими США, я здесь говорить не буду, отчасти об этом было сказано в предыдущей главе, добавлю лишь, что при этом неизбежно уничтожение значительной части их нынешнего правящего класса.)

Так кто же стремится к разрушению США?

Наиболее вероятен сценарий, при котором «войну за американское наследство» начнут те силы, которые давно взяли курс на распад этой величайшей державы современного мира. И за этим процессом будут стоять устроители Нового мирового порядка. А их планы понятны: захватить все основные ресурсы Земли (в первую очередь — нефтяные) и гарантировать их использование в интересах глобального правящего класса, оставить необходимую службу и рабочую силу, а остальное население считать «лишним». Но и такой порядок не может быть установлен в один момент, для его утверждения понадобятся «встряски»: войны, катастрофы, голод, эпидемии. Тем более, что ныне для этого не потребуются развязывать ядерную войну, которая оказывается «нерентабельной». Ну, уничтожил ты страну-противника, но оккупировать её территорию нельзя — там чрезмерно высок уровень радиации. А радиация ведь такая хитрая штука: изменилось направление ветра или морских течений — и вот тебе самому «подарок» от побеждённой страны. Нет, сегодня изобретены новые, гораздо более «эффективные» виды оружия: тектоническое, климатическое, геофизическое... Достаточно нажать кнопку — и целые материки в мгновение ока уходят под воду, погребая в морской пучине десятки миллионов «лишних едоков».

В числе устроителей краха США снова на первом месте оказываются «новые венецианцы», тесно связанные с британской короной. Очень интересные данные на этот счёт приводит журналист Борис Брин в статье «Миром правит дракон Альбион, или Как англичане уничтожают западную цивилизацию»:

«Борьба против Соединённых Штатов Америки началась англичанами с момента провозглашения США независимости. Со временем англичане не только признали США, но и сделали своим союзником, однако всегда использовали любую возможность, чтобы навредить им и не допустить конкуренции с их стороны. Пытаясь остановить стремительный рост американской промышленности и экономики, Лондон спланировал и осуществил Великую депрессию».

К статье Брига мне ещё придётся вернуться, а сейчас напомним оценку, которую дал тем событиям А. Фурсов: как раз в это время, ещё в 1929—1931 гг. (то есть когда впавшие в Депрессию США особенно остро нуждались во внешних рынках сбыта), директор Центрального Банка Англии Монтэгю Норман «закрыл» Британскую империю (25% мирового рынка) от остального мира, нанося тем самым сознательный и мощный удар по США. Именно это противоречие сыграло огромную роль в возникновении Второй мировой войны и заставило значительную часть американской элиты поставить задачу подрыва и разрушения Британской империи в качестве первоочередной. (В том числе и во время Второй мировой войны, не говоря уже о послевоенном периоде; Аллен Даллес прямо говорил об этом — и далеко не он один). США при ФранкLINE Рузвельте были готовы полностью демонтировать Британскую империю и освободить её колонии. И тогда Англия пустила в ход оружие, впоследствии названное Интер-Альфа Групп, о которой ранее в данном исследовании уже было сказано. Хотя официально она возникла в 1971 году, её деятельность началась на заключительном этапе Второй мировой войны. Как только Британская империя убедилась, что Гитлер будет разгромлен, она переключила усилия на то, чтобы восстановить своё былое великокопение. Для этого нужно было разрушить США. Но США были слишком сильны, чтобы Англии вступать в прямую конфронтацию с ними, поэтому было решено подтолкнуть их к экономическому и культурному самоубийству. Кроме того, в США банкиры-англофилы Уолл-стрит финансировали и создали собственные фашистские движения, включая Американскую лигу свободы — и попытались организовать путч против Рузвельта. После убийства Рузвельта Лондону удалось восстановить своё господство над Америкой. Один американский журналист, характеризуя эпоху наступления либерализма и социального дарвинизма в Англии и США, связанную с именами Тэтчер и Рейгана, выразился весьма красочно: **Рейган был кинозвездой, а Тэтчер — сценаристом.** Признанные эксперты предупреждают: «Мы должны вначале

строго определиться, что подразумевается здесь под лозунгом «смерть Америке!» **Та нацистская и расистская роль колонизаторов, которую выполняют сегодня США в мире, отведена им Англией, из королевского дворца Великобритании.** Говоря об американской гегемонии, мы должны иметь в виду гегемонию мировой финансовой олигархии и прежде всего той самой американской, а точнее — транснациональной, космополитической элиты». Такое положение сохраняется и по сей день. Очень образно сказал об этом мэтр советской и российской журналистики Мэлор Стуруа:

«Вы, наверное, удивитесь, когда я скажу, что «налоговые небеса» или «налоговый рай» находятся не в Швейцарии или на Каймановых островах, а именно в Англии. Англия в самом центре всевозможных небес, как паук в центре сотканной им паутины. Их внутреннее кольцо составляют «зависящие» от британской короны острова Джерси, Гернси, Мэн. Более широкий круг — 14 заморских территорий, включая офшорных Гулливеров: Кайманы, Виргинские острова и Бермуды. Еще дальше — страны Британского содружества, бывшие колонии вроде Гонконга. Все они питают Лондон деньгами — чистыми, грязными, кровавыми, которые стекаются в Сити. Британское законодательство даёт им бетонную подушку и в то же время брезгливо отстраняется от них или беспомощно разводит руками, когда разражаются скандалы. Потоки, идущие в Лондон, огромны. Так, например, в 2009 г. только тройка «зависящих» островов скачала в Сити 332,5 млрд. дол. Большую часть этой гомерической суммы составляли иностранные деньги, обошедшие налоговые рифы».

Вот это самое точное выражение: Лондон (королевский дворец и Сити) — это паук в центре сотканной им паутины, которая опутала весь мир, в том числе и США. Как и Венеция в свое время, Британская империя существует за счет контроля над денежными потоками и манипулирования национальными валютами. Это основа её власти и главное оружие, которым она неизменно воюет против Америки, особенно ожесточённо после Второй мировой войны. Её целью остаётся разрушение США. На первом плане на политической сцене выступают президенты, премьеры, министры и звёзды шоу-бизнеса и спорта, а паук прячется, поджидая очередную добычу. Как говорил Ротшильд, некоронованный король Англии, «деньги любят тишину». Ну, а для выполнения грязной работы, в том числе и для разрушения Америки, Лондон всегда найдёт исполнителей, ради денег готовых на всё.

Я иногда делаю довольно большие цитаты из статьи уже упомянутого журналиста Бориса Брина по двум причинам. Во-первых, в России многие считают нашим главным врагом США, тогда как роль извечного ненавистника России и всемирного кукловода, гнезда «новых венецианцев» — Англии оказывается затушёванной (что полностью отвечает интересам этого всесветного хищника, воплощения лицемерия и коварства). Во-вторых, не часто можно встретить такие подробности о нравах верхушки английского и американского общества, какие раскрывает этот журналист. На данном этапе для меня главное — то, что Брин приоткрывает завесу над тайной всесветного могущества Англии, перед которым пасовала тогда якобы всеильная Америка. Дело в том, что Лондон — это «гнездо» глобального правящего класса и место обитания того самого паука, который опутал своей паутиной весь мир. Итак, слово Борису Брину:

«Оплот самодержавия не только внутри страны, но и всего мира, требующая от всего мира демократии и диктующая ему законы, Англия на протяжении веков является образцом тоталитарного режима. Английская королева имеет право наложить вето на любое решение Парламента, отправить в отставку премьер-министра, любого члена кабинета и даже весь кабинет, и сверх этого является главой независимой англиканской церкви, осуществляя в одном лице светскую и духовную власть. Но самое главное, помимо неограниченной власти в своей стране, королева возглавляет созданное при английской Короне сотни лет тому назад и существующее до настоящего времени тайное мировое правительство — «Её Величества Почтеннейший Тайный Совет», члены которого клянутся и ныне: «хранить в тайне все дела, совершённые и доверенные» и «защищать Юрисдикции, Верховенства и Полномочия, данные Её Величеству и присоединённые Короне Актами Парламента, либо иными, от всех Иностраных Принцев, Лиц, Прелатов, Государств или Сил». Члены Тайного Совета не ограничены в финансах, не соблюдают международные законы и, внушая ужас всему миру, не щепетильны в выборе средств для достижения своих целей...»

*Англия подчиняет мировую экономику своему диктату посредством гигантской корпорации, возглавляемой британским банком *Barclay's*, которая диктует экономическую политику всему миру. Экономическая причина английского могущества в том, что большинство нефтяных корпораций мира контролируются Англией, и львиная доля их прибыли уходит туда. Лондон, чтобы иметь повод повышать цены на нефть, финансирует в соответствующих регионах террор, а ООН*

требует от США миллиарды долларов на операции «по поддержке мира».

О том, как действует сложнейший механизм политических партий, мasonicких лож, закрытых аристократических клубов и пр., служащий согласованию интересов различных групп внутри правящей элиты Англии, я рассказывал в главе об этой стране. В частности, там отмечалась роль непререкаемых секретарей министерств, которые оставались несменяемыми при смене правительства в результате парламентских выборов и которые гораздо больше знали и глубже понимали суть проблем страны, чем сменяющие один другого министры.

Именно Англия организовала кризис 2008 года. *«После банкротства банка Lehman Brothers, суд Нью-Йорка принял противоречащее указанию Лондона решение. Чтобы в будущем избежать подобных казусов, по инициативе Англии в Гааге создан международный финансовый трибунал. Содержать его, как и другие трибуналы, будет Нью-Йорк, а решать вопросы, как и в остальных случаях, Лондон.*

На капитальный ремонт Международных трибуналов, оценённый почти в 2 млрд. дол., сотни сомнительных программ помощи и пр. ООН взыскивает средства в основном из США, уверенно идущих к своему банкротству». США всё более начинают играть в ООН роль «дойной коровы».

Вот какому врагу США противостоять не в состоянии. И английские лорды не упускают случая, чтобы напомнить возомнившим о себе американским «хамам», «кто есть кто». Брин говорит, что кандидатуры на пост президента США утверждаются в Лондоне и только из числа лиц, лояльных Англии. Вот типичный пример:

«Уничтожение американской демократии началось сразу же после уничтожения СССР, когда выдвинул свою кандидатуру в президенты США Уильям Джефферсон (Билл) Клинтон. Во время Вьетнамской войны Билл скрывался в Англии от призыва в армию, но это не повредило его дальнейшей карьере. Подобно сыгравшему роль запала в уничтожении Российской империи князю Юсупову, Клинтон учился в Университетском колледже в Оксфорде и после окончания войны вернулся в США. Окончив Йельский университет, он сразу же выдвинул свою кандидатуру на выборах в Конгресс. В 1976 г. Билл был избран на пост министра юстиции и Генерального прокурора Арканзаса и, спустя два года, — губернатором этого штата. Обучение, выборные кампании и стремительная карьера требовали немалых средств, но заинтересованные деловые круги щедро его финансировали.

В 1993 г., в период расцвета американской экономики и американского влияния в мире, Клинтон становится президентом США. Назначив жену Хиллари главой оперативного комитета по реформе здравоохранения в интересах малоимущих слоев населения, он провалил реформу и вместо этого начал снижать налогообложение состоятельных американцев. Клинтон способствовал использованию войск НАТО в целях ООН, уничтожил Югославию и возглавил процесс мирного уничтожения Израиля.

Он часто посещал Россию, содействуя укреплению власти олигархов, разворовывающих страну, вывозящих капиталы в Англию, и сумел заразить государственный аппарат США российскими масштабами коррупции. Но, благодаря мощной поддержке теневых капиталов и СМИ, эти действия на фоне всеобщей эйфории прошли незаметно. На второй срок, в 1996 г., Клинтон был избран фактически без конкурентов. «В ваших странах и в нашей стране все такие политики сидели бы в тюрьме, потому что американцы продают свои голоса», — заявил в 1997 г. премьер-министр Канады Жан Кретьен на встрече с премьерами Бельгии и Люксембурга. Во время второго срока Клинтон фактически ликвидировал антимонопольный закон и налог на сверхприбыль, положив начало стремительному росту цен на нефть и захвату власти нефтяными монополиями.

Скандал с Моникой Левински был разыгран покровителями четы Клинтон, накануне окончания правления Билла, преднамеренно, с целью создания имиджа Хиллари. Благодаря этому фарсу она была избрана в Сенат, участвовала в президентской гонке и стала осуществлять внешнюю политику США. Хиллари имела постоянного любовника — бывшего партнёра по адвокатской конторе Вебстера Хаббелла, но прокурору Старру не позволили обвинить её в сокрытии любовных отношений... Америка и весь мир были одурочены достойным пера Шекспира фарсом с «обманутой всепрощающей женой».

Соратник Клинтона вице-президент Альберт Арнольд Гор решил взять себе в вице-президенты Либермана, а тот, в случае избрания, уступал свое место в Сенате Нэнси Пелоси. Нэнси была опытным конгрессменом, и Хиллари с ней конкурировать не могла. Чтобы этого не допустить, Билл на президентских выборах 2000 г. вступил в сговор с лидером республиканцев и тайно поддержал Джорджа Буша-младшего, не оставив своему соратнику-демократу никаких шансов. С целью утешить Эль Гора — ему дали Нобелевскую премию. Так как эти премии фактически распределяет Англия,

---

становится ясным, кто является главным кукловодом и опеределяет погоду на Капитолийском холме.

Во время правления Буша-младшего его повсюду сопровождал Билл Клинтон, но американская пресса старалась это не замечать. Союз лидеров демократов и республиканцев привёл к тому, что эти партии фактически объединились под одним общим руководством, уничтожив один из главных принципов американской демократии».

Брин проследил и роль четы Клинтон в избрании Барака Обамы на пост президента США:

«Но чтобы разрушить экономику страны, необходимы были громадные, воистину астрономические суммы...

Потеря независимости США была продемонстрирована американскому народу, когда их президентом, вопреки Конституции и заветам Отцов-основателей, стал человек, не рождённый в США и не воспитанный на основе традиций этой страны. Праймериз оказались комедией, как и приключения (Билла Клинтона) с Моникой Левински. Чета Клинтон активно поддержала кандидатуру нового президента. Хиллари занялась внешней политикой, и они дружно покатали США вниз».

(Замечу, что в западных СМИ нередко можно встретить уподобление Обамы Горбачёву как разрушителю своей страны.)

Но зачем «новым венецианцам» разрушать Америку, которая до сих пор верой и правдой служила им мировым жандармом, тараном для сокрушения самых неприступных бастионов на мировой арене? Ранее уже приводились слова Збигнева Бжезинского: этот кризис будет продолжаться десятилетиями и не кончится до тех пор, пока мир не согласится на учреждение мирового правительства. Но мировое правительство — это не ООН, которая по большинству обсуждаемых вопросов выносит лишь рекомендации, не обязательные к исполнению, оставляя всё остальное в компетенции национальных правительств. Пока существуют национальные государства со своими правительствами, власть мирового правительства остаётся в значительной мере фикцией. Национальные государства мешают и ТНК, заставляя их платить налоги и вводя для их деятельности различные ограничения. ТНК и национальные правительства не смогут примириться, потому что они вынуждены, в силу различий в своём статусе, по-разному понимать коренную категорию экономики — эффективность, на что обратил внимание профессор Михаил Делягин:

«...даже фундаментальное понятие экономики — эффективность — не является универсальным, а полностью зависит от

изучаемого явления! Она всецело зависит от избранного критерия, который, в свою очередь, определяется простой точкой зрения.

Принципиальная граница проходит между частными и общими интересами: очень часто эффективное для одних требует беспощадного разрушения эффективности с точки зрения других.

Так, грабёж на большой дороге (или приватизация, или финансовые спекуляции, или либеральные реформы, или наркоторговля) может быть (и обычно является) восхитительно эффективным с частной точки зрения осуществляющих их групп, однако с точки зрения общества в целом они не только не эффективны, но даже разрушительны.

С другой стороны, строительство инфраструктуры или поддержание социально значимых производств обычно неэффективно с точки зрения непосредственно эксплуатирующих их фирм — в отличие от общества в целом».

М.Делягин приводит пример с Транссибирской магистралью: с точки зрения железнодорожников, сопоставлявших доходы от перевозок с расходами на строительство дороги, Транссиб едва ли окупился и четверть века спустя. Но если учесть, что возле магистрали выросли города, началось интенсивное использование природных богатств края и пр., — расходы на её строительство окупались многократно гораздо раньше, не говоря уж о том, что без неё Россия вряд ли смогла бы удержать в своём составе Русский Дальний Восток.

Выходит: либо государство не мешает ТНК зарабатывать максимальные прибыли (например, смотрит сквозь пальцы на ввоз в страну наркотиков и торговлю ими), и тогда оно превращается в их обслугу. Либо оно пытается отстоять национальные интересы, и тогда оно становится смертельным врагом ТНК. Сегодня большинство государств пытается усидеть на двух стульях: чиновники за взятки не замечают вредных для общества махинаций ТНК, и государства с этим если и борются, то очень вяло. Но государства вынуждены и что-то делать ради общего блага, ограничивая произвол ТНК и хотя бы пытаясь взять с них положенные налоги. Этого ТНК государствам не прощают.

Но почему частнособственническое понимание эффективности вышло на первый план именно сейчас? М.Делягин объясняет это так:

«С момента формирования после Вестфальского мира современных государств эффективность общества, как правило, решительно доминировала над эффективностью фирмы, просто потому, что общество в лице государства было гаран-

---

тированно мощнее почти любой, сколь угодно крупной и эффективной корпорации, легально действующей на его территории.

Формирование глобального бизнеса как политической силы, начавшееся на основе американских корпораций в ходе Второй мировой войны, начало принципиально менять баланс сил... Это облегчалось и... общим противостоянием западных государств и глобального бизнеса с принципиально несовместимой с ними советской цивилизацией. Она прекрасно сочеталась с традиционным государственно-монополистическим капитализмом (отсюда, кстати, и вся доктрина «мирного сосуществования»!), поскольку также исходила из приоритета общественных интересов над частными...

В то же время советская цивилизация (как и традиционный государственно-монополистический капитализм) оказалась принципиальным, несовместимым антагонистом глобальному бизнесу — именно потому, что последний исходил из приоритета частных интересов, из понимания эффективности как эффективности исключительно фирмы. Понимание эффективности с точки зрения общества мешает глобальному бизнесу получать сверхприбыли и потому рассматривается им (и его многочисленной службой) как абсолютно неприемлемая ересь, подлежащая полному уничтожению.

Либеральный фундаментализм в соответствии с интересами глобального бизнеса рассматривает в качестве единственно возможного критерия эффективности эффективность с точки зрения фирмы, принципиально отвергая под историческими идеологическими предлогами саму возможность её анализа с точки зрения общества.

Это вполне закономерно: с одной стороны, современный либерализм исходит из обязанности государства служить не своему народу, а глобальному бизнесу... а с другой — это вызвано изменившимся соотношением сил: глобальный бизнес стал больше и сильнее всех без исключения традиционных государств.

Сегодняшний экономический кризис, выхода из которого нет, и который приведёт мир к срыву в глобальную депрессию, во многом вызван именно последовательным и тотальным применением заведомо несовместимого не только с человечностью, но и с человечеством понимания эффективности исключительно как эффективности с точки зрения фирмы...

То, что фирмы стали очень большими и мощными, не меняет характера их деятельности: они ориентированы исключительно на получение прибыли любой ценой — и, действуя таким образом вне какого бы то ни было регулирования (так как

регулировать их на глобальном уровне просто некому), вполне способны разрушить нынешний хрупкий, относительно цивилизованный и гуманистичный мир, выбросив его в новые Темные века Средневековья». (Размышления М. Делягина о том, какие возможности сопротивления глобалистам открывает нынешний кризис, я приведу в следующей главе.)

Президент Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир» Шамиль Султанов поясняет, почему понятие эффективности с позиций общества было присуще как советской системе, так и корпоративному государству, созданному в США Ф.Рузвельтом:

«Поскольку появление советской и американской национальных корпоративных систем стало ответом на вызовы одного и того же глобального системного кризиса, то... они имели и общие черты:

— *Провозглашение и юридическое закрепление общего блага как базовой, консолидирующей весь социум ценности.*

— *Соответственно, важнейшим корпоративным принципом, общим для сталинского и рузвельтовского проектов, было достижение социально-экономической эффективности в интересах большинства («Закон о государственном плане» в СССР и целенаправленное государственное стимулирование роста среднего класса в США).*

— *Обеспечение вертикальной социальной и политической мобильности, дающей возможность широкомасштабного включения людей с творческим складом в общекорпоративную систему принятия решений и формирования открытой, наднациональной и надсословной элиты как ядра корпоративного социума.*

— *Поскольку перманентная корпоративизация всего общества объективно вела к усилению роли бюрократии как класса в обществе, то поиск новых форм контроля над бюрократическими механизмами становился все более актуальным. Президент Кеннеди после неоднократных столкновений с американской бюрократической системой однажды написал: «Единственное, что мне самому удалось сделать, преодолев сопротивление бюрократии, — это перепланировать лужайку перед Белым домом».*

Поэтому общим вопросом жизни и смерти советского и американского проектов стала проблема обеспечения жёсткого и эффективного контроля над бюрократической системой. Причем только через все большее и масштабное привлечение массовых социальных групп к такому контролю можно было добиться желаемого обуздания национальной бюрократии. Однако после смерти Сталина (добавлю: и убийства

Рузвельта) контроль над советской (и американской) бюрократией стал постепенно и неуклонно ослабевать».

Далее Ш. Султанов разбирает отличия корпоративных систем СССР и США, но это уже для исследуемой мною темы большого значения не имеет. Гораздо важнее другое его замечание:

«Правящий истеблишмент Соединенных Штатов действительно смог выстроить глобальную американскую корпоративную империю при помощи огромной системы военных, политических, дипломатических, экономических, культурных, информационных, разведывательных и т.д. средств.

Центром этой глобальной империи стала метрополия — Соединенные Штаты. На ближней орбите стали вращаться шесть основных американских союзников, на второй орбите разместились остальные страны ОЭСР, на третьей орбите — среднеразвитые страны-экспортеры важных ресурсов, на четвертой орбите — все остальные страны, не входившие в советскую зону. Были созданы сотни международных организаций, которые закрепили и цементировали американскую корпоративную империю.

Американская элита использовала в этих целях не только свой мощный силовой потенциал, не только доминирование в ядерно-силовой сфере, не только свой огромный экономический ресурс и политические возможности. Для формирования и укрепления глобальной корпоративной империи истеблишмент США прежде всего использовал средства и методы технологического развития и глобального финансового контроля.

В этой модели глобальной империи только США могли играть роль неоспоримого центра цивилизационного и технологического развития. В научно-техническом прогрессе принимали участие и другие страны «большой семерки», но, поскольку структура глобального рынка определялась метрополией, то в конечном счёте основные тренды научного и технологического развития формировались именно в Соединенных Штатах.

Другие страны ОЭСР принимали участие в высокотехнологическом развитии в соответствии с той долей мирового рынка, которая им выделялась по правилам американской геоэкономической игры.

Страны, которые находились на ещё более нижних этапах этой мировой империи, получали возможность перейти к интенсивному экономическому и технологическому развитию в зависимости от потребностей глобального эконо-

---

мического механизма, степени вовлечённости местных элит в мировой имперский истеблишмент, от уровня интеграции локальных экономик в глобальное американское хозяйство».

Действительно, США тогда создали некоторое подобие Солнечной системы, где они играли роль Солнца, а остальные страны, словно планеты, обращались вокруг этой звезды по строго определённым орбитам. Но если это так, то с исчезновением США (в цитируемой работе Ш. Султанов такую возможность не рассматривает) эта система, лишившись центра, неминуемо придёт к распаду и опасным катаклизмам.

Ш. Султанов не очень верит и в возможность установления власти единого Мирового правительства: *«Этот вариант крайне маловероятен, и с каждым годом его перспективы становятся всё более и более смутными. Самая существенная причина — в том, что невозможно создать единую мировую элиту. А вторая причина ещё важнее: у этого виртуального мирового правительства никогда не будет реальной армии и реальной полиции, которые могли бы гарантировать выполнение его решений».*

Думается, Ш. Султанов недооценил возможности глобального правящего класса. Зато он предсказывает возникновение новой мировой войны. При этом он исходит из факта *«...конкуренции формирующихся, по крайней мере, новых региональных корпоративных моделей: европейская (с уже традиционной франко-германской осью), североамериканская (США, Канада, Мексика), дальневосточная (с возможной японо-китайской осью) и ближневосточная (с возможной ирано-турецкой осью). То есть по определённой аналогии может быть воспроизведена ситуация 30-х годов XX века».*

При неизбежном обострении конкуренции этих макрорегиональных проектов большая глобальная война в период 2020—2030 годов становится практически неизбежной».

Как видный учёный в среде российских мусульман Ш. Султанов особо отмечает рост влияния основных исламских государств на развитие мировых событий:

«За тридцать лет фактической изоляции, после революции Хомейни, Исламская республика Иран превратилась в региональную супердержаву со своим развитым ВПК, космической программой, отраслями, производящими новые технологии, со своими баллистическими ракетами и одной из лучших в мире армий».

Этот тезис можно было бы подкрепить частным примером из другого источника — статьи А. К. Лукоянова «Взаимоотношения Ирана и США при «новом» президенте России

(Персидский пасьянс)», тем более, что она имеет прямое отношение к российским интересам на пространстве СНГ:

«Самым привлекательным для Ирана государством Средней Азии является Таджикистан, население которого наиболее близко к иранцам в языковом и культурном отношениях...»

В Таджикистане Иран добился больших успехов. В настоящее время ИРИ реализует в Таджикистане целый ряд проектов в области энергетики, транспортных коммуникаций, информатики, водопользования, тракторостроения и т.д. Не говоря уже о культурном сотрудничестве, которое направлено как на развитие двухсторонних отношений, так и на отрыв Таджикистана от России. И этого ИРИ никогда не скрывала. И в то же время Тегеран негласно налаживает как в Таджикистане, так и в Афганистане свои отношения с Вашингтоном...

Русские практически оставили республику Таджикистан. Русский язык утратил официальный статус межнационального общения, что приветствуется иранцами на всех уровнях... В это же время в иранских школах вводится... изучение русского языка в качестве второго иностранного языка... На первом месте в ряду иностранных языков в Иране стоит английский (американский) язык... Иранские лидеры — люди прагматического склада. Они прекрасно понимают, что для успешного освоения среднеазиатского региона легче, дешевле и эффективнее по многим параметрам подготовить свои кадры со знанием русского языка, чем обучать население «новых независимых государств» персидскому языку.

Из Таджикистана давно выведены пограничники РФ... Иран идёт на смену России в Таджикистане... В результате граница Таджикистана с Афганистаном... стала настолько прозрачной, что наркобизнес стал нормой в республике. Таджикистан превратился в свободный коридор для предпринимателей, прокладывающих новые маршруты в направлении России... Ожидать со стороны Таджикистана изменения позиции в отношении России в лучшую сторону можно, но это малоперспективное занятие. Но стремление Душанбе быть другом США — процесс естественный: диктаторы Средней Азии мечтают иметь американские паспорта.

В то же время мы задаём себе вопрос: почему Иран не приглашает к себе миллионы безработных таджиков? Они могли бы и там работать в строительном бизнесе, который лишился дешёвой рабочей силы после того, как на «освобождённую» родину были возвращены афганские беженцы... Так почему мил-

---

лионы таджиков «обустраивают» именно российскую территорию, а не богатую нефтью страну своих братьев?.. По анализу американских центров, наличие миллионов безграмотных таджиков чревата для последующего их участия в террористической деятельности как в России, так и в Европе и тем более в Средней Азии... вся Сибирь завалена наркотиками из Афганистана».

Очень показательны, по Ш. Султанову, для сегодняшнего этапа мирового развития процессы, происходящие в Турции:

«Началась ли обычная в острой фазе системного кризиса правая и левая радикализация? Безусловно, такие тенденции несколько усиливаются... Однако на первый план выходит другая конфронтация, и, возможно, более существенная, чем классическое противостояние левых и правых. Во многих регионах и ключевых странах остро, хотя и в разных формах проявляется разрыв между так называемыми слоями и группами, поддерживающими нынешний вариант западной модернизации, и растущими слоями и классами фундаменталистов и традиционалистов. Взаимодействие между ними — своего рода очень страннный бульон и на уровне элит, и на уровне правящего класса, и на публичном уровне. Там, где находится особая для данного места и времени креативная форма согласования интересов между модернизаторами и фундаменталистами, там возникает точка формирования стратегического проекта, как например, в той же сегодняшней Турции... Причем именно в турецкой модели — наиболее высокий уровень креатива». Турция добилась столь больших успехов в Центральной Азии, что даже Нурсултан Назарбаев заговорил о желательности возрождения идей пантюркизма.

Непобедимость ислама очевидна для Ш. Султанова из следующих фактов последнего времени:

«При своём огромном силовом, экономическом и политическом потенциале Соединенные Штаты не смогли и не могут эффективно контролировать постсаадамовский Ирак. Помпезная западная коалиция терпит катастрофическое политико-психологическое поражение в Афганистане».

Лично я вижу особую ценность работ Ш. Султанова в понимании того, что нынешний мировой кризис — не финансовый, не экономический, а системный, и его нельзя вылечить вливаниями дополнительной гигантской денежной массы или технологическими новшествами:

«Кризис, который разразился в 2008 г., на самом деле не «начался», а наконец-то полностью проявился в открытой форме. Это бурный выплеск на поверхность копившихся противо-

---

речий американской корпоративной модели развития.

Внешне этот глобальный кризис проявился как финансовый и экономический. Но это только фактор времени, чтобы он полностью трансформировался в системный кризис — это не только и не столько кризис отношений и институтов, сколько крах, крушение господствующего в данный момент типа или модели мышления... Простой, показушной коррекцией здесь уже не обойдешься».

Да, человечество, ведомое на протяжении нескольких последних столетий идеологами Запада, зашло в тупик. Западный склад мышления и основанный на нём западный образ жизни показали свою несостоятельность. А каким должен быть новый образ мышления, никто внятно объяснить не может, хотя ясно, что это будет не рационализм.

Сам Ш. Султанов в отношении выработки этого нового склада мышления, как и нового, более разумного мироустройства, кажется, настроен довольно пессимистически: *«Существуют ли интеллектуальные предпосылки появления принципиально новых больших проектов? Скорее всего, нет, если сравнивать, например, нынешний период с 20-ми годами XX века... на фоне пошлых мелкотравчатых «элит» влиятельные контрэлиты как реальные субъекты в большинстве стран вообще отсутствуют. Тотальный конформизм сделал своё дело».*

Вернусь к вопросу об эффективности и взаимоотношениях государств и ТНК. Итак, вопрос стоит остро: либо государства положат конец всевластию ТНК (что ныне, по сути, невозможно), либо глобальный бизнес должен разрушить все национальные государства. А самое могущественное из национальных государств — это США. Что толку уничтожать национальное государство в каком-нибудь Мали? Ведь старый порядок во всём остальном мире останется почти неизменным. Если же будут разрушены США, это приведёт к всемирному хаосу, и затем другие национальные государства станут падать по «эффекту домино». Поэтому **ныне разрушение США стало первоочередной целью глобалистов.**

Вот почему ныне столь часто появляются суждения такого типа: США для Мирового правительства являются лишь инструментом управления миром. Прежде оно управляло миром с помощью Британской империи. Но та начала давать сбои, и они выстроили новую, американскую, что ознаменовалось двумя мировыми войнами, которые должны были приблизить установление Нового мирового порядка. Если Британия колонизировала страны в прямом понимании этого слова, то США вводят свои войска только при острой необходимости, когда правительство, установленное ТНК, ут-

---

рочивает контроль над ситуацией или же перестает блюсти их экономические интересы. Никаких национальных интересов у верхушки ТНК быть просто не может. Для них вообще не существует никаких приоритетов, кроме прибыли. Они печатают все деньги мира и потому могут писать законы всех стран. Они финансируют революции, а потом способствуют становлению диктатур, которые заканчиваются войнами. Вслед за войнами следуют эпохи восстановления, экономического роста, застоя, при котором возникает теневая экономика, вызывающая необходимость новой революции.

Рисуются и вполне апокалиптические картины. От руководителей ТНК не отстают и банкиры. Они тоже хотят завладеть богатством США, но понимают, что это возможно только если это государство прекратит своё существование. Они-то лучше других знают, что нынешняя финансовая система мира построена по принципу финансовой пирамиды, которая не может не обрушиться, и это время пришло. Но произойдет это на 100% неожиданно для всех, кроме самой Матрицы. До последнего момента всё будет выглядеть неплохо. Затем, в один день, всё превратится в прах. Одновременно рухнут все валютные системы. Хотя по ним и не будет дефолта, как по доллару, но они из-за огромнейшей дыры в мировых финансах мгновенно упадут в цене раз в 10—15.

Ключевую роль в организации глобального распада играют Ротшильды и их агенты Рокфеллеры, использующие в качестве своего оружия государственного уничтожения ФРС. (Известно, что идеологом закона о ФРС в США был именно барон Альфред Ротшильд из Лондона.) Американские политологи Эндрю Хичкок и Юстас Малинс в своих книгах показывают, что ФРС является абсолютным лидером мировых финансов и причастна к организации преступлений мирового масштаба, включая революции и войны. Хичкок подчеркивает, что «главной целью ФРС является построение мирового государства, корпоративного Нового мирового порядка». Когда у всех практически исчезнут деньги, начнется медленное строительство новой мировой экономической системы. И напрасно многие злорадствуют: «Ура! Доллар упадет, экономика США рухнет, и это будет крахом США!». Надо понять одно — мозгу, по большому счету, глубоко плевать на тело. Мозг создал для себя тело, но он не кардинально связан с телом, он может создать еще несколько тел. Мозг никогда не проиграет, если одно из тел придется умертвить, либо сильно ослабить. Поскольку он давно уже оторвался от тела и стал Матрицей, которая лишь частично базируется в США, остальные части находятся в Англии, Франции, Италии и

т.д. Есть даже и сенсационные высказывания: одной из штаб-квартир Мирового правительства может стать недавно спешно восстановленный Константиновский дворец в Санкт-Петербурге. Не менее сенсационна и картина мира будущего, рисуемая известной в России организацией под названием «Комитет общественной безопасности». С точки зрения этого комитета, после краха либерализма в мире будет реабилитирован марксизм, а теоретической базой станет сплав ислама (духовной составляющей) и китайского марксизма (материальной составляющей).

Мир без США: прогнозы оптимистов и реалистов

Сценариев возможного развития событий в случае разрушения США множество, и большинство их носит драматический и очень опасный характер.

Хотя многие абстрактно мыслящие теоретики рисуют благостные картины. Уже известный нам профессор Игорь Панагин, не раз предсказывавший распад США, выпустил книгу о новом мироустройстве, где предлагает наиболее перспективную «Пятую модель международных отношений». Она должна быть основана на балансе трёх центров силы: Европейского союза, Евразийского союза во главе с Россией и большого Китая. Эта модель должна учитывать национальную самобытность народов, духовные, религиозные ценности и одновременно особенности глобализации и информационной революции.

Есть и совсем благодушные сценарии, напоминающие проекты прежних утопистов об идеальном государстве и «золотом веке». Вот как представлял будущее человечества известный советский и российский футуролог профессор Игорь Бестужев-Лада в статье «Роботы оставят нас без работы?»

Столетие назад, чтобы прокормить одного рабочего или служащего, нужен был труд девяти крестьян. Даже в США две трети населения составляли тогда фермеры. Механизация сельского хозяйства сократила долю занятых в нём вчетверо-впятеро, а начавшаяся автоматизация и тем более компьютеризация — ещё вдесятеро. Ныне папа с мамой и двумя подростками детьми, вооружённые компьютерами, способны дать больше сельскохозяйственной продукции, чем сотни колхозников на тракторах или десятков тысяч крестьян с сохой. Доля занятых в сельском хозяйстве США быстро стремится к **одному проценту**, и все страны мира следуют тем же путём... Если XIX век можно назвать веком крестьян, то XX — веком рабочих. Десятки процентов трудоспособных переко-

---

чевали от плуга к станку.. Но автоматика и электроника и здесь сделали своё дело. Доля занятых в промышленности стала стремительно сокращаться. В США она рухнула ниже отметки в 20 процентов и, по экспертным оценкам, неудержимо катится к величине порядка 10—5 процентов. Завод-автомат станет в XXI веке столь же обычным явлением, как, скажем, вокзал в XX. И вновь десятки процентов работоспособных начали очередное «великое переселение народов» — на сей раз в сферу обслуживания: за руль, за прилавок, за письменный стол банковского или управленческого клерка. В США сюда набежало более 55 процентов работающих. Только успели отдышаться, глядь — на них наваливается ещё одно чудовище — компьютер. Многие из нас уже успели свыкнуться с мыслью о неизбежности фермы и завода-автомата. Но всё ещё кажется фантастикой мысль о такой же неизбежности в обозримом будущем универсама-автомата, банка-автомата (банкомата величиной со Сбербанк), министерства-автомата и даже автотрассы-автомата.

Между тем на глазах прорисовываются контуры Универмага XXI века, где вместо сотен продавщиц за прилавками красуются две девчушки за компьютерами, осуществляющие тот же объём продаж по каталогам и образцам. Может, конечно, возникнуть потребность в консультации товароведа, но это станет таким же дорогостоящим удовольствием, как сегодня — товарищеский ужин с Зайцевым или Юдашкиным.

Не все осознали: наступают «последние секунды» Эры денег... только сами деньги вовсе не исчезнут. Они перекочуют из наших кошельков во чрево всё того же всемогущего компьютера, и он станет показывать нам фигу, как только мы слишком часто начнём совать нашу магнитную карточку во всякие соблазнительные щелочки. А раз денежные потоки контролирует компьютер, то зачем ему тысячи банков и миллионы симпатичных банкирш? Он и сам справится с их утомительным трудом. .

То, что сегодня с трудом выполняют 100 процентов работающих, завтра будут делать как максимум 20 процентов. И возникает сложнейший вопрос: **куда девать остальные во-семьдесят?** Не в очередь же к окошечкам биржи труда их ставить — это будет хуже Албании и Чечни, вместе взятых.

Что делать? Во-первых, на Западе уже развернулся процесс перехода от 40-часовой к 35-часовой рабочей неделе. На повестку дня встаёт вопрос о переходе на 32-часовую...

Во-вторых, перестать издеваться над женщиной-матерью, считая дни и копейки её декретного отпуска...

В-третьих, миллионы взрослых должны проторить путь в детсад и школу — в качестве помощника воспитателя и учителя по внеклассной работе с детьми...

В-четвёртых, то же — в учреждении здравоохранения в качестве сестёр и братьев милосердия

В-пятых, стремительно растущее свободное время грозит превратиться из социального блага в социальное зло: ведь далеко не каждый способен сам организовать свой досуг. Выход один: — тысячи и тысячи клубов по интересам в каждом городе. Но каждый такой клуб — это по меньшей мере десяток организаторов.

В-шестых, загрязнение окружающей природной среды идёт такими темпами и масштабами, что требуется Армия спасения природы, которая очистит и восстановит то, что мы годами и десятилетиями бездумно загрязняли и разрушали...

Чтобы наступившее столетие не стало столетием массовой безработицы, XXI век должен стать Веком социального работника — такой же массовой профессией, какой был рабочий в XX и крестьянин в предшествовавших веках...

Помимо этого хотелось бы привести и прогнозы наиболее известного американского футуролога, одного из авторов концепции «сверхиндустриальной цивилизации» Элвина Тоффлера, очень популярного у части российской интеллигенции. Но, во-первых, это — несколько книг по 500—700 страниц, подчас противоречащих одна другой. Во-вторых, в последние годы Тоффлер поддерживает агрессивную политику США, а войну в Ираке назвал первой войной, по которой можно судить о характере будущей Третьей мировой войны. Такая позиция лишает его возможности объективно оценивать происходящее в современном мире. Обычно отмечают, что в его основных работах (часть которых написана им в соавторстве с супругой Хейди) проводится тезис о том, что человечество переходит к новой технологической революции, то есть на смену первой волне (аграрное общество) и второй (индустриальное общество) приходит новая, ведущая к созданию (сверхиндустриального) информационного или постиндустриального общества. Тоффлер предупреждает о новых сложностях, социальных конфликтах и глобальных проблемах, с которыми столкнётся человечество на стыке XX и XXI веков. Он обращает внимание на неслыханный темп, который характерен для современных культурных, политических изменений. Человечество может погибнуть не из-за экологической катастрофы, ядерной реакции или истощения ресурсов. Шок, который испытывают люди от невероятной быстроты перемен, приводит к психологическому оне-

---

мению, к самой реальной опасности, которая подстерегает человечество. Это главная угроза. Надо осознать её и по возможности устранить. Отмечу лишь два момента, которые характеризуют стиль прогнозов Тоффлера.

Он называет современную цивилизацию «цивилизацией одноразовых стаканов». В наше время выгоднее надевать бумажную рубашку, которую вечером проще и дешевле выбросить, чем сдавать её в стирку. Он описывает будни бизнесмена или чиновника, который пять дней в неделю работает в Нью-Йорке, а уик-энд проводит с семьёй в Майами. Люди будут часто менять страны и города, где они работают (и живут), так что у них не успевают сложиться добрые отношения даже с соседями, а о дружбе, прочих привязанностях придётся вообще забыть. Но, думается, Тоффлер принимает во внимание лишь представителей элиты (что очень странно для человека, долго придерживавшегося левых взглядов), а миллиардные людские массы тревожат совсем иные заботы.

Более реалистичным прогностиком представляется друг Тоффлера Жак Аттали, банкир, близкий к самым «верхам» современного общества и одновременно почитатель Маркса. Либерал и глобалист, автор концепции «Нового мирового порядка», сторонник геоэкономического подхода в геополитике, он определяет современность как наступление «эры денег», господства либерально-демократических ценностей и рыночных отношений, основанных не только на финансовом капитале, но и на информационных технологиях. Он автор более 40 книг, многие из них подвергались в наших СМИ критическому разбору. Но для целей данного исследования особенно важно то, что Аттали открыто (хотя и в деликатных выражениях) говорит о предстоящем разрушении США. *«Большинство последних исторических потрясений объясняется именно «триумфальным маршем денег», выражением глобального всепобеждающего индивидуализма. Если эта эволюция достигнет апогея, деньги покончат со всем, что может им помешать, включая государства (даже у США не останется шансов выжить), которые они мало-помалу разрушают... К 2060 г. или раньше (если, конечно, человечество не исчезнет под потоком бомб) человечество не сможет больше мириться ни с американской империей, ни с гиперимперией, ни с гиперконфликтом... к 2050 г. начнётся демонтаж государств. Правительства потеряют влияние, а подолгу в одних и тех же странах будут жить только те, кто не имеет возможности перемещаться. К концу века правительство США одним из последних утратит атрибуты суверенности».*

Ну и, конечно, нам сулят новые радости при невероятной социальной поляризации нового общества:

«Став единственным законом в мире, рынок сформирует гиперимперию, необъятную и планетарную, создающую торговые богатства и новое отчуждение, огромные состояния и ужасающую нищету... постепенно соревнование приводит к концентрации власти над рынками и демократией... в руках новых подвижных элит, хозяев капитала и знаний. В результате формируются и углубляются новые формы неравенства. Массовое распространение получают новые виды наркотиков, сексуальная жизнь станет абсолютно свободной, её исключительной целью станет удовольствие, а размножение будет производиться искусственным способом. Количество лиц, живущих менее чем на 2 долл. в день, инфракочевников, составит к 2035 г. 3,5 млрд. человек против 2,5 млрд. в 2006 г. Эти категории населения станут беспорядочно перемещаться по планете в целях выживания и будут широко использоваться во время различных волнений, а также пиратской экономикой. С исчезновением государств никто не будет способен обеспечить равенство граждан, объективность выборов, свободу информации». Власть новой мировой элиты над прочим людом станет беспредельной, а контроль над каждым индивидом будет всеохватным.

А. Фурсов полагает, что Аттали намного более «гуманен», чем его коллеги по глобальному правящему классу: ему достаточно установить контроль над 20 процентами населения планеты, соприкасающимися с «небожителями», плюс ещё над поясом, отделяющим цивилизацию от дикости. А остальное население пусть живёт, как умеет, в джунглях Африки или Латинской Америки, отстреливать их придётся лишь в том случае, если они будут выходить за пределы отведённых им зон.

А в это время серьёзные учёные, например, академик РАН Сергей Глазьев формулируют условия перехода цивилизации от пятого к шестому технологическому укладу!

По мнению же не менее серьёзных исследователей, картина будущего, скорее всего, будет более мрачной, чем это видится прогнозистам-оптимистам и мечтателям-глобалистам. Увы, мир, по-видимому, ожидают войны, массовое истребление «лишнего» населения, голод, эпидемии, борьба гигантских людских масс сначала за выживание, а потом — за жизнь и свободу в попытках противостоять новому рабовладельческому строю, навязываемому человечеству глобальным правящим классом. Вице-президент Академии геополитических проблем Константин Соколов приводит слова Дэвида Рокфеллера: **мир выйдет из нынешнего кризиса с численностью населения не более двух миллиардов человек.**

По мнению А. Фурсова, вслед за смертью социализма с неизбежностью придёт кардинальная трансформация капитализма, однако в итоге этой трансформации возникнет не более гуманный, но более жёсткий строй, основанный на иерархии и насилии. Сегодня события, разворачивающиеся на мировой сцене, являются отголоском скрытых от внешнего наблюдателя столкновений теневых мировых группировок. После устранения США эта борьба может выйти из тени, стать более открытой. Разворачивающийся мировой кризис при некатастрофическом развитии событий скорее всего растянется на весь XXI век. Если же, как полагают такие исследователи, как Найл Фергюсон, крушение американской империи может произойти очень быстро — обвалено, события могут принять гораздо более катастрофический характер. И чтобы на место американцев не пришли конкуренты — китайцы, западноевропейцы, надо устроить в мире «хаос» — управляемый, разумеется. А враг глобальных управленцев — любое национальное государство. Часто для разрушения этих государств приходится прибегать к агрессии извне. Нынешняя перестройка носит глобальный характер и игроки у нее — глобальные. И ставки глобальные — власть и привилегии в посткризисном (возможно, посткапиталистическом) мире.

Борются за власть такие «глобальные племена», как англосаксы (англичане и американцы), евреи (Израиль и мировая еврейская диаспора), китайцы — всего 10–15 группировок. Это, за исключением (возможно, пока за исключением) Китая — не государства, а устойчивые кластеры, сетевые структуры, организации орденского типа. Сейчас моден лозунг: «Государства мертвы, миром правят сетевые структуры». Субъектами тайных внешних политик выступают интегрированные кластеры ТНК, спецслужб, финансовых, религиозных, информационных и академических структур различных стран. Их власть — это **корпоратократия**. Интеграция различных мировых (с 1980-х годов — глобальных) игроков не исключает противоречий и острой борьбы между ними. Всё это усиливает нестабильность.

Самая острая борьба развернётся между двумя главными кланами мировой финансовой элиты — Ротшильдами и Рокфеллерами, а также Ватиканом.

В особенно сложном положении в случае краха США окажется Европа (о России мы условились в этой главе не говорить). Хаос на Ближнем Востоке уже выбросил в Европу дополнительные волны мигрантов, а ведь лидеры Германии, Франции и Англии уже говорят о том, что стратегия мульти-

---

культурализма провалилась и с ней надо заканчивать. Но, спрашивает А. Фурсов, что значит покончить с мультикультурализмом? Куда деть живущих в Европе турок, курдов, арабов, африканцев? Депортировать? Как? Куда? Огромную массу выходцев из «третьего мира» вряд ли получится куда-то «деть». Их можно разве что попытаться поставить в жёстко подчинённое положение, ограничив права и поместив в гетто. Но ясно, что, во-первых, попытаться сделать это могут только правоавторитарные националистические режимы, наплевавшие на «мульти-культур» и ряд либеральных ценностей. Случайно ли на Западе начинается нечто похожее на реабилитацию национал-социализма? Во-вторых, попытка жёстким образом изменить положение во многом привыкших к беззаботной жизни выходцев из Азии и Африки вызовет их сопротивление.

Правая радикализация может усилить Европу за счёт установления в ней праворадикальных порядков, что автоматически потребует превращения Западной Европы в импероподобное образование, жёсткую иерархизацию Евросоюза на «тех, кто почище» (германо-французское ядро) и на тех, «кто погулять вышел»; с превращением цветных низов в неполноправный сегмент социума. Возможен и более или менее тесный союз романо-германской Европы (Европы Каролингов) с Россией.

Но установление в Европе праворадикальных режимов может и ослабить её, если оно приведёт к взрыву на социально-расово-этнической-религиозной основе, к взрыву, который станет средством, технологией управляемого извне хаоса.

Самое интересное — то, что трудности Европы не только не коснутся Англии, но и усилят её влияние и на континенте, и в мире. Борис Брин напоминает об итогах ряда исследований: 1) «столицей мира» признан Лондон, обошедший все другие города по большинству из пяти пунктов, а Нью-Йорк по пункту «могущество власти и политическое влияние». 2) Всеми процессами на планете, связанными с экономикой, руководит одна гигантская корпорация, в которую входят 1318 компаний разных стран мира... Во главе этого монстра находится британский банк Barclay's, который диктует всему миру экономическую политику. 3) Лондон назван самым культурным городом мира. Большинство культурных и исторических ценностей всего мира находятся в Англии, которая на протяжении веков грабила его. Сокровища Индии, Египта, Австралии, стран Африки и Америки, бесценные полотна и реликвии Европы украшают английские музеи и замки и хранятся в многочисленных подвалах банков и замков. 4)

Коротко о золоте. В 1899 г. Англия вторглась в Трансвальскую Республику, а в 1902 г. захватили Южную Африку. Там было добыто примерно полтора миллиарда карат (300 тонн) алмазов, что многократно превышает суммарную их добычу во всех остальных странах мира. Что же касается золота, то уже в 1904 г. его добыли около 120 тонн, а в 1907 г. — более 200 тонн. Добыча золота продолжала расти и в 1970 г. составила 1004 тонны. Если учесть, что за весь период в Клондайке было добыто 300 тонн золота, а во всей Калифорнии — 3000 тонн. Золото ЮАР лишь ручеек в том потоке, который стекался в Англию из всего мира. Вот в чём секрет неуязвимости Англии (пока).

Что касается континентальной Западной Европы, то Англия постоянно пытается превратить её в орудие своей борьбы с Америкой. Ещё одна небольшая цитата из статьи Бриана:

«Занимая решающее положение в Евросоюзе, Лондон настаивал на евро и этим подчинил себе всю европейскую экономику, но сам от единой с другими странами валюты воздержался... В частности, европейской экономикой управляет руководимая Лондоном Еврокомиссия, членов которой никто не выбирал, её затраты, расходы, которые только на услуги переводчиков превысили 1 млрд. евро, оплачивает вся Европа...»

Англия — единственная страна мира, для которой никогда не существовало и не существует никаких общечеловеческих законов, она всегда диктует их другим. ООН, так же, как до нее Лига Наций, закрывает глаза на английские преступления, а СМИ, чтобы скрыть их, «лепят горбатого», заменяя «Коварный Альбион» на «Туманный Альбион». Дракон Альбион в раздуваемых СМИ необъятных туманах лжи или совсем не фигурирует, или рисуется белым и пушистым, чтобы преждевременное разоблачение не вспугнуло намеченных жертв.»

Во время Второй мировой войны Англии не удалось уничтожить СССР, США и всех евреев, но она никогда не отказывалась от своих планов и со временем постепенно добились на этом поприще значительных успехов». Я взял из статьи Бриана лишь то, что имеет отношение к теме моего исследования — состоянию мира в случае краха США. Но читатель, который ознакомится с её полным текстом, узнает немало интересного о «чёрных дырах» новой и новейшей истории мира. Я же ограничусь тем, что приведу общий вывод Бриана:

«Пролившей только за последние сто лет по вине англичан крови более ста миллионов людей было бы достаточно, чтобы утопить их похожий на дракона остров...»

Пока пересевший с тюка шерсти (раньше на нём восседал канцлер во время дебатов в Палате общин. — М.А.) на бочку

нефти, Дракон Альбион диктует миру свои условия, готовые обрушиться на наши города, уничтожая всё живое, а орды новых штурмовиков под маской «демонстраций мирной религии» маршируют по улицам его столицы.

Просуществовавшая тысячи лет цивилизация нынче находится на краю пропасти и, ослеплённая огненной улыбкой стоящего за её спиной Дракона, упорно не замечает занесённый драконий хвост, готовый одним ударом скинуть ее туда.

Сегодня дракона еще можно попытаться остановить. Медлить нельзя. «Быть или не быть?» — этот вековой вопрос завтра для всего цивилизованного мира будет решён однозначно пагубно».

Теперь о Китае. Вынужденный быть державой с глобальными амбициями, Китай, по А.Фурсову, должен присутствовать на максимальном числе мировых и региональных площадок, захватывая максимум пространства. Он уже глубоко проник в Африку, на Ближний и Средний Восток, в Латинскую Америку. Сегодня китайская элита играет в сложную игру, где ряд возникающих проблем сложно будет решать невоенным путем. Это потребует от китайской правящей элиты верха мастерства и виртуозности. Нынешнее противостояние элиты китайской (восточноазиатской) и западной, организованной в клубы, ложи и сетевые структуры (прежде всего её англо-американо-еврейского ядра), — не имеет прецедента. До сих пор глобальным был только капиталистический Запад, опиравшийся в своей экспансии на геокультуру Просвещения. Исторически западная элита вобрала в себя много традиций, причём победоносных: римскую, романо-германскую, англосаксонскую, еврейскую, венецианскую, традиции, связанные с Католической церковью и в то же время с разнообразными ересями и протестантизмом. Каждая традиция обладала своими формами организации — тайными и явными, часто — орденовыми структурами. В XVIII—XIX веках к этому добавились масонские и парамасонские формы, в XIX—XX веках — клубные или даже неоорденские. Большинство этих организаций исходно носило наднациональный характер или приобретало его. В XX веке они оказались тесно связанными со спецслужбами и академическим сообществом. Весь XX век — это дальнейшая консолидация западной элиты, несмотря на национальные и корпоративные конфликты, использование ею «выскачков», характерных для эпохи массового общества (так называемой «демократии») — примеры тут Троцкий, Муссолини, Гитлер.

Но есть свои серьезные проблемы и у западной элиты. Она сформирована капиталистическим строем, христианством и

европейской цивилизацией. Однако капиталистическая эпоха заканчивается, европейская цивилизация, похоже, своё отжила; белый человек, её носитель, не воспроизводит себе подобных; католицизм, «Ватикан», библейский проект как средство контроля над массами практически не работает. Западная элита начинает демонстрировать признаки неадекватности и даже вырождения. Иными словами, в условиях кризиса игра как бы начинается заново. Сможет ли западная элита воссоздать себя в соответствии с новыми условиями?

Но и китайская элита опирается на трёхтысячелетние властные технологии. Это — отлаженные механизмы взаимодействия между центром и регионами, а также механизмы передачи власти. У китайской элиты такой внутренней сложности, как у западной, нет. Западная элита формировалась в постоянно меняющейся среде революций и межгосударственных войн. А китайская развивалась в относительно однородной, одноплоскостной имперской среде. Китай — империя, а не система государств, и не случайно с китайской точки зрения вся история Запада — это сплошной хаос. Но именно такая сложная история куёт победителей. Сложность и изощрённость китайской правящей элиты — в умении ставить себе на службу как достижения, так и слабости противника. Разворачивающееся противостояние западной элиты, прежде всего её англосаксонско-еврейского ядра, и китайской элиты — небывалое в истории мировой борьбы явление, это захватывающая картина, где нас ждет немало сюрпризов. Во многом именно эта борьба определит будущее — посткапиталистическое и вообще.

В Центральной Азии (в узком смысле слова, т.е. в пяти бывших республиках СССР плюс север Афганистана и Пакистана, Кашмир) очаг нестабильности уже создан. Это — зона: 1) минеральных ресурсов; 2) транспортного транзита; 3) производства наркотиков и наркотрафика; 4) геополитической площадки для создания проблем Ирану, России, Индии и Китаю. И заинтересованные силы сделают всё, чтобы, во-первых, распространить очаг нестабильности на Большую Центральную Азию (включающую в себя, помимо названных, иранскую провинцию Хорасан, индийский Кашмир, Монголию, в Китае — Тибет, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский округ и Внутреннюю Монголию), создавая проблемы прежде всего Китаю; во-вторых, чтобы соединить ближневосточный очаг нестабильности с центральноазиатским, создав огромную чёрную дыру хаоса в Старом Свете, в Евразии, применив к Хартленду стратегию организованного хаоса. Другой вопрос, просчитывают ли Властелины Мирового Хаоса

то, что во чреве их общества уже вызревают грядущие аттилы? И как знать, не взорвут ли они изнутри творимый глобалами Новый Мировой Хаосопорядок именно в тот момент, когда будет казаться, что он становится реальностью?

Некоторые исследователи считают, что важную роль будет играть Израиль, точнее, противостояние «Израиль—Китай». Ведь Китай, по сути дела, занял место Советского Союза в Африке. Он контролирует Африку, и сейчас идут разговоры о том, что этот конфликт может переплеснуться вовсе не в сторону Ирана, а на Африканский континент. Здесь-то Китай и покажет свою мощь. Китайцы всегда ведут свою игру тихо, очень профессионально и заранее создают себе опорные точки практически повсюду в мире. Израиль — тоже мощнейший игрок, который находится в самой гуще событий. И нет уверенности в том, что Израиль хочет какого-то конфликта с Ираном. Поскольку они не преодолели черты, за которой смогут нанести удар по Ирану безнаказанно. Пока вероятность возмездия существует, даже на уровне нескольких процентов, они, скорее, будут пытаться взорвать Иран изнутри... Важным игроком может оказаться и Турция с её идеологией и политикой пантюркизма. «Полевение» Латинской Америки будет способствовать там стремлению к интеграции в пределах континента. А вообще в условиях глобализации тоже будут страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры, страны-люмпены и так далее. Как говорит Юрий Крупнов, «глобализация окончена: мародёрам достался весь мир». Где будет место России?

Людоеды во фраках или благодетели человечества?

А теперь коснусь последней книги Ж.Аттали «Краткая история будущего». В ней он как бы стремится оправдать высказываемые в блогах суждения, что МТП (Мировое тайное правительство) — это не сборище кровожадных монстров. Эти люди в большинстве своём очень умные и воспитанные. МТП или «глобальный предиктор» — это неформальное сообщество самых богатых и влиятельных людей мира. Их приблизительно две тысячи семей.

Внутри этого круга имеется своя иерархия. Говорят, что существует глобальная пирамида, в которой все вершины пирамид — банковской, промышленной, информационной и т.д. — сливаются в одну вершину. И на этой вершине находится тринадцать семей.

Пока костяк этой элиты (её части, заведующей мировыми финансами) по-прежнему составляют семейства Ротшиль-

---

дов, Варбургов и Шиффов, которые так переплелись в результате брачных союзов, что стали практически одной семьей... Армия банкиров в своей войне за власть использовала то, что миллиардер Уоррен Баффет назвал «финансовым оружием массового уничтожения». По образному выражению того же Баффета, «настало великое время, когда можно купить кусочек американского будущего по дешёвке».

Как оказалось, финансовое оружие массового уничтожения связано с другим ОМУ — наркотическим. Всё закономерно: одни преступные деньги связаны с другими, такими же преступными. Видный чиновник ООН признал, что деньги от наркотиков часто становятся единственным доступным капиталом в период, когда кризис выходит из-под контроля. То, как эти олигархи направляют развитие мира, газета «Guardian» назвала «Дорогой к руинам» — к руинам человеческой морали, законности и правопорядка, а значит, и государственности. Но, думается, этот кустяк мировой элиты доживает последние дни. На смену этим олигархам придут другие, не менее хищные и беспощадные, но более отвечающие современным реалиям.

МТП хочет сделать всё остальное человечество счастливым. Но на свой манер, создав на земле «Новый мировой порядок» — тотальное механистическое общество, контролируемое всё тем же узким кругом избранных. Не за горами изобретение специального микрочипа, который будет вживляться людям под кожу для того, чтобы контролировать поведение как народных масс в целом, так и отдельных личностей в частности. Этот чип будет передавать на центральный компьютер всю необходимую информацию о данном человеке. Если по каким-либо причинам человек выйдет из-под контроля, то центральный компьютер может выдать приказ о ликвидации носителя чипа. Замечу попутно, что, по имеющейся информации, такой сверхсуперкомпьютер уже создан в американском центре в городе Лос-Аламос (где США создавали атомную бомбу). Он способен вместить досье на всех жителей Земли.

Аттали рассчитывает на то, что после всех ужасающих войн, которые он считает неизбежными, человечество (точнее, то, что от него останется) вдруг прозреет и от звериного образа жизни разом перейдёт к существованию, достойному высокого звания человека. И экономика так же внезапно изменится, превратившись из концентрации человеческого эгоизма в воплощение альтруизма. Но такое изменение природы человека невысказано. Выходит, отчасти правы те, кто считает, что в Мировом тайном правительстве много мечта-

---

телей. Они мечтают о том, чтобы мир стал более предсказуем. Но чтобы бизнес-элита этого мира не потеряла своих позиций. Они за мир во всём мире. Но за такой мир, который был бы создан по европейскому и американскому бизнес-плану. Чтобы все были равно счастливы: и те, кто купается в роскоши, и те, кому удаётся добыть на жизнь 2 доллара в день.

Некоторые планы самых влиятельных людей мира стали известны благодаря журналисту и режиссеру Аарону Руссо, который известен разоблачающими сюжетами и фильмами о ФРС. Одна из его самых скандальных лент «Америка — от свободы к фашизму». В 2007 г. он признался, что Ник Рокфеллер, будучи приятелем режиссера, пытался его «завербовать». Он даже предложил Руссо вступить в элитную организацию — Совет по международным отношениям, однако тот отказался. Руссо рассказал, что он задал Рокфеллеру вопрос: «Вы обладаете всеми деньгами мира, которые вам нужны. Вы обладаете всей полнотой власти в мире, которая вам нужна. В чем смысл всего этого, какова конечная цель?» На это Рокфеллер ответил: «Наша конечная цель — добиться того, чтобы все были «чипированы». Чтобы контролировать всё общество, чтобы банкиры и элита контролировали мир». Вскоре после этого Руссо скончался от рака.

Но почему этих умных, образованных и воспитанных людей не смущают ни очевидный отрыв их планов от реальности, ни необходимость уничтожения миллиардов человек?

В ряде источников приводится дошедший до нас из глубокой древности устав одной общины, в котором чётко зафиксирован принцип: подобно тому, как человек превосходит животное, так член нашей общины превосходит всех остальных людей на Земле. Члены нашей общины достойны названия людей, а не-члены, происходящие от злых духов, имеют лишь право называться свиньями. Вообще-то этот принцип не нов. У многих народов в их языках слово «человек» и означало принадлежность к данному этносу. Но у членов той древней общины их уверенность в собственной избранности и исключительности носила религиозный характер. Но ведь и в наше время появляются книги с названиями «Духовно-религиозные основы капитализма». То есть капитализм рассматривается в них как религия. Так что мировые олигархи, к какой бы конфессии они формально ни принадлежали, на деле исповедуют религию «денежной цивилизации».

Мне могут возразить: это происходит потому, что, как пишут в иных книгах, **вся наша цивилизация построена на фундаменте ветхозаветного мировоззрения**. Все наши представления о мире, все наши цели и ценности искусственно сфор-

---

мированы этим мировоззрением и абсолютно абсурдны вне этой системы. Разрушение действующей системы означает **конец этого мира**, который существовал на протяжении послеледных 5000 лет, и **рождение нового мира**. Для архитекторов системы ветхозаветного мировоззрения её сохранение или хотя бы удачная реконструкция оправдывает **любую цену**, вплоть до 5 миллиардов человеческих жизней от общего населения планеты в 7,5 миллиарда. Это двое из трёх в каждой квартире, в каждом доме, на каждой улице. И это — не сон — это реальность.

Вот и авторы книги «Почему погибнет Америка» Олег Платонов и Герхох Райзеггер, приходят к однозначному выводу: *«гибель США неизбежна»*, потому что *«богоборческая, античеловечная и в высшей степени тоталитарная система, подобная американской, вообще не имеет права на существование, как любая империя зла. Система американизма, то есть паразитического существования за счет чужих ресурсов, насилиия, обмана, эксплуатации и ограбления других государств, должна быть уничтожена общими усилиями человечества. Иначе ему не выжить»*. Они тоже не раз обращаются к ветхозаветным корням господствующей ныне цивилизации.

Но лучше ли та цивилизация, которая формально основывается на новозаветном мировоззрении? Вот признание православного священника, недавно посетившего Испанию. Это та самая Испания, которая некогда считалась в Европе самой религиозной страной. Он удивился, что испанцы не ходят в храмы. Когда он стал их спрашивать об этом, «они сказали, что их Бог — это частная собственность». Ну а если собственность заняла место Бога, то истинному Богу в мире этих людей места нет.

Частная собственность при её всеобщем господстве делает людей настолько глупыми (зато хитрыми, что вполне заменяет им ум), что они готовы молиться ей, как Богу.

Я уже цитировал беседу Энтони Саттона, автора книги «Власть доллара», с бывшим министром финансов США Джеки Рубином. Саттон задал вопрос: думают ли всесветные олигархи о том, что при таком управлении миром с их стороны рухнет биосфера, и человечество погибнет. Рубин ответил: они — мистики. И, скорее всего, они этого не понимают. Они свято верят в то, что грядёт Мессия, и они как цари царей войдут с золотыми коронами в мировую власть, поделят всю собственность планеты на доли, которые они установят между собой...

Давно замечено, что политики Запада измельчали, там уже нет фигур, равных Ф.Рузвельту, Черчиллю, де Голлю или Аде-

---

науэру. Там в последнее время к власти приходят просто несостоятельные во всех отношениях фигуры. Это иными публицистами рассматривается как свидетельство нежелания тайного Мирового правительства пополнять свои ряды. Как будто специально на роль верховных правителей подбираются карикатурные фигуры, неустанно компрометирующие себя в глазах самой власти, капитала и общественности. Это достаточная гарантия их сменяемости по первому желанию закулисных хозяев.

Некоторые наблюдатели проводят параллели с диким животным миром, и выходит, что идея Мирового правительства и Нового мирового порядка, в сущности, восходит к инстинкту сильного вожака устанавливать и поддерживать свой порядок в стаде и на кормящих это стадо территориях.

Но это не означает, что в Мировом тайном правительстве нет умных и здравомыслящих людей. Они есть там, но, видимо, играют не первые роли. Немало там и просто неглупых прагматиков. Чего стоит, например, такая информация:

«Существует ошибочное мнение, что деньги правят миром. Однако не они, а воля заставляют мир «вращаться». Кризис показал, что сегодня у тебя есть деньги, а завтра их нет». Поэтому в последние годы Бильдербергский клуб занят выстраиванием гигантских картелей. Они по-прежнему считают, что миром правит тот, кто контролирует энергию, пути ее доставки и распределения. Простым людям брошен миф о наступлении всевластия информации и компьютерных технологий. Но отключите электроэнергию — и этот мир рассыплется, как картонный домик. Не деньги и даже не золото, а энергия оказывается ключом к господству над миром». (Кроме энергии, наверное, также и пресная вода, и продовольствие...) А это — настоящий переворот в мировоззрении мировой правящей элиты.

Единое всемирное корпорация-государство?

Корпорация-государство (КГ), о котором уже говорилось в предыдущих главах, по А.Фурсову, это — нисходящая линия в развитии государства, конечным пунктом которой станет его отмирание и возникновение на его месте скорее всего структур необщинного типа. Иными словами, КГ — это, образно выражаясь, воля государства к смерти, форма отмирания государства, но отмирания в интересах определённых групп — хозяев позднекапиталистической системы и формирующейся послекапиталистической.

И мысль о едином управлении миром естественна. В экономическом плане капитализм — это система без границ,

---

мировой рынок. А вот в политическом плане капиталистическая система — это совокупность, мозаика государств. Но экономические интересы буржуазии, особенно крупной и тем более финансовой, выходят далеко за рамки одного (её) государства. И часто эти интересы невозможно реализовать, не нарушая границы государств — своего и чужих. Поэтому мировому капиталистическому классу объективно нужны надгосударственные, наднациональные структуры, и они должны быть если не тайными, то, по крайней мере, максимально закрытыми от широкой публики. Таким образом снимается противоречие между экономической целостностью и политической фрагментарностью капиталистической системы. Кстати, каждый раз на пути решения этой задачи вставала Россия; и в этом — одна из причин горячей «любви» к ней, а также к нам, русским, хозяев капиталистического мира (в особенности англосаксов).

Ну а если в КГ обратится весь мир, то нынешняя скромная жизнь простых людей покажется им раем, ибо она изменится коренным образом, и далеко не к лучшему. Отмечу лишь некоторые её черты.

Вам бы понравился такой строй жизни?

Не хотелось бы вновь обращаться к документам «Комитета 300», но хотя бы несколько фраз следует напомнить, чтобы сопоставить их с тем, что в действительности сейчас происходит на Западе:

«Широко распространена будет порнография... включая гомосексуальную и лесбийскую порнографию». Если учесть не только кинотеатры, но и телевидение, и Интернет, то, можно сказать, этот пункт программы осуществляется. Со всем ещё недавно у нас на РЕН ТВ (как и на других каналах) показывали эротические фильмы с теми самыми порнографическими эпизодами. А что же говорить про Запад с его «свободами»!

«Будут широко распространяться наркотики, изменяющие сознание, и их употребление будет обязательным. Они будут добавляться в пищу или в питьевую воду без знания и/или согласия людей». Во многих странах употребление «лёгких наркотиков» уже легализовано, да и тяжёлые купить обычно не составляет труда. А что нам добавляют в пищу или в воду — это знают только посвящённые, фальсификация продуктов приняла глобальный масштаб.

«Повсеместно будут созданы наркотические бары... в которых люди-рабы будут проводить свободное время. Ис-

---

ключённые из элиты массы будут низведены до уровня и поведения дрессированных животных без собственной воли, легко подчиняемых и управляемых». Пока обездоленные чаще забываются, употребляя алкоголь, но, как показывает практика, переход от него к наркотикам — лишь дело времени».

«Единое Мировое Правительство и единообразная денежная система при постоянных неизбираемых наследственных олигархах, которые выбирают лидеров из числа самих себя в форме феодальной системы, как это было в Средние века». Мы, конечно, живём в мире демократии, но почему-то на выборах президента США всегда фаворитами оказываются два кандидата, и обязательно из числа либо самых богатых, либо зарекомендовавших себя ярыми защитниками богачей».

«...население будет ограничено путём сокращения числа детей на одну семью посредством болезней, войн и голода, пока из всего населения мира не останется один миллиард людей, приносящих пользу правящему классу в строго и чётко определенных областях деятельности». Что там болезни, войны и голод: кое-где уже законодательно установлено, что в семье должен быть всего один ребёнок. Иметь второго ребёнка позволено лишь очень состоятельным людям».

«Среднего класса не будет — только правители и слуги». Мы видим, как во всех развитых странах идёт ликвидация среднего класса».

«Система будет основана на базе благоденствующего государства; кто покорился и служит Единому Мировому Правительству, будет вознагражден средствами к жизни; кто взбунтуется, будет просто заморён голодом или будет объявлен вне закона, став мишенью для каждого, кто захочет убить его. Обладание личным огнестрельным или холодным оружием будет запрещено». Те изменения в законодательстве США, что приняты в последние годы, и без того позволяют арестовывать, заключать в тюрьму и пытаться любого, даже только ещё подозреваемого в антигосударственной деятельности. А закон об изъятии оружия у населения, не сомневаясь, скоро будет принят».

«Будет разрешена только одна религия в форме Церкви Единого Мирового Правительства... Сатанизм, люциферианство и черная магия будут признаны законными предметами обучения с запрещением частных или церковных школ. Все христианские церкви будут разрушены, а само христианство при Едином Мировом Правительстве отойдет в прошлое». В так называемом христианском мире нарастают эку-

---

менические тенденции, будут предприниматься попытки объединения всех трёх авраамических религий (христианства, иудаизма и ислама). Но главное — это распространение религии вседозволенности, которая и объединит большинство людей даже при сохранении их формальной принадлежности к разным конфессиям. Пропаганда разных тёмных культов идёт в СМИ полным ходом».

«Браки будут поставлены вне закона, и семейной жизни, как мы это понимаем сейчас, не будет. Детей будут отбирать у родителей в раннем возрасте, и они будут воспитываться надзирателями как государственное имущество... Женщины будут развращены постоянным процессом «эмансипации женщин». Нарушение женщиной в возрасте старше 20 лет установленных правил (например, рождение более чем двух детей) будет наказываться (вплоть до принудительного аборта и стерилизации)».

Это совершенно естественно для социалистов, которые сейчас возглавляют правительства в большинстве стран Запада. Ведь в их программах с самого начала был пункт о том, что воспитание детей — дело не семьи, а общества или государства. Вот и свирепствует там ювенальная юстиция, отбирающая детей у родителей и помещающая их в детские приюты. При этом особенно усердствующие чиновники и чиновницы получают дополнительное вознаграждение в зависимости от числа «огосударствленных» детей. Движения «чайльд-фри» («свободных от детей») за ограничение рождаемости, «планирование семьи» (с той же целью), полового воспитания в школах щедро финансируется фондом Сороса и другими организациями.

«Время от времени будет искусственно создаваться дефицит пищи, воды и медицинской помощи, чтобы напоминать массам, что их существование всецело зависит от доброй воли Комитета 300».

Ну, эта система в деталях уже опробована во многих странах. Удушить недовольных «костлявой рукой голода» призывал ещё перед Октябрьской революцией Рябушинский. В России Гавриил Попов предлагал искусственно прервать снабжение населения Москвы продуктами питания для того, чтобы вызвать народное недовольство, которое и скинет Советскую власть. И ничего, никакой трибунал (включая Гаагский) им не заинтересовался, и он, несказанно обогатившись, до сих пор выступает апологетом Мирового правительства и даёт советы руководителям России.

«Эвтания (безболезненное умерщвление) смертельно больных и престарелых будет обязательной».

В самом деле, возмущаются чиновники, выходит человек на пенсию и... намного превышает установленный «срок дожития!» Пора переходить к всеобщей эвтаназии. Элита должна жить долго, на это работают тысячи институтов. Создаются технологии выращивания и пересадки «запасных частей», органов взамен изношенных. А «расходный материал» должен регулярно обновляться. Пожил работяга лет 50 — и хватит! Кстати говоря, некоторые могут сойти и как невольные доноры — источники этих самых «запасных частей».

«По крайней мере 4 миллиарда «бесполезных едоков» будут истреблены к 2050 г. Количество электроэнергии, пищи и воды будет поддерживаться на уровне, достаточном лишь для поддержания жизни не-элиты... Мировое население достигнет управляемого уровня в 1 миллиард...»

Один школьник из Геленджика в сочинении на вопрос, «Кем бы ты хотел быть?», ответил: «Отдыхающим». Эту блажь надо выбить из голов. Жизнь — не курорт, а поприще подневольного труда, причём «за пайку». И эта «пайка» не должна способствовать ожирению и появлению в головах свободных мыслей. Человек должен постоянно думать о еде и опасаться лишиться её вследствие собственного нерадения.

«Лекарства или медицинская помощь не будут предоставляться без специального разрешения региональных контролёров, ответственных за каждый город, посёлок и деревню».

Конечно, а то ещё работяга потребует себе бюллетень по болезни, затем наберётся наглости и намекнёт, что и отпуск ему положен. А тут вдруг окажется мягкотелый врач, который пойдёт ему навстречу. Учёт и контроль — вот главное, учил классик. И учёт важен, но главное — это контроль над всеми и всеобщая слежка друг за другом, доносительство, которое и без того в крови у людей Запада, а если ещё за это будет выдаваться прибавка к «пайке», то вот вам путь к благоденствию! Вот где открывается поприще для «борьбы с излишествами»!

«Вознаграждение за выполненную работу будет производиться по унифицированной, заранее установленной Мировым Правительством шкале. Будут запрещены любые требования повышения зарплаты... На руках у не-элиты не окажется никаких наличных денег. Все расчёты станут выполняться с помощью дебитной карточки, на которой будет нанесен идентификационный номер владельца. Любое лицо, нарушившее нормы и правила Комитета 300, будет наказано приостановлением действия его или её карточки на время, зависящее от характера и тяжести проступка». Когда эти люди пойдут за покупками, они вдруг обнаружат, что их карточки

внесены в чёрный список, и они не смогут получить никаких продуктов или услуг. Только элите и высокопоставленным функционерам Мирового Правительства будет разрешено иметь личное оружие, деньги и автомобили. Вот и сбудется мечта социалистов о мире без денег».

«Если человек совершил серьезное преступление, его карточка будет изъята. После этого этот человек не сможет получать пищу, воду, жилье и квалифицированную медицинскую помощь и будет официально считаться изгнанным. На таких будут охотиться и убивать при первой возможности. Лица, помогающие изгоям каким-либо образом, тоже будут убиты. Вместо преступников, не сдавшихся полиции или военным в течение определенного времени, тюремные сроки будут отбывать их родственники, взятые наугад».

Так как после изъятия огнестрельного оружия у населения другие виды охоты окажутся недоступными, то почему бы не дать рабам возможность удовлетворить свои инстинкты, убивая себе подобных? А практика взятия невинных людей в заложники уже была опробована нацистами и первыми большевиками во впечатляющем масштабе.

«Будут разжигаться противоречия между соперничающими фракциями и группами, такими, как арабы и евреи, африканские племена, и им позволят вести войны на истребление под присмотром наблюдателей НАТО и ООН».

Ну, это дело тоже давно поставлено на поток. Британия, когда уходила из своих бывших колоний, так провела границы между новыми «независимыми странами», что межэтнические и межконфессиональные конфликты до сих пор сотрясают целые континенты.

«Все информационные службы и средства печати будут находиться под контролем Мирового правительства. Под видом «развлечений» будут устраиваться регулярные промывания мозгов, что уже стало искусством. Дети, отнятые у «нелояльных родителей», будут получать специальное воспитание, предназначенное ожесточать их. Молодежь обоих полов обучат для несения охраны мест заключения системы трудовых лагерей Мирового Правительства».

И тут «цивилизованное человечество» уже существенно продвинулось к идеалу: культ насилия царит в обществе, и он создаётся искусственно (хотя разжигаются и инстинкты), на это работает целая индустрия СМИ.

Говоря о СМИ, не могу не привести ещё одну (последнюю!) цитату из статьи Бриана:

«Пропаганда низменных инстинктов и оболванивание населения — любимый конёк контролируемых Лондоном СМИ.

«Даже у дурака хватает всегда ума, чтобы вредить», — писал Шекспир. СМИ не дураки, они и их хозяин, спрятавшийся в тумане Дракон по имени Альбион, отлично понимают, где нанести удар.

Вместо того, чтобы укреплять традиции морали и способствовать развитию кругозора и культуры, СМИ оболванивают население планеты и содействуют падению нравов и разложению общества. Рекламируя различные извращения, они пытаются превратить наш мир в Содом и Гоморру. Христианская мораль, которая на протяжении веков служила опорой западной цивилизации, рушится. Во многих странах легализуются однополые браки. Правительство Англии в Страсбургском суде настояло на тезисе, что работодатели могут запрещать работникам носить крестики во время пребывания на рабочих местах.

Почти полностью исчезла интеллигенция — «сплав умственной и нравственной культуры» (как говорил философ Дмитрий Мережковский). Уходит в прошлое порядочность, стыд заменяется бесстыдством, скромность — тщеславием, честность — обманом, а патриотизм — манкуртством. Человеческое общество деградирует. Мельчают личности лидеров, при тайной поддержке английского злата, ими все чаще становятся случайные лица, преступники всех мастей и развратники обоих полов, а неугодные, по иронии судьбы, свергаются за «сексуальные домогательства». Чтобы выиграть выборы, лидеры обещают избирателям всё больше и залезают в долги к будущим поколениям. Эти долги растут и становятся невозвратными, тем более что общество разделилось на тех кто трудится, и на бездельников, которые требуют, чтобы их содержали, и, не обременённое заботами, число последних растёт с ужасающей скоростью.

Обманутая и развращённая СМИ молодежь, не зная истории и культуры отцов, всё чаще отказывается от их принципов. Теряя одну за другой свои опоры, рушится вся наша цивилизация».

Таковы штрихи уготованного нам глобалистами образа жизни (если это можно назвать жизнью). Но согласится ли на это человечество? До сих пор руководящие органы Мирового правительства не сомневались в этом, точнее — были уверены в том, что народы и спрашивать не надо. Истерзанные муками войн, голода, эпидемий и кризисов, они сами попросят мировую элиту навести порядок. Однако в последнее время в рядах «элитариев» появились сомневающиеся, и первым из них оказался... именно Бжезинский (о его последних выступлениях будет рассказано в следующей главе).

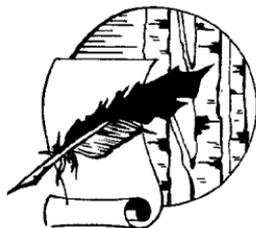
Подводя итог, скажу, что в случае краха США, порождённого происками глобалистов, на Земле установится суперрабовладельческий строй, сулящий большей части человечества тяжкие бедствия и не жизнь, а постоянно полуголодное существование.

Но разве это возможно, — спросят «продвинутые интеллигенты, — разве можно убедить людей добровольно надеть на себя ярмо, которое невозможно будет снять? Увы, человек — существо очень внушаемое, если за дело берутся профессионалы.

Напомню, что либералы убедили советский народ, жизненный уровень которого (с учётом общественных фондов потребления) был достаточно высок, что после свержения Советской власти мы заживём, как в самых развитых капиталистических странах, только ещё лучше. И десятки миллионов наших соотечественников в это поверили. Советскую власть свергли и попали под иго олигархов. А теперь можете размахивать кулаками сколько хотите, если только не боитесь увольнения с работы.

О возможных путях развития мира, о шансах глобалистов на осуществление их планов и о возможности установления строя жизни, более достойного высокого человеческого призвания, пойдёт речь в следующей главе.

Продолжение следует

Виктор КИРЮШИН

*Нашему давнему автору Виктору Кирюшину — 60 лет.
Долгие годы поэт руководил библиотечкой журнала «Молодая гвардия», работал главным редактором издательства. Он — лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной премии имени Андрея Платонова.*

Редакция «Молодой гвардии» искренне желает Виктору Федоровичу новых поэтических озарений.

В СИНЕМ ШЕЛЕСТЕ ТРАВЫ

ДОМ

Дом у реки — резным фасадом к бору,
Где ежевика вьется по забору
И яблоки запутались в траве —
Как о тебе я тосковал в Москве!

Теперь уже не встретят тесть и теща.
Приют их вечный ныне там, где роща
И темные дубовые кресты...
Недалеко, всего-то две версты.

Дорога непроезжая горбата
К могилам тихим узника штрафбата,
Пришедшего с войны в бинтах сырых,
И матери, поднявшей восьмерых.

А дом стоит и сохранилась печка.
Напротив — лес, за огородом — речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль: земля вокруг пуста.

Ушел ее рачитель и ходатай,
А я всего лишь праздный согладатай,
Не знающий крестьянского труда.
Зачем же тянет вновь и вновь сюда?

Печь затоплю, потом иду к запруде;
Всё кажется, здороваются люди,
Которых знал, а их в помине нет...
Не век прошел, всего-то двадцать лет.

Когда уснет закат подслеповатый,
Я возвращусь, ни в чем не виноватый,
Забывтый, как портреты на стене,
В том времени, в том доме, в той стране.

* * *

Лес обгорелый,
десяток избенок,
морок нетрезвых ночей.
Плачет в оставленном доме ребенок.

— Чей это мальчик?

— Ничей.

Невыносимая
воля в остроге,
вязь бестолковых речей.

— Чей это воин,
слепой и безногий,
помощи просит?

— Ничей.

Словно во сне великана связали,
гогот вокруг дурачья.

— Чья это девочка
спит на вокзале
в душном бедламе?

— Ничья.

Остервенело
в рассудке и силе
продали это и то.

— Кто погребен
в безымянной могиле
без отпеванья?

— Никто.

Родина!
Церкви, и доли, и пожни,
рощи, овраги, ручьи...
Были мы русские,
были мы Божьи.
Как оказались ничьи?

РОДИТЕЛИ

Есть город, улица и дом
В заснеженном саду.
Дверь открывается с трудом,
Но я в нее войду.

Войду, как в молодость свою,
В зеленый дом с крыльцом.
В том полупризрачном краю
Живые мать с отцом.

На склоне сумрачного дня
Присяду к ним за стол.
«Простите, милые, меня
За то, что долго шел.

За вашу вечную печаль —
Тревогу обо мне,
За то, что падал невзначай
По собственной вине.

Грешил и попусту горел,
В аду бывал, в раю,
А вас теплом не обогрел
У жизни на краю.

Готов принять и кнут, и суд,
Ведь оправданий нет...»
Ни слова не произнесут
Родители в ответ.

Гудит-дымится за стеной
Одна из долгих зим...
Как разочтется жизнь со мной,
Уже известно им.

СКРИПАЧ

Где точит берег невысокий
Густая темная вода,
На струнах высохшей осоки
Скрипач играет иногда.

Смычок невидимый взлетает
В озябшей маленькой руке,
И, невесомая, не тает
Снежинка на его щеке.

Но услышать мотив нездешний
Не всем дано, и потому
Лишь опустелая скворешня
Внимает с берега ему.

Наивно требовать оваций,
Но даже зная, что почем,
Невыносимо оставаться
Неоцененным скрипачом.

И он задумается грустно,
Иронизируя незло,
Что лишь сочувствие — искусство,
Все остальное — ремесло.

ТЬМА

Ночь дышит сыростью озерной.
Едва заметные, в воде
Желтеют звезды, словно зерна
В парной и зыбкой борозде.

Мерцай, таинственная влага,
Отталкивая и маня!
Нам ночь дарована как благо
За суету и злобу дня.

Не оттого ль бессильно зренье,
Что тьма сама собой уже
Есть и намек, и озаренье
О предстоящем рубеже?

---

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светляках, при солнце, при свечах
Мир созерцать отнюдь не бесполезно:
В подробностях, деталях, мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зеленый с муравьем на ветке.

НОЧНОЕ

Набухает ночь, как вена,
Зыбью влажной синевы.
Бродят кони
По колено
В синем шелесте травы.

Звуки сдержанней и глуше...
Упади в траву лицом —
До глубин волнует душу
Запах мяты с чабрецом.

Не солгать, не оступиться,
Не согнуться, коль беда...
Как подстреленная птица,
В травы падает звезда.

Небосвод высок и вечен,
И навеки на земле
Эти травы,
Этот вечер,
Эти кони в полумгле.

* * *

Не знаю, как любовь кончается.
Быть может, над землею тленной,

Как струйка дыма, истончается,
Чтобы остаться во Вселенной.

А может, нищенкой на паперти —
Ни мертвая и ни живая,
За медяками нашей памяти
Стоит, лица не открывая.

Неизгладима и невенчана,
Забвенна и неотторжима...
Прости, что музыка не вечная
Нас на путях земных кружила.

Ведь так бывает, так случается:
Вдруг разминулись бесполово...
Не знаю, как любовь кончается.
Со мною не было такого.

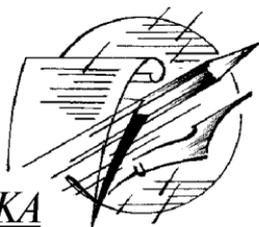
Ирина МЕДВЕДЕВА
Татьяна ШИШОВА

«ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ»

Традиционная наша вера, что «школа плохому не научит», на поверку не всегда оправдывалась ещё в советские времена. Про секс там детям, конечно, не рассказывали и «Лолиту», как сейчас в некоторых школах, не проходили; однако зёрна того, что возшло и расцвело пышным цветом позднее, сеялись уже тогда. Так, именно в школе (а точнее, в девятом классе) мы впервые узнавали, что бывает эгоизм со знаком плюс. Случалось это на уроке литературы, когда проходили роман Чернышевского «Что делать?». В нём автор устами одного из своих героев проповедовал теорию «разумного эгоизма».

Разумность эгоизма и бессмысленность жертвы

Помнится, сначала это удивляло, даже шокировало. Ведь мы с малолетства слышали, что быть эгоистом плохо, «я» — последняя буква алфавита. Да и на тех же уроках литературы нас учили, что главной отрицательной чертой героев двух произведений русской классики, которые мы разбирали чуть раньше — Онегина и Печорина — был как раз-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

таки эгоизм. А здесь тот же эгоизм, но «разумный» и, значит, положительный. Конечно, не всем, но кому-то из школяров такой неожиданный поворот темы очень нравился, поскольку ложился на взрыхлённую почву подростковой самости. И потом ещё долго могли кипеть споры, кого считать эгоистом, кого — нет. Споры, которые к Чернышевскому уже никакого отношения не имели и велись по двум основным направлениям.

С одной стороны, оправдывались какие-то эгоистические поступки, а с другой — в альтруизме старались усмотреть эгоистическую подоплёку и тем самым подверстать его под понятие «разумного эгоизма». Впрочем, через какое-то время страсти стихали, и эгоизм занимал своё привычное место (одно из первых) в иерархии человеческих пороков, которые в советскую эпоху чаще назывались «недостатками».

Но вот дожили мы до новой эпохи, «эпохи перемен», и тема эгоизма встала очень остро. С той только разницей, что его уже не пытались облагородить разумностью, а преподнесли как норму, до которой традиционный «совок» просто ещё недоразвился. Кто-то из наиболее образованных журналистов даже ссылался на христианские заповеди. Дескать, велют же возлюбить ближнего как самого себя; значит, надо прежде всего возлюбить себя и потом уже говорить о ближних. А мы... Мы не то что себя не любим... мы себя терпеть не можем! Как на личном уровне, так и на уровне государства. Сколько можно содержать слаборазвитые страны, когда самим есть нечего, продукты по талонам?! Все средства угрохали на военно-промышленный комплекс и «братскую помощь». Верхняя Вольта с ракетами...

Развивающимся странам помогать перестали, но тут же выяснилось, что это ещё не значит заботиться о себе. Тогда пошла речь о союзных республиках. В Москве заговорили о Средней Азии, которая повисла на нас балластом. Что у них своего, кроме хлопка и дынь? Они же дикие, только и делают, что плодятся, ртов всё больше и больше. А кормить их должен добрый дядя.

И другие края тоже оказались хороши... В Киеве, например, обвиняли москалей в том, что они съели всю украинскую колбасу и сало. А Грузия вдруг поверила, что заживёт припеваючи, если отделится от «старшего брата» и будет единоличной хозяйкой своих курортов и виноградников...

Потом, когда распался Советский Союз, а ожидаемое благополучие в России так и не наступило, эгоистические мотивы зазвучали в адрес наших «дотационных» регионов. Параллельно радиослушателям и телевизорам советовали не

лезть в политику, а заниматься своей семьёй. Тогда всё будет в порядке. Один из самых продвинутых журналистов так прямо и заявлял в то время по радио: «Поменьше интересуйтесь судьбами страны, варите лучше варенье. Я лично так и делаю». (При этом сам он был политизирован до крайности и варку варенья проповедовал тоже из политических соображений: чтобы «маленькие люди» не путались под ногами тех, кто осуществляет большие реформы.)

В результате же этих самых реформ заботу о семье оказалось, при всём желании, невозможно свести к варке варенья. Предприятия позакрывались, а на тех, которые ещё еле-еле работали, по полгода не выплачивали зарплату. Зато в огромном количестве завезли в страну дешёвый спирт «Рояль», потом рекой полилось пиво... Так что проблема алкоголизма взрослых, имевшая место и при советской власти, теперь серьёзно усугубилась. Возникли и новые проблемы: детский алкоголизм, наркомания и другие зависимости, подростковый разврат с его разнообразными последствиями...

Но проповедники эгоизма и тут не растерялись. Стало появляться всё больше специалистов по семейным отношениям и семейным конфликтам, по работе с родственниками алкоголиков и наркоманов. Причём родственники эти, получившие наименование «созависимых», слышали (и продолжают слышать до сих пор) от специалистов, что, конечно, жаль мужа-алкоголика или сына-наркомана, но не надо забывать: у них своя жизнь, у вас — своя. Вы не можете прожить жизнь за них, и поэтому не стоит для них ею жертвовать. Научитесь любить себя!

У вас должны быть свои интересы, занятия, развлечения, радости. Надо свыкнуться с мыслью, что у вашего близкого родственника тяжёлое, практически неизлечимое заболевание. Стоит ли ложиться костью, если это почти наверняка ничего не даст? К чему бессмысленные жертвы? И в соответствии с подобными советами — пространство забот, скорбей и участия в нашей стране пядь за пядью сужалось.

А понятие жертвы трактовалось всё более прагматически и тем самым как раз обесмысливалось, ибо с позиций прагматической логики истинная жертва всегда будет лишена смысла. Ведь жертвовать — это значит отдавать, ничего не требуя взамен, не думая, «что я с этого буду иметь». Так, когда человек подаёт милостыню, когда жертвует на детский дом, на чьё-то лечение, он делает это не потому, что надеется на какой-то ответный шаг. Просто ему жалко слабых, немощных, попавших в беду. Хочется чем-то поделиться, как-то помочь. Если же в таком поступке есть элемент тщеславия

(например, благодетеля или фирму указывают в числе спонсоров, поднимая их престиж) или торга (я пожертвую, а вы мне там, на небесах, запишите это «в актив»), то это уже не жертва, а взаимовыгодный обмен, бартер.

И мать, встающая по ночам к ребёнку, терпящая его капризы, отдающая ему силы и время, особенно в молодые годы, когда многим ещё так хочется развлекаться, танцевать до упаду, веселиться с друзьями, получать разнообразные впечатления, быть в гуще событий, многим нравиться, — она ведь тоже приносит в жертву свои интересы «просто из любви». А не потому, что рассчитывает на компенсацию в старости. Во-первых, сроки нашей жизни ведомы одному только Богу: и ребёнок может умереть, не успев стать взрослым, и мать может не дожить до преклонных лет. А во-вторых, кто из нас в юные годы озабочен мыслями о своей старости?

Из века в век жертвовали собой на войне мужчины. Причём во многих случаях эта жертва казалась бессмысленной. Не только потому, что отдающий жизнь воин не доживал до победы, — сама война могла закончиться поражением. Вспомним: «злой город» Козельск стоял насмерть и тогда, когда было совершенно очевидно, что враги его одолеют. И в первой половине Великой Отечественной войны, вплоть до Курской дуги, наша победа была в высшей степени проблематична, что не помешало народу проявить массовый героизм. При этом все разговоры, что происходило это под дулами заградотрядов, нелепы. Какой заградительный отряд гнал Александра Матросова на амбразуру? А за самолётами Гастелло и Талалихина — что, воздушный заградотряд летел?

Печальная тенденция

Но вернёмся к Чернышевскому. Точнее, к тому, что получилось из когда-то, полтора века назад, предпринятой им попытки оправдать эгоизм. Конечно, к одному этому писателю всё не сводится — были у него предшественники, соратники, последователи. И история России за те же полтора века развивалась не линейно, являя многочисленные образцы жертвенного самоотречения и героизма (их, в частности, нередко проявляли люди, воспитанные как раз на романе Чернышевского). Но нас сейчас интересует не писатель-революционер и не зигзаги истории, а некий итог пропаганды эгоизма, который можно подвести на сегодняшний день. Естественно, это будет, скорее, импрессионистская зарисовка, нежели обстоятельный и глубокий анализ. Но ведь и пишем мы не научную диссертацию, а публицистическое эссе.

Начнём с того, что из обыденной жизни исчезло понятие «служение». И даже слово «служба»! — оно осталось или в военной лексике, или в церковной. Язык ведь чуткий барометр, и теперь, позвонив приятельнице и услышав, что она на службе, точно знаешь, что речь о храме. А совсем недавно «на службу» ходили и бухгалтеры, и инженеры, и медики, и учителя. Актёры в театре тоже не работали, а «служили на театре». И вообще — кто-то служил искусству, кто-то науке, кто-то медицине. А ещё очень часто говорили про служение обществу и людям.

Казалось бы, какая мелочь: одно слово или другое! А на самом деле очень значимый и очень тревожный симптом. Задумаемся: можно ли гораздо более употребительным нынче словом «работа» обозначить то же, что обозначает слово «служба»? Отчасти можно, если добавить «на благо кого-то»: работать на благо науки и т.п. Но, во-первых, эта добавка, как правило, отсутствует. Более того, она многими сейчас воспринимается как высокопарная, «пафосная». А во-вторых, даже с добавкой смысл передаётся не полностью. Ведь служат чему-то или кому-то более высокому, важному, чем ты сам. Значит, акцент переносится с тебя на это другое, что предусматривает ту или иную степень самоотречения.

Можно, конечно, сказать, что корень «работы» — «раб». А раб — это такая степень самоотдачи, что дальше некуда. Но ведь слово «самоотдача» здесь совершенно неуместно: раб не сам себя отдаёт. Его берут, он невольник (если, конечно, он не «раб Божий»). На служение же, напротив, человек решается по доброй воле, самостоятельно. Раб, кстати, вполне может быть эгоистом. Тогда вынужденное подчинение воле хозяина его только озлобляет, и он непременно постарается подчинить себе кого-то более слабого и ещё ниже стоящего. А служение — это всегда преодоление эгоизма.

Теперь о современной жизни. Немалое число детей растёт сейчас с ощущением, что они центр Вселенной. Формируется это так называемым детоцентризмом в семье, подкреплённым либерально-гуманистической идеологией и лозунгами типа «Всё лучшее детям», «Дети должны жить лучше нас», «Дети умнее нас, мудрее нас» и т.п. Недавно увидели мы рекламу какой-то авиакомпании. Слоган: «Мир принадлежит вам». И две картинки. На одной пилот, любезно улыбаясь, сервильным жестом протягивает ребёнку самолёт. На другой — снятые крупным планом мальчик и девочка лет семи-восьми, а рядом маленький земной шар. Вроде бы мелочь, но мелочь весьма характерная и, главное, органично вписанная в сегодняшнюю, эгоистическую картину мира. В советское

время такое «идолопоклонническое» отношение к детям (которое, впрочем, носило отнюдь не массовый характер) взрослые оправдывали пережитыми в своём детстве и юности невзгодами: войной, голодом, послевоенной бедностью.

Но, конечно, традиционный порядок, когда лучший кусок за обедом отдавался отнюдь не детям, а кормилицу семьи, был утрачен уже тогда. Как часто в семьях со скромным достатком взрослые даже не притрагивались к фруктам! Это было безусловной прерогативой детей. «Мои сыновья хоть уже и сами родители, — вспоминает одна пожилая учительница, — а до сих пор уверены, что я больше всего люблю апельсиновые корки». Но она всё-таки не полностью игнорировала воспитательный момент. Когда дети её спрашивали: «Мамочка, почему ты не ешь апельсин?», мать не отвечала: «Это деликатес, поэтому он только для вас, детей», а уверяла мальчишек, что для неё нет ничего вкуснее корочек. И, чтобы окончательно их успокоить, быть может, съедала кусочки горьковатой кожуры у них на глазах.

В наши дни приоритетность ребёнка в семье демонстрируется открыто. И не только, вернее, даже не столько в еде, — она ведь перестала быть дефицитом. Вот популярная картинка из сегодняшней жизни. Уставший отец приходит вечером домой. Ребёнок виснет у него на шее и требует, чтобы папа с ним поиграл. Отец хочет поесть и передохнуть. Ребёнок продолжает настаивать на своём. Мать или безмолвствует, или — что, увы, бывает чаще, — встаёт на сторону ребёнка. «Ты его всё время отталкиваешь! Он тебя целый день ждал, а тебе нет до него дела». «Муж мой абсолютно равнодушен к ребёнку, это для него обуза», — жалуется она потом психологу.

Ей не приходит в голову, что она своим поведением только подпитывает детский эгоизм и к тому же усугубляет внутрисемейный конфликт. Между тем разрешить этот самый конфликт ничего не стоит: научи ребёнка, чтобы он подал отцу тапочки, поставил на стол тарелку, то есть выразил бы свою радость заботой, а не эгоистическими требованиями — вот и нет никакого конфликта! Растроганный и поужинавший отец с удовольствием уделит ребёнку внимание. А если и не уделит по причине усталости, то ребёнок всё равно очень много получит. В сущности, получит главное — модель правильного, уважительного и заботливого отношения к отцу.

А как часто нам приходится слышать от родителей наших юных пациентов, что ребёнок поднимает шум именно тогда, когда его просят не шуметь! Либо мама устала и хочет отдохнуть, либо ей надо поговорить по телефону, либо пора укладывать маленького братишку. Именно в этот момент

вдруг начинается «концерт по заявкам». Но психологи, к которым обращалась мать, говорят, что ребёнку не хватает внимания. Поэтому наказывать его в подобных случаях не надо. Таким образом хулиганство, проистекающее из необузданного взрослыми эгоизма, закрепляется авторитетом специалистов.

Эгоизм подросткового возраста в наше время обычно и вовсе считается само собой разумеющимся, чем-то неотделимым от переходного возраста. Хотя это противоречит логике нормального взросления! При всех особенностях и сложностях переходного возраста он, бесспорно, приближает человека к периоду зрелости. К тому периоду, когда люди призваны уже не столько брать, сколько отдавать, заводить семью, заботиться о детях, отвечать за состояние дел в государстве и т.п. Всплеск эгоизма в подростковом возрасте блокирует переход на следующую возрастную ступень. И, потакая ему, мы фактически способствуем социально-психическому регрессу, закреплению инфантилизма.

Сплошь и рядом сейчас встречаешь оправдание эгоизма и во взрослом возрасте. Массовое сознание уже не осуждает тех, кто разбивает чужие семьи — всегда найдутся относящиеся к такой ситуации «с пониманием». Дескать, нормально: девчонка приехала завоёвывать Москву, а тут хороший вариант — богатый начальник. И его можно понять: жена уже немолодая, к тому же непрерывно болеет. Что она ему может дать?

А оправдание взяточничества милиционеров и чиновников их низкой зарплатой — разве это не пропаганда эгоизма? А что мы слышим о молодых учёных, которые, окончив российский вузы, уезжают работать за границу, преимущественно в США? «У них просто нет выхода, у человека должен быть достойный заработок». И не смей возразить, что если нужны деньги, то в большом городе есть масса возможностей подработать, для этого вовсе не обязательно уезжать в Соединённые Штаты и фактически развивать науку страны, теперь уже подчас откровенно враждебной России. С какой стати мальчик будет отрывать время от любимого занятия?! У него талант, и он имеет право этот талант реализовать там, где ему создадут для такой реализации наилучшую базу. Представьте себе, что подобным образом рассуждали бы молодые советские учёные в конце 30-х гг. прошлого столетия. И — вообразим на минуту такую фантастическую для той эпохи ситуацию! — уезжали бы в Германию, которая предлагала куда более благоприятные, чем в СССР, условия для развития науки. У Гитлера появилось бы серьёзное подспорье.

А пресловутая свобода самовыражения художника, который якобы совершенно не обязан ориентироваться не только на моральные нормы и (страшно выговорить!) Божественные заповеди, но и на элементарные правила приличия. Публичная сексуальная оргия студентов в Биологическом музее, кощунственные выставки в Сахаровском центре, богохульные и за пределами непристойные мультсериалы по каналу «2x2», каннибализм, поедание экскрементов и безудержный мат в произведениях лауреата многих премий В. Сорокина — всё это рьяно защищается как самими производителями «свободного искусства», так и поклонниками их дарований. А ведь, по сути, защита подобной продукции сводится к оправданию эгоизма авторов. Какое, дескать, им дело до того, что она оскорбляет чувства окружающих? Какое им вообще дело до этих тупых обывателей, ханжей, ретроградов и мракобесов? Не нравится — пусть не смотрят (не читают, не слушают, ходят по улицам, зажмурившись, если их не устраивает реклама, и вообще не живут). Нам главное — продемонстрировать своё оригинальное видение мира, своё «я», потому что нет ничего важнее самовыражения.

«Сумасшествие — это эгоизм», — написал когда-то в дневнике Л.Н. Толстой. Но он сделал эту запись не после посещения «авангардной» выставки или прочтения постмодернистского романа, а посетив психиатрическую клинику проф. Корсакова в Хамовниках. Вопрос в том, какое место занимает безумец-эгоист, где он демонстрирует свои таланты: в «палате номер шесть» или в престижном выставочном зале? И что он за это получает: дозу лекарства или Букеровскую премию?

Впрочем, и до людей, не столь высоко летающих, до тех, кого «творцы» обычно причисляют к «тупым обывателям», тоже докатилась волна концептуально оправданного эгоизма.

В наши дни многие считают, что битва с родственниками за наследство — совершенно нормальна, в порядке вещей. Сейчас ведь так дорого купить квартиру или построить дачу. Поэтому желание получить при разделе имущества как можно большую долю вполне естественно. Хотя в России всегда считалось естественным прямо противоположное поведение. В «Войне и мире», если помните, очень выразительно описаны интриги родственников Пьера Безухова из-за наследства графа Безухова-старшего, лежащего на смертном одре. В том числе и драка за мозаиковый портфельчик с бумагами. Вслед за автором не одно поколение читателей воспринимало попытки урвать себе кусок пожирнее при разделе имущества как нечто, вызывающее брезгливое чувство.

А спустя более чем сто лет другой (не такой, конечно, великий, но, безусловно, выдающийся) писатель — Ю. Трифонов обратился к теме наследства в повести «Обмен». Обстоятельства советской жизни существенно отличались от реалий дворянского быта, но нравственные оценки сохранились неизменными. И даже, быть может, стали категоричнее. Желание невестки поскорее съехаться с больной раком свекровью, чтобы не пропала жилплощадь, подаётся автором (и воспринимается сыном больной женщины) как низость и эмоциональная тупость. Главный герой настолько поглощён мыслями о матери, о её страданиях, о её близкой утрате и к тому же так боится вызвать у неё подозрение об истинном диагнозе, что искренне не понимает, как можно в этой ситуации думать о своей выгоде. Для него ценность жизни близкого человека и ценность лишних квадратных метров — несоизмеримые, абсурдно несоизмеримые величины. Сегодня же квартиры так повысились в цене, а ценность жизни, напротив, так понизилась, что эгоистом в глазах многих читателей «Обмена» будет выглядеть не жена героя повести, а он сам.

Гуманистическая упаковка

А ещё всё отчётливее видна тенденция представить эгоистическое поведение не как порок или хотя бы недостаток, а как нечто положительное, не нуждающееся в оправданиях.

Хрестоматийный пример — идеология «планирования семьи». Если взяточничество всё-таки не признаётся у нас достоинством и потому его пытаются обелить смягчающими обстоятельствами, то избавление от нежеланных детей квалифицируется «планировщиками» как безусловно правильный поступок. Действительно, зачем плодить нищету? Безответственно заводить детей, не обеспечив им достойного качества жизни...

Хотя и тут всё же не обходится без манипуляций. Кратко суть их в следующем. Выдвигается вполне резонный тезис. Действительно, если ты не в состоянии прокормить ребёнка, то тебе рано становиться родителем. В чём же тогда хитрость «планировщиков»? А вот в чём: они не считают, что тем, кому ещё рано обзаводиться семьёй и становиться родителями, рано вступать и в интимные отношения. Такая, казалось бы, естественная причинно-следственная связь не только отсутствует — она активно опровергается. «О чём вы говорите? — с патетикой, а когда и с иронией восклицают идейные сторонники «планирования семьи». — Вы абсолютно оторваны от реальности. Какое целомудрие?! Практически все стар-

---

шекласники живут половой жизнью. И единственное, что мы можем сделать, это научить их предохраняться». Хотя на самом деле, если бы они со всем своим пылом и возможностями проповедовали воздержание, а также выступили бы широким фронтом против пропаганды разврата в СМИ, глядишь, и в подростково-юношеской среде разврата бы поубавилось.

Но они предпочитают поощрять эгоизм. Не хочешь сдерживать свои порывы? И не надо! С какой стати отказываться от удовольствий, понижать своё качество жизни?

Кстати, само «качество жизни», как и связанное с ним понятие «ответственного родительства», — это ещё одна манипуляция. Суть её в том, что искусственно завышается планка материальных потребностей как взрослых, так и детей. А при ближайшем рассмотрении оказывается, что и популярное словосочетание «плодить нищету» в данном контексте не следует понимать буквально. В подавляющем большинстве случаев о реальной нищете, когда ребёнка нечем кормить, не на что учить, когда у него нет крыши над головой и он будет зимой ходить босиком, речи тут не идёт. Наоборот, быстро выясняется, что опасаящийся вроде бы нищеты человек просто-напросто сориентирован на те стандарты потребления, которые требуют много денег. «Мой ребёнок не будет доншивать чьи-то вещи». А как в большом городе без машины? Купить поддержанную? Отечественную? Вы с ума сошли! В ней даже кондиционера нет. И вообще это морально устаревший совковый хлам.

Может быть, в несколько утрированной форме, но по существу точно эта эгоистическая идеология была выражена в листовке, которую летом 2007 года раздавала вместе с презервативами в лагере «Наших» на Селигере пятилетняя девочка. Текст выглядел так (выделенный шрифт сохраняем, как было в листовке):

«Меня зовут Юля. Мне 5 лет. Я — осознанный ребёнок. Мои родители тщательно планировали моё рождение. Только на моё образование и развитие они тратят больше 700\$ в месяц. Я занимаюсь в театральном кружке, учу немецкий язык, занимаюсь музыкой и спортом. Я хочу стать лидером и специалистом, я хочу получить хорошее образование, хочу иметь возможность заниматься тем, что мне интересно, и принимать осознанные решения. Мне нужно очень много внимания. Если на семейном совете мы решим, что мне нужен братик, мы будем тщательно обдумывать, хватит ли у нас сил, возможностей и времени на то, чтобы он стал образованным, способным, полноценным, талантливым и счастли-

---

вым человеком. Если вы не готовы взять ответственность за нового человека, предохраняйтесь, пусть ваш ребёнок будет осознанным и желанным! Не совершайте глупостей, планируйте рождение детей осознанно! Я за качество, а не за количество!»

Показательно, что эта листовка, сильно смахивающая на пародию, вызвала обширные дискуссии в интернетно-молодёжной среде. Нашлись люди, которые и в раздаче ребёнком презервативов не видели ничего плохого, и саму постановку вопроса считали вполне оправданной. А ведь это, «вышеизложенное», — торжество эгоизма! Прямо-таки манифест, только уже не коммунистический, а эгоистический.

Потакание эгоизму заложено и в основу так называемой ювенальной юстиции (это когда права детей провозглашаются приоритетными и ставятся над правами взрослых). И в основу борьбы за права гомосексуалистов, и за права людей, заразившихся СПИДом (это главным образом наркоманы и опять-таки представители «нетрадиционной ориентации»). Посмотрите в Интернете журнал «Шаги», посвящённый ВИЧ-проблематике. Там вопрос обеспечения достойного качества жизни для данной категории людей не подвергается ни малейшему сомнению. И в это качество, по современным стандартам, включено отнюдь не только обеспечение больных лекарствами. Нет, журнал энергично отстаивает право ВИЧ-инфицированного гомосексуалиста вести точно такую же, как и здоровые люди, социальную жизнь, работать, где ему хочется, в том числе и в детских учреждениях, и, конечно же, никак не ограничивать свои сексуальные потребности. Это ведь тоже неотъемлемая составляющая качества жизни.

Ну и «классика жанра» в теме «эгоизм в гуманистическом гриме» — это, конечно, защита эвтаназии. Если клиника бесплатная, то эгоизм проявляет государство, которому не хочется расходовать деньги на «безнадёжное предприятие». Если же платная — раскошеливаться попусту не желают уже родственники. Ещё десять лет назад знакомые американцы рассказывали нам, что в США, где эвтаназия официально не разрешена, нередко случаи, когда дети или внуки вынуждают тяжелобольного подписать бумагу о том, что он не претендует на применение к нему дорогостоящей аппаратуры и медикаментов. А то ведь так можно разбазарить все его сбережения и наследникам ничего не достанется. Но прикрываются все эти примитивные эгоистические расчёты милосердием к больному, который, мол, так страдает, так устал от физических мук!

Самое печальное (хотя и легко объяснимое), что ползучая «эгоистическая революция» уже начинается и в церковной среде. Мало того! Некоторые представители церковной среды обеспечивают этому процессу морально-идеологическую поддержку.

Возьмём хотя бы пресловутую дискуссию о «юбочно-платочном православии». Ту самую, которая в последние годы упорно педалируется и в Интернете, и в печатных изданиях, и в устных выступлениях. Смысл этой дискуссии фактически сводится к отстаиванию права женщин приходить в храм так, как им удобно: в брюках, без платка, с оголёнными плечами и т.п. Причём не только при первом посещении, когда женщина могла не знать церковной традиции (хотя сейчас надо как-то специально ухитриться, чтобы такой информации не иметь), а в принципе, если ей так нравится. Но ведь это и есть оправдание эгоизма! «Хочу и буду! Моё желание — закон».

И сколько бы ни приводилось умных и даже вроде бы богословских аргументов в защиту этой позиции, она в самом своём основании не имеет ничего общего с христианством, потому что Христос призывал отвергнуть себя, потерять свою ветхую душу. А тут — не душу, но всего лишь одну из привычек, причём не такую уж вьедливую, как, скажем, курение или любовь к выпивке. Всё-таки ношение брюк женщинами нельзя назвать зависимостью. И обратите внимание, учитывая нынешнюю свободу нравов, мало кто дерзает настаивать на том, чтобы вовсе «отвергнуться брюк». Нет, речь идёт о чисто ситуационных моментах: 2—3 часа в храме плюс дорога. Вот и вся жертва! И даже такое минимальное ограничение своего «хочу» вызывает, как сказал бы Фолкнер, «шум и ярость».

А виртуальные плевки в сторону «злых церковных бабок» — тоже ведь дежурная тема, исчерпанию которой не видно конца. Хотя чего проще? Даже если тебе сказали что-то неприятное и неласковым тоном — потерпи, смирись. Ведь смирение — одна из главных добродетелей христианина. Даже пословица такая есть: «Без смирения нет спасения». Ты и сам тоже, наверное, не всегда всем говорил только приятное и ласковое. Да к тому же и замечание тебе, очень может быть, сделали не на пустом месте. А если и на пустом?! Ведь ты идёшь в Церковь Христову, ты пришёл ко Христу. Он твой идеал, образец для подражания. А его, согласишься, оскорбляли побольше, чем тебя. И уж точно безвинно. Но он, как

опять-таки наставляет пословица, «терпел и нам велел». И, хотя это очень трудно, надо всё же стараться исполнить повеление Начальника Жизни. Если, конечно, ты действительно идёшь ко Христу в качестве кающегося грешника, а не праздного зеваки или заказчика религиозных услуг. При этом, подчёркиваем, мы ни в коем случае не защищаем хамство «церковных старожилов». Конечно, хотелось бы, чтобы везде и уж тем более в храме Божиим люди вели себя вежливо. Но тут важна сама постановка вопроса. Храм — святилище Бога, куда мы входим с трепетом и благоговением, чтобы угодить Ему. А не ресторан, парикмахерская, турбюро и т.п., где, напротив, должны угождать нам и где мы вправе предъявлять претензии за некачественное обслуживание. Например, за то, что нас обхамил официант.

Муссирование темы «церковных бабок» не только подогревает эгоизм людей, не желающих себя ни в чём утеснить, но и фактически, в сознании масс, низводит храм до учреждения сферы услуг. И если посмотреть на проблему в этом ракурсе, то попытка екатеринбургского правозащитника Алексея Конева подать в суд на Церковь после отпевания своего родственника (поскольку истец остался недоволен качеством услуги, оказанной священниками) выглядит уже не как нелепый курьёз, а как некий пробный шар. Пока этот шар ещё не попал в лузу. Но оправдание человеческого эгоизма рано или поздно с гарантией приведёт его туда.

А участвовавшие в последние годы разговоры о необходимости упростить церковный язык, приблизить его к современному русскому, облегчить посты, сократить богослужение и т.п.? Какой мотив настойчиво звучит в этих призывах? Людям трудно, им некогда, они устают, у них сложная жизнь, нужно пойти им навстречу. И вообще, они в наше время слабые и немощные...

Выглядит вроде бы очень благородно, очень милосердно, но на самом деле — это круговая оборона эгоизма. Не хватает только лозунга: «Всё для блага человека». Хотя он легко прочитывается между строк.

Опять-таки оговоримся: конечно, в ряде случаев можно делать (и обычно это делается) какое-то снисхождение. Причём безо всяких реформ, на церковном языке это называется «икономия». Но исключение для немощных или вообще людей, что-то по каким-то веским причинам в данный момент не могущих, — это одно. А установление новых облегчённых правил — совсем другое. Ибо правила — это нормы, существующие для всех. И, отталкиваясь от новой нормы, придётся спустя какое-то время снова нисходить до слабых, до

тех, у кого есть некая уважительная причина. Дальнейшую динамику процесса можно и не пояснять, всё опять повторится. Кому нужен иллюстрационный материал, пусть поинтересуется, что происходит в западных церквях.

Да и без оглядки на западные церкви легко себе представить логику эгоистического отказа от тех или иных церковных установлений «для всех категорий граждан». Возьмём, к примеру, посты (что-то ещё читатель с лёгкостью домыслит сам). Итак, в рамках этой логики детям школьного возраста поститься ни в коем случае нельзя, потому что растущему организму нужен полноценный рацион питания. У студентов большая умственная нагрузка, пост может снизить успехи в учёбе. Взрослые напряжённо работают, тянут семью, поднимают детей, падают с ног. Какой уж тут пост?! Ну а про пожилых и говорить нечего. Старость не радость, сплошные болезни. Им только поста не хватало...

Причём, когда ограничения в пище накладывает врач, это воспринимается безо всякого бунта, а наоборот, с готовностью исправно следовать предписаниям. Сколько людей, категорически отвергающих пост, неукоснительно соблюдают диету, исключаящую мясо и другие скоромные продукты, — если врач скажет, что отказ от белковой пищи полезен для здоровья!

А сколько людей (почти вся страна) напрягается, уча английский язык, потому что это «в жизни пригодится». И против дресс-кода, то есть принятой на работе формы одежды, не возражают, потому что не хотят эту работу потерять.

Так что когда нужно себя чего-то лишиться, в чём-то ограничить по эгоистическим мотивам, никаких проблем не возникает. Никто не качает права и не побуждает врача или работодателя изменить свои требования. Инстинкт самосохранения побеждает недовольство, которое у эгоистов обычно вызывают запреты. Иными словами, сиюминутные эгоистические порывы подавляются из соображений тоже эгоистических, но не таких сиюминутных. Так сказать, более «перспективных».

Кому-то может прийти в голову нехитрая мысль, что и в основе неукоснительного соблюдения церковной дисциплины тоже лежит эгоизм: человек старается, надеясь войти в Царствие Небесное. И в начале духовной жизни это действительно так. Святые Отцы учат, что на пути к Богу человек проходит три основные стадии: раба, наёмника и только потом — сына. Третья, высшая стадия — это стадия самоотречения, когда христианин угождает Богу уже не из страха наказания и не из ожидания награды, а бескорыстно, из одной

только любви. Но и первая стадия — всё равно самоотречение. Человек преодолевает свой ветхий, животный эгоизм ради высших соображений. Соображений настолько высоких, что людям, целиком живущим «по сю сторону», они представляются безумными фантазиями: какой ад, какие вечные муки? Суший бред — отказывать себе в невинном удовольствии съесть жареную курочку, потому что, видите ли, пост.

Так что между рабом Божиим и рабом собственной утробы лежит пропасть. И, не преодолев её, невозможно вступить на узкую тропу духовного возрастания. Кто-то из Святых Отцов поучал, что, если тебе чего-то очень хочется (имелись в виду душевно-плотские желания) — сделай наоборот. В начале пути желания, которые приходится отсекаать, часто бывают какими-то примитивно-инфантильными. Человеку, вынь да положь, хочется в пост кефира, вместо вечернего правила посмотреть фильм или же почитать книжку, а в воскресенье отоспаться.

И поскольку навыка отсечения своей воли ещё нет, то отказываться от таких, на самом деле пустяковых, желаний трудно. А если кто-то в этот момент говорит, что отказываться не нужно, да ещё и подводит теоретическую базу: дескать, это пустые формальности, фарисейство, начётничество, обрядоверие, которое только заслоняет от нас Христа, — тут новоначальный нередко ухватывается за «добрый совет» как за спасительную соломинку. Он не понимает, что соломинка эта вовсе не спасительная. И годится она лишь на то, чтобы, оставив попытки перейти пропасть, выдуть через неё мыльные пузыри фантазий.

Фантазий о своём стремительном, неудержимом и беспрепятственном духовном возрастании. О том, что интеллигентному человеку в отличие от непросвещённого народа никакие промежуточные стадии не нужны. Он выше всего этого.

Чем пожертвовать, к чему прислониться?

Если слишком нагрузить лодку, она может перевернуться. А как образуется смысловой перевёртыш? К примеру, что надо сделать с исходно отрицательным вроде бы понятием «эгоизм», чтобы оно «сменило вывеску», стало обозначать нечто противоположное или, может быть, даже оказалось бы в этическом поле где-то неподалёку от «самопожертвования» или «альтруизма»? Очевидно, тут придётся произвести манипуляции более сложные, чем с лодкой, однако типологически сходные: сперва нагрузить понятие «эгоизм» массой оп-

---

равданий, а затем и найти в нём нечто, достойное похвалы. А когда подобный «перегруз» станет привычным — можно вообще «снять» традиционное словесное обозначение, убрать тот словесный маркер, с которым раньше связывались отрицательные, с этической точки зрения, эмоции. Дескать, никакой это не эгоизм, а нормальное проявление человеческой природы. Или даже Божественного замысла.

Но старую вывеску выбрасывать на помойку не стоит, она ещё послужит. Когда понятийная «лодка» перевернётся, словом «эгоизм» можно заклеить... ну, например, заботу о людях.

Вы скажете, преувеличение? Давайте посмотрим вокруг. К чему фактически сводятся либеральные нападки на активное противодействие злу? К тому, что противодействующий — эгоист.

А что? Разве не этот мотив звучит в упрёках подростков, которые в соответствии с некоторыми новейшими тенденциями «борются с родителями за свои права»? В том числе за право хамить, не делать уроки, устраивать дома беспорядок, врубать на полную громкость музыку, до одурения сидеть за компьютером и т.п. «Хочешь, чтобы всё было по-твоему? Тебе лишь бы на своём настоять! А ты не о себе думай, а обо мне. О том, что мне нравится, а не тебе...»

И разве не в эгоизме упрекает великовозрастный инфантил свою жену? «Хватит меня лечить! С какой стати я должен подчиняться твоим прихотям?» «Прихоти» же её сводятся к тому, чтобы он работал и приносил домой зарплату, а не пропивал её, чтобы немного помогал по хозяйству и хоть иногда занимался детьми.

В эгоистических капризах, в желании ублажить своё «я» могут родственники обвинять богатого человека, который существенную часть прибыли тратит на Церковь и дела милосердия.

Эгоистами представляют и верующих, смеющих выступить против кошунственных выставок, телепередач, рекламных образов. «Мало ли что вам не нравится? Вы тут не одни живёте. Не хочешь смотреть — надави на кнопку. А другим своё мнение не навязывай!»

Реальное, а не фантазийное православие есть религия самоотречения. Иной она и не может быть, потому что в её основе Крестная Жертва Христа. Поэтому из православия уходят те, кто не в силах чем-то пожертвовать. Будь то мелочь вроде отказа от брюк или же что-то более труднооборимое (примеры подставьте сами). Кому-то невольно расстаться с собственными взглядами, с собственными трактовками

Евангельского учения. А кого-то и вовсе не устраивает христианский Бог. В любом случае — тут на первом месте всегда собственное «я».

Либералы не любят упоминания о сатанизме, безгласно морщатся, театрално-громко вздыхают: «Опять!..» Поэтому не будем их нервировать, скажем помягче. Пропаганда эгоизма — это антихристианство. Попытка принизить и отменить жертву Христа. Потому что когда на первом месте «я», «моё», упоминание о жертве Христа и тем более Его призыв «следуй за Мной» — тревожат, раздражают, не дают спокойно наслаждаться (жизнью, её дарами и самим собой тоже). Поэтому неудивительно, что сегодняшний мир всё активнее отвергает Его и всё больше увлекается тёмной духовностью, сулящей власть над людьми и полную свободу эгоистических желаний.

Удивительно другое: простая и, казалось бы, очевидная мысль о том, что современная жизнь строится на далёких от христианства основаниях, вызывает у определённой части православного сообщества гневный протест. Хотя все вроде бы знают, что общество потребления культивирует гедонизм, то есть злокачественную форму эгоизма, возведённую к тому же в ранг главенствующей идеологии.

А идеологический эгоизм и христианские идеалы — всё равно как злодейство и гений, «две вещи несовместные».

ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ...

ПОВЕСТЬ

Весной капитан Пономарёв принял в свою роту взвод новобранцев. Как только прибыли они из бани, с ребячливым весёлым гулом ввалившись на территорию части через узкую калитку КПП, ротный, натуженно — явно чрезмерно — угрюмясь, велел им выстроиться на плацу, а они-то, «этакие зяблики», — ласково подумал о них капитан Пономарёв, — нацелились в казарму, к теплу поскорее. Однако ротный за двадцать два года службы уже был изрядно выучен: если сразу не возьмёшься «как следует» за солдата, потом натерпишься с ним, «нахлебаешься до отрыжки».

— Здравствуйте, товарищи солдаты! — приветствовал капитан Пономарёв басисто и сердито.

Сам он весь широкий, грузный, однако утянутый ремнём, в плотно сидящей отглаженной шинели, в надраенных сапогах — образцово-показательный, настоящий командир. Так он, не гордясь, не чванясь, и думал о себе, так оно, собственно, и было в действительности.

ПРОЗА

«Робеют передо мной, зяблики», — мягко подумал капитан и чуть ослабил мускулы на своём лице.

— Здравия желаем, товарищ капитан! — азартно, но вразнобой заметались нестройные юношеские голоса.

— Гх, плохо, совсем, братцы, никудашно. Что ж, будем учиться. Задача ясна? Здравствуйте, товарищи солдаты!

Раз пять или шесть его подопечным пришлось поздороваться, и раз к разу получалось лучше — звонче, дружнее. «Ну, вот: молодцы. Могут же!» — радовало капитана Пономарёва, однако вслух не похвалил. Все уже замёрзли — моросило отвратительной липкой крупницей, пробежал по серой шинельной стенке строя студёный мозглый ветер, и некоторые солдаты уже подрагивали, тайком — не по уставу — упрягивали руки в карманы, сырыми синими носами пытались поднырнуть под ещё жёсткий, не разношенный, ворот шинели.

«Надо погонять их по плацу: для порядку, — подумал капитан Пономарёв. — И согреются, и поумнеют малость... зяблики! Ишь, тепло им подавай, разнеженные какие мы все. А на плацу погреться не хотите ли?»

— Ать-два, левой! Рядовой Матвеев, выпрямить спинку. Хор-р-рошо! Вот, теперь — орёл! Рядовой Горохов, чётче шаг, не гири же у тебя на ногах, а добрые русские кирзачи. Ать-два, левой! Кру-у-гом-м-м!.. — привычно и увлечённо командовал ротный, довольный и своими шутками, и податливостью солдат, и тем ещё, что он капитан, что он командир роты, что жизнь его ровна, устояна, что завтра будет то-то и то-то, и даже известно, чему бывать через год-другой. Да, и жизнь хороша, и жить хорошо. Разве не так?

— Выше ногу, рядовой Салов! — обратился он к малорослому, но крепко сбитому метису, подставляя лицо проглянувшему солнцу и услаждаясь скупыми его пригревками, однако притворяясь перед подчинёнными, что его интересует только лишь строевая подготовка.

Салов коротко и колко взглянул на командира и что-то проворчал. И — что за чёрт! — стал поднимать ногу ниже, ещё ниже, а команды выполнял, казалось, с ленцой, с одолжением.

— Рядовой Салов, засыпаешь на ходу, что ли? Может, подушку прикажешь подать? — улыбочиво съязвил капитан Пономарёв.

Солдаты запотряхивались в сжимаемом гоготе, а Салов пробурчал:

— Как хочу, так и хожу!

«Хм, ишь ты: как хочет, так и ходит. Кот, что ли? Ну, молодёжь пошла!..» — прищурился капитан Пономарёв на своего «взбрыкнувшего» подопечного.

— Рота, стой! На-ле-ву! Смирно! Рядовой Салов, выйти из строя.

Солдат неспешно, присгорбленный и безразличный, вышел.

— За пререкания и разговоры в строю объявляю наряд вне очереди. — Капитан Пономарёв ждал уставного ответа, однако, Салов, туго, «ну, прямо как бычок», нагнув шею, тяжело молчал. — Вам не ясен приказ, рядовой Салов?

Солдат зачем-то взглянул в сумеречную даль на солнце, прорвавшееся через горы туч, потом — на ротного. Тот подметил: взгляд солдата прямой, словно луч, но в то же время мягкий, нежный. Капитан Пономарёв не выдержал отчего-то — поотвёл свои глаза, смутился.

— Что, вам не ясен приказ, рядовой Салов? — Голос ротного неожиданно прозвучал так, будто задрезжал тонкий металл, пластина. «Да что со мной?! Волнуюсь? Хм, ещё чего, старый служака!»

— Есть наряд вне очереди, — отозвался, наконец, солдат.

— Встать в строй.

— Есть.

«Чудак, — заставлял себя быть миролюбивым и снисходительным капитан Пономарёв. — Ладно, обтешим помаленьку. И не таких обуздывали, да не бычков, а быков, зубров... Эх, не натворил бы чего этот пацан: вон глаза-то его азиатские какие — как будто бьёт из этих двух щёлочек по лучу. И лучи-то — да что там, можно сказать, пока ещё лучики, лучишки! — тоненькие такие, совсем беззащитные, однако ломайте их, рубите, хватайте руками — ничего с ними невозможно сделать. И чтобы их победить, нужно всего-то устранить источник. А источник-то — понимаю, понимаю! — его душа: просто хлещет из неё упрямством... Эх, не натворил бы чего мой солдатик!..»

Прошло несколько месяцев. Как подумал тогда многоопытный ротный о рядовом Салове — «не натворил бы чего», — так оно и получилось. Рядовой Салов, вечно угрюмый, непокладистый, утянутый в какие-то свои нелёгкие думки и переживания, исчез из месторасположения роты во время батальонных учений.

Накануне капитан Пономарёв собрал весь личный состав, чтобы, по своему обыкновению, да и как положено в полку, «взбодрить и подкачать» солдат.

Собрание проходило в своих отлаженных за десятки лет очередностях: была политинформация, назидательное выступление ротного, потом рапортовали командиры взводов,

---

вторили им сержанты, ещё было прослушивание статей устава, технических инструкций, установок. Часа три просидели, да без передышек, в духоте несусветной (рамы и форточки навеки присохшие, в толстом слое красок; наверное, ломать надо, чтобы открыть). А чуть начинали засыпать, «кемарить» солдаты, ротный мигнёт или шепнёт старшине. Тот, широкогрудый, губастый, взрёвом — «Рота, подъем! Сесть, встать! Сесть, встать! Сесть, встать!.. Очухались? Слушаем дальше».

За окном серо, сумеречно, хотя день: дождится, непогодится которую неделю. И весна была сырая, холодная, а лето и вовсе гнилое, неласковое. На синюшно загустевшем небе сталкивались, сливались или разламывались на куски отягощённые влагой облака. Капитан Пономарёв за окно не смотрит: хоть земля перевернись, хоть посреди лета сугробов понавалит пусть, а — служи, служивый человек. Капитан Пономарёв смотрит на солдат, и смотрит бдительно, нередко сурово. Никому не расслабляться! Приметил, что рядовой Салов томится, сидит тусклый, неподвижный, как каменный Будда. Глазами — в окно, в даль. «Ишь, на волю смотрит, волчонок», — и ласково, и по неискоренимой привычке взыскательно думается ротному. Но капитан Пономарёв человек хотя и строгий, но не злой, он понимает Салова: «Пацан ещё совсем, к мамке-папке охота, к их пирогам, к их мягким кроватям. Ничего, оботрётся мальчишка, втравится в армейскую жизнь. Парень он, кажется, неплохой. Ну да хватит о нём!.. Кто там у меня на трибуне? Чего, чего он лепечет, обормот этакий?»

— Мы стремительно выведем из автопарка всю тухнику..

Это вымолвил замкомвзвода, рослый, крупнолицый деревенский парнище, старший сержант, отменный служака. Он, учащённо-испуганно моргая, всматривался в бумагу, которую, как угольки, перебирал большими толстыми пальцами, и в его с детства натруженных крестьянских пальцах лист бумаги казался каким-то пустяковым клочком. Его глаза глупо расширялись, следом не менее глупо суживались: он отчаянно вычитывал по слогам:

— Тух-ни-ку..

Солдаты крепились, поджимались животами, но — уже невозможно. Ахнули хохотом, загоготали, заелозили, довольные неожиданным спектаклем, получив столь желанный роздых. А ротный хотя и вскинулся грозно, но почему-то снова подметил рядового Салова: единственный сидит не шелохнувшись, бескровный — и впрямь весь окаменелый, неживой.

Старший сержант несмело глянул на ротного, — тот и написал ему выступление, но, видимо, в спешке, в извечной горячке, случающейся перед учениями, допустил досадный ляп.

— Наверное, товарищ старший сержант, те-е-ехнику, — процеженно подсказал, как пропел, ротный.

Тоже было смешно солдатам: их ротный, *сам* ротный, поёт. Однако — уже тишина, хочешь посмеяться — оставь на потом это удовольствие; после, в курилке, можно будет вволю поржать над солирующим ротным.

— Так точно, товарищ капитан! — усиленно, как бы выказывая всю великую степень своей вины, потирал плотную, «бычачью» — оценил про себя ротный — шею замкомвзвода.

За этим замкомвзвода выступал другой замкомвзвода, сержант, но тот красиво, хотя и длинно, однако совсем без бумаги, высказался об армейском товариществе, долге, чести. Сержант косил шельмоватыми глазёнками на капитана, а тот слегка, но важно покачивал головой, словно бы говорил: «Да, да, верно, товарищ сержант». И благосклонность ротного подбадривала сержанта, который ещё надеялся уволиться в запас старшим сержантом.

Собрание закончилось привычно — «Встать, смирно!» Следом — «Вольно! Выйти в коридор!» Солдаты одухотворённо повалили из пропотелой комнаты. Салов оставался на месте и сосредоточенно смотрел за окно. О стёкла бился дождь. Капитану Пономарёву хотелось сказать солдату что-нибудь подбадривающее, подмигнуть ему, что ли. Однако — нельзя, «не положено!» Все солдаты для него одинаковы. Проявит себя в службе — можно будет и поощрить. И, отстраняя подальше от души секундную слабинку, он несоразмерно громко — но точас пожалел об этом — сказал:

— Всем выйти из комнаты.

Салов, привычно присгорбленный, безучастный, вышел.

В четыре утра, самым первым из офицеров, ротный вошёл в казарму. Он был досиня выбрит, его сильные мускулистые ноги облегали начищенные до сверкающего блеска яловые сапоги, — казалось, он приготовился к какому-то важному празднеству. Чётким, но тихим шагом, поскрипывая новой портупеей, проследовал в спальню, и в сумеречную духоту ворвался его зычный, но красивый своей бодростью и свежестью голос:

— Рота, подъём! Боевая тревога!

Мгновение, ещё, быть может, полмига — и по расположению одичало забегали, засновали дневальные; дежурный сержант, рупором подставив к губам ладони, надсаживался, как петух:

— Всем строиться возле ружейной комнаты для получения автоматов и противогазов!

Капитан Пономарёв с удовлетворённостью — «Мои солдаты — что надо!» — наблюдал за своими подопечными, хотя внешне — угрюмься и бая, подгонял их, легонько подпинывал даже. Они, застёгиваясь, опоясываясь ремнями на ходу, летяще заскакивали в ружейную комнату, хватали каждый свой автомат, противогаз и подсумок с магазинами и вымывали на улицу. «Так, так!..» — мерно, но и торжественно постукивало в груди ротного. Он в суровой степенности вышел из казармы, когда последний солдат покинул её. Спереди, сзади, с боков слушал, как, быть может, музыку, тяжёлое дыхание, сап. Солдаты, звякая амуницией, не особо разбирая дороги, по хлюпающей грязи мчались в автопарк, забрызгивали себя и друг друга. «Во-о-о, аж летят соколята мои!»

Пока механиками и водителями отлаживались работающие двигатели автомобилей, капитан Пономарёв позволил себе — правда за кустами, чтобы никто особо не видел, — снять фуражку, расстегнуть верхний крючок на кителе. Он ладонью смахнул с лица и шеи испарину: хотя и не бегал, как солдаты, однако тоже — упарился.

— Готовы к построению в колонну? — незаметно подошёл к нему со спины комбат.

— Так точно, товарищ подполковник! — подскочил и вытянулся ротный, косо нахлобучивая фуражку, однако тут же поправляя её.

— Вольно, вольно, Иваныч! Что уж ты сигаешь, как молоденький?.. Рота опережает нормативы. Блестяще! Строй радиостанции в колонну — и вперёд, на полигон!

— Есть!

«Сто лет назад хвалил меня. Стало быть, чего-то теперь стою». — Капитан Пономарёв был истинно счастлив.

— Выезжай, выезжай, не тянись! — торопил он водителей, повелительно указывая вытянутой рукой направление движения, хотя всем оно было известно до последнего извивчика и бугорка.

Хотя и объёмный, тучноватый он был человек, но в свою командирскую машину запрыгнул таким молодцеватым взлётом. Моторы следом могуче взревели, и колонна медленно, словно неповоротливое огромное животное, потянулась к шоссе, не спеша, но уверенно разгоняясь. Через три-четыре минуты автомобили уже мчались, давая тьму светом фар. Ротный чувствовал себя окрылённо, словно бы не ехал, а летел.

В месте дислокации его солдаты проворно и слаженно развернули станции, установили антенны, протянули телефон-

---

ные кабели к командному пункту, запустили дизельные электростанции, включили для прогрева аппаратуру связи. «Вот это рота! Вот это мы!» — уже звенела колокольцами торжества простая капитанская душа.

По радиации капитану сообщили — в его роту, как лучшую в полку, отряжён генерал из штаба армии. «Мать честная: аж из штаба армии!» — обеспокоился и даже чуточку побледнел ротный. Забежал в офицерский бункер.

— Товарищи офицеры! — взвился с лавки один из взводных лейтенантов, молоденький, весь тоненький, очарованно влюблённый в военную службу с её командами, формой, строем, со всем тем, что можно назвать «настоящее мужское дело».

— Вольно, вольно, — отмахнулся капитан и тяжело сел на лавку, да так, что затрещала доска. Офицеры усмехнулись в сторону. Своего ротного они любили, однако любили другой раз и посмеяться над ним заглазно в своём кругу: строгий он, конечно, строгий, дело знает, да не без чудинки человек.

— Товарищи офицеры, к нам направляется генерал Кравцов, — заледенелым голосом сообщил капитан Пономарёв и пристально оглядел всех офицеров: *как* на них подействовало столь важное известие!

— А мы уже знаем, товарищ капитан! — не умея скрыть восторженности, отозвался этот юный лейтенантик и предложил ротному стакан горячего чая. — И готовы к встрече.

— Го-то-вы?! Какая самонадеянность! — вскочил ротный. — Вы, голубчики, я вижу, ни разу не встречали генералов, а я уже бит ими и знаю, почём фунт лиха.

— Да успокойтесь, товарищ капитан, — взмолились другие офицеры. — Все станции развёрнуты, готовятся к работе. Покормим солдат и начнём устанавливать связь...

— А ну, пойдёмте-кась глянем, — низко натянул фуражку ротный. Подбежал к станциям, крикнул подходящим неспешно офицерам: — Вы посмотрите-ка на этих самоуверенных молодцов: они говорят — мы готовы и генерал-де ни к чему не прикопается. А вон что? — Мотнул он головой на оцарапанный бок автомобиля и на погнутое крыло. — А вот? — Он с великим усилием — мешал живот — присел на корточки и стал тыкать пальцем в грязные колёса и забрызганное глиной днище. — Вы, вижу, грязью заросли по уши, голубчики, а говорите, что готовы. Где ж, мать вашу, вы готовы?

Офицеры напряжённо и обречённо молчали. Один лишь тот же лейтенантик не стерпел: зардевшись ещё по-детски припухлыми розовыми щёками, возразил с оглядкой на офицеров:

— Но позвольте, товарищ капитан: ведь дождь, повсюду лужи, грязь, дороги — сплошное месиво, а мы не по воздуху летаем...

«Ух, мальчишка, ух, зяблик ещё мне выискался!..» — через силу сдерживался ротный, чтобы не ожечь лейтенанта крепким словом.

— Генералу нет дела до слякоти и дождя, — процежено выговорил ротный. — Запомни, товарищ лейтенант: в армии всё — всё, именно всё! — должно быть перпендикулярным, параллельным и сверкать, как пасхальное яичко. Ясно?

Лейтенант, не встретив сочувствия в глазах офицеров, потупился.

— Ваши старшие товарищи понимают эти непреложные истины армейской жизни и потому помалкивают благоразумно... Итак, товарищи офицеры: возле машин не должно быть ни одного крупного комка, ни одной травинки-соринки. Убрать, подмести, выскрести!.. Вылизать, в конце концов! — вскрикнул ротный, приподнявшись зачем-то на цыпочки. — Уложить аккуратно, — подопнул он телефонные кабели, которые змеились от станций к командному пункту. — Царапины на всех автомобилях должны быть покрашены, погнутости — выровнены...

Лейтенантик хотя и крепился, однако снова не сумел сдержаться:

— Товарищ капитан, я не понимаю, зачем устраивать всю эту показуху? Наконец-то живём в новой России, а не в тоталитарном государстве, как раньше.

Капитан Пономарёв тягостно вздохнул, подумал: «Не отбить бы у паренька охотку к службе. Офицер из него должен получиться что надо». Он дружески потрепал за худое мальчишечье плечо своего насупившегося взводного:

— Знаю, что показуха, да как быть-то? Понимаю, что служим мы новой России, а не старой. Да вот уразумей ты такой расклад: прикатит наш доблестный генерал, увидит беспорядки, и начнут нас потом всюду-повсюду склонять: «Капитан такой-сякой, а его взводный лейтенант такой-растаккой. Оба растяпы-головотяпы». Год или два будут мурьжить, допекать. Поверь мне, лейтенант, я попадал в таку-у-ущие заковыки, и в старой, и в новой России, что ого-го! — Он сосредоточенно и строго помолчал и отчего-то снова обратился к лейтенанту на «вы»: — Знаете, не хочу, чтобы вы надолго остались в должности взводного: вижу и радуюсь, что вы любите военную профессию, в делах разумеете, вам надо расти, продвигаться, «звёздочки» зарабатывать. А какой-нибудь штабной генералишка вам вдруг всю обедню испортит. Добра вам желаю всем, товарищи офицеры.

Губы лейтенантика стало разнеживать самой блаженной ребячьей улыбкой; однако улыбнуться по-настоящему не получилось, потому что ротный проговорил, как продиктовал:

— Даю вам, товарищи офицеры, на исправление положения тридцать минут. Свободны.

Офицеры откозыряли и зычно подали команды строиться своим взводам. Солдаты, только-только обсушившись и обогревшись, выпрыгивали из тёплых радиостанций под напирющий дождь. Нехотя сбиваясь в строй, ворчали: «Достали уже... бестолковая жизнь... тупость кругом...»

Солдат живо распределили по работам. Салов работал вяло, механически и, показалось ротному, вглядывался в дали. «Нехорошо смотрит. Задумал чего-то, что ли. Вот ведь волчок!..»

— Рядовой Салов, пошустрее надо бы работать, — нахмурился ротный.

Они встретились глазами, и капитан Пономарёв, как уже не раз бывало, снова не выдержал первым; отвернулся, притворившись, что надо пройти к другому взводу. «Крепкий орешек, — не мог быть несправедливым ротный. — Неподдельным вырос человеком. Молодец».

Вскоре к командному пункту подкатил чёрный, сверкающий полировкой автомобиль, из него бодро вылез генерал — плечистый, лощёный, моложавый. Капитан Пономарёв расторопно вышел из теплушки, молниеносно оправил портупею и фуражку, взбодрился плечами и направился строевым шагом к генералу, разбрызгивая сапогами и, похоже, не очень-то разбирая или даже не видя дороги. Вдруг — поскользнулся, весь туго вздрогнул. Вот-вот упал бы. Лицо запытал мгновением ужас, но секунда — и лицо снова холодно и твердо. Доложил чеканно, громко, «с шиком», — отметили потом офицеры. Генерал с благосклонной крепкостью пожал его руку, улыбнулся даже, и капитану Пономарёву показалось, что на забитом тучами небе проглянуло солнце.

Генерал спросил, как себя чувствует личный состав.

— Прекрасно, товарищ генерал. Рота готова к выполнению боевой задачи.

— Что ж, очень, очень хорошо.

Солдаты и офицеры, вытянувшись, стояли перед генералом в три монолитные шеренги.

— Товарищи офицеры и солдаты, — тускло, с заржавелой хрипотцой начал генерал, но голос его набирался цвета и силы, — Родина доверила вам сложнейшую боевую технику. Ни одна страна мира не имеет такое совершенное вооруже-

---

ние у своей армии, как у нас, и не имеет таких дисциплинированных, дружных, технически грамотных солдат...

Наскучавшийся, а, возможно, и намолчавшийся в штабе генерал выступал длинно, ему, кажется, нравилось говорить возвышенно, высоко. Голос у него был великолепный — басистый, но бархатистый, приглаженный. Вначале собравшиеся были напуганы приходом столь необычного гостя, на которого, конечно же, любопытно поглазеть вживе. Однако, слушая его, солдаты и офицеры затомились, заскучали. Да и дождь не переставал. Озябших, вымокших солдат наконец распустили по станциям.

Генерал, белло осмотрев станции и коммуникации, пошуршав для порядка документацией, задержался недолго и, уезжая, пообещал капитану Пономарёву, что он лично и его рота непременно будут отмечены высшим руководством. И до тех пор, пока автомобиль с генералом не скрылся за леском, ротный один — офицеры улизнули в тепло — под дождём и ветром, стоял едва не по стойке «смирно». «Из самого штаба армии жди, братишка, благодарности, — блаженствовала, но и наконец-то передыхала душа капитана Пономарёва. — От генерала!.. Ну вот: кажись, жизнь начинает улыбаться и мне, простому русскому служаке».

И только так подумал, как к нему неверным, вроде как даже крадущимся шагом подошёл один из взводных и прищёптывающим, почти поскрипывающим голосом сообщил, что рядового Салова нигде нет. Внутри у ротного, показалось ему, что-то хрустнуло и оборвалось.

Искали, прошаривая ближайшие леса и балки, надрываясь голосами, всей ротой час, два, три, четыре, пять. Вымокли, вымотались, охрипли, обматерили промеж себя на тысячный раз и Салова, и ротного. Наступил вечер, следом — ночь с разошедшимся дождём, с холодом. Нет рядового Салова; и непогода не пригнала его к тёплым станциям. Пришлось капитану Пономарёву, не спавшему всю ночь, ранним утром доложить о чрезвычайном происшествии командиру батальона.

Через сутки об исчезновении солдата уже знали в штабе армии. В полк и в роту капитана Пономарёва наезжала комиссия за комиссией: не обижают ли солдат, исправно ли кормят, сколько спят они, какое обмундирование на них. В конце концов вместо благодарности за учение он получил выговор с унижительными внушениями.

Капитан Пономарёв был добрым и, в общем-то, душевным человеком, но теперь его сердце словно бы подменили. Как он был зол! Как ему хотелось отмщения!

— Я лично верну в полк этого негодяя и с треском отдам его под суд! — возмущался перед своими офицерами ротный.

Хотел так капитан Пономарёв: поездом, самолётом — в Говорушу, на родину рядового Салова. Хотел, чтобы получилось одним духом, внезапно и грозно, как у военных и должно быть. За два денька управиться надо, ротных дел — страсть сколько. За шкуру беглеца — и назад. Однако судьба снова обошлась с ним по-своему — только лишь к ночи он добрал до районного городка: железную дорогу ремонтировали, поезд часами стоял или тащился. Потом — пешком до аэровокзала: «Ничего, марш-бросочек. Не привыкать!» Плутал в потёмках по каким-то кривым неосвещённым улицам и заулкам.

В самолёте рядом с капитаном Пономарёвым присел, почтительно за что-то извинившись, пьяненький метис, больше славянин, коренастый, но мелковатый, как подросток, молодой мужичок с прожаренным зноем и стужами коричневатого-гранитным лицом. Что-то и стариковское, источенное было в обличье его и в то же время юношеское, мальчишечье.

Мало-помалу сосед капитана Пономарёва расхрабрился: представился, неуверенно протянув заскорузлую, шишкастую на суставах руку:

— Виктор, охотник-промысловик. Лечу домой. Шкурки хотел сбить в райцентре, да не продал ни одной: напоили меня лихие людишки, обобрали под метёлку, ни одной шерстинки от шкурок не оставили. Едва наскрѐб по знакомым на обратную дорогу да с горя вот дербалызнул маненько. Бизьнесь (так и произнеслось — «бизьнесь») впервой в жизни намеревался закрутить, как нынче другие делают, да вот — с ходу и облапошили меня.

То весельцевато говорил Виктор, балагурил, посмеивался над собой, то, вдруг задумавшись и по-лошадиному широко поматывая клочковато заросшей головой, уныло вздыхал: э-хе-хе.

Капитан Пономарёв хотя и не представился и ничего о себе не рассказал, но произнёс:

— Что кручинишься, молодец? Жалко шкурки? Барыш, говоришь, ускользнул из рук, как налим? За жабры надо было хватать.

— Чѐрт с ними, со шкурками и прибытком. Тайга наша большая и родящая: попросим у неё, кормилицы нашей, даст ещё. Смилостивится. А кручинюсь-то я вот чего: братка мой, Мишка, из армии, змей, утѐк, э-хе-хе. Дезертировал, выхо-

---

дит, дурачок. Судить, поди, будут. Дисбат точно схлопочет. Сестрица наша, Людмила, всполошилась, перетрухнула. Все они, бабы, такие — паникёрши и трусихи. — Чуть задумался, сказал с ласковостью: — Хотя нет, Людмилку нашу не хочу равнять со всеми бабами: она у-ух какая крепущая женщина. Молчунья, а коли уж скажет хотя бы и словечко, стало быть, так оно и есть... А крепущей-то она у нас всегда была, с малолетства, вся в нашу матушку, Прасковью Ивановну, царствие ей небесное... и батюшке нашему, Николаю Семёновичу, царствие небесное, — меленько перекрестился Виктор. — Жили-были они как два голубя и померли в один год: матушка по болезни неизлечимой, а батюшка следом от тоски, думаю. Вот какие были наши родители! Людмила-то очень молчаливой отчего стала? Как утоп в Говоруше три года назад мужик её, Пашка... Под лёд ушёл, когда сено тянули волокушами в посёлок. Волокуша одна на полынь застряла, зараза, вот-вот перевернулась бы. Столько сенища на ней было! Скот недоедал тогда — спасать надо было. А он первым кинулся да оглоблей норовил приподнять её, волокушу-то. Лёд треснул, и-и-и — ушёл мужик. Вот каковский был человек. Пашка-то!.. Царствие ему небесное... (Снова перекрестился). Так вот как утоп Пашка и как взвалилась на Людмилины плечи обуза из трёх пацанов, племяшей-то моих, тут уж, милый человек, когда языком молоть — хлопоты, хлопоты дённо и ночью. Мне-то что, заматерелому холостяку: убрёл на охоту, сам себе фон-барон в своей немереной тайге, а она-то с ними одна пластается. Но ничего: не озлобилась на судьбину. Что взгромоздил на неё Бог, то несёт, покряхтывая. Молчунья-то она молчуньей, а повеселиться другой раз не прочь, подковырнуть мастерица ещё та... Ну так вот... о чём я говорил-то вначале? Ага! Значит, скоренько выпроводила она меня со шкурками в райцентр: «Лети, — говорит, — братка, продай с выгодой. Деньги понадобятся, чтобы адвоката оплатить, да и мало ли где ещё придётся растряситься. Времена нынче такие окаянные: деньгу всюду подавай. Мишку надо выручать». Вот я и — ноги в руки да подул во всю мочь. Э-хе-хе... А Мишка-то наш, знаете, аж трое суток молотил, как сохатый, из-под самого Кидыма, от железки то есть, а туда добрался в угольном товарняке. Только тайгой, на дорогу опасался высываться, посёлки обходил. Ел что попало. Нарисовался у нас дома. Весь оборванный, босиком, худющий выбрел из тайги — просто скелет. «Ты чего, братишка?» — спросил я. — «Соскучился по вам, Витя, по Говоруше», — и завы-ы-ыл, завы-ы-ыл... — «Сбежал, что ли?» — «Ага. Не выдержал. Шибко домой тянуло». Дурачи-

---

на! Э-хе-хе!.. А ведь я, знаете тоже удирал из армии, да боялся показаться дома: родители у нас строгушие были. В Говоруше всегда про матушку с батюшкой так говорили: правильные-де люди Прасковья Ивановна с Николаем Семёновичем. Вот оно как — правильные!.. Ну, так что: подышу, значит, где недалече нашенскими воздушными, — и сам ворочаюсь в часть. Прощали, хотя на губе я отбухал до зарезу. Тянуло в Говорушу, страсть как тянуло. Тоска выворачивала внутренях...

— Выворачивало у вас! — притворился разгневанным капитан Пономарёв, хотя хотелось просто поговорить с человеком, может быть, успокоить его, подбодрить. — Лень-матушка приласкала, вот и бежите. Трудов да испытаний страшитесь.

Виктор пристально, даже с прижмуркой посмотрел на капитана Пономарёва, почесал у себя за ухом и как-то буднично, совсем без удивления сказал:

— Из части вы. За Мишкой, э-хе-хе.

— За Мишкой, за Мишкой, — зачем-то плотно укутался в плащ-палатку капитан Пономарёв. — Вот вам, браточки-сестрёночки, и «э-хе-хе» будет и о-го-го заодно.

На подлёте к посёлку Говоруше за иллюминатором размашисто явилась великая, на полнеба гора, которую с указующей торжественностью венчала острая скала-палец.

— Стрела Бурхана — тофского бога, — важно, с неумело скрытой гординкой сообщил Виктор капитану Пономарёву. — Однажды он разгневался на людей, что многонько соболя побили, пожадничали то есть, да и запустил в них свою самую большую стрелу. — Виктор с хитроватой насмешливостью сморщился: — Прома-а-а-зал старик — три километра до Говоруши не долетела стрела. Теперь вон, торчит, напоминает — не жадничай-де, человек.

Капитан Пономарёв подумал: «Экий чудной мужичонка: я вот-вот арестую его родственничка, а он похохатывает да любезничает со мной. Вроде как даже обрадовался, что я еду за его братом. Наивная, святая простота или дурак? Или — что-то другое?»

Брата встречала Людмила; она, в кирзовых сапогах, в стезонке, повязанная туго косынкой, с вожжами в натруженных руках, сидела на телеге, в которую был впряжён крепкий мохнатый конь. Капитан Пономарёв поздоровался с ней полукивком, коротко и хмуро представился.

У Людмилы с азиатскойужиной глаза, они насмешливы, бодры, приметливы. Глянула с верху телеги этак сызбока на капитана Пономарёва, и он, многоопытный, наторелый, тот-

---

час подумал: «Ну, такая раскусит любого вмиг. Наверное, считает — какой-то цуцик припожаловал к нам. И впрямь что-то в ней крепущее, как выразился её брат». И капитан Пономарёв непроизвольно встряхнулся, как случилось с ним перед высоким начальством, перестал потирать застывшие руки.

Людмила, по-видимому, около сорока, но она не изношена, свежа, сбита, а не пухла, и как многие деревенские женщины, дородна. Она даже ещё вполне хороша собой, и капитан Пономарёв понимает, что ни кирзовые сапоги, ни стезонка, ни одноцветная серенькая косынка не затемяют её очарования и бодрости.

Капитану поначалу, в первые секунды и минуты, показалось, что внешне в брате и сестре мало чего-либо общего, кроме азиатчины глаз да смуглоты. При всём при том они очень схожи, однако не родовыми, наследственными чертами — чем-то таким особенным, сквозящим изнутри, наверное. Но чем? Да вот, кажется, чем! — обрадовался Пономарёв своей догадке: нет-нет, да блеснёт что-то по-детски простосердечное, доверчивое, даже наивное в их глазах, такое, что он нередко встречал в глазах новобранцев или своего подрастающего сына. Однако понимает капитан Пономарёв, что тёрты и ломаны брат и сестра жизнью, как жерновами: какие они оба пропечённые, какие упругие статью, а какая — будто они на охоте — осмотрительность и складность в движениях!

Уложили в телегу пожитки, сами уселись в неё, Людмила вожжами понукнула коня, неторопко поехали, перекачиваясь на ухабинах и вымоинах. Виктор вкратце и смешливо рассказал сестре о своей напасти с «бизьнесем». Она не всколыхнулась, ответила просто, но разрывая в горле хрипку длительного молчания:

— Что ж, братка, наши родители, помнишь, приговаривали: всё про всё ведаёт только Бог, а людское дело — жить да не томиться... Человек приехал за нашим младшеньким, — глядишь, и утрясётся дело по-человечьи.

«Хм, по-человечьи, — насторожился капитан Пономарёв: что это ещё такое — по-человечьи? По-человечьи, по-овецьи», — захотелось ему съязвить, но промолчал.

Людмила оборотилась к нему:

— Вчерась Михаил втихомолку убрёл из дома и не вернулся до сей поры. А перед тем сядет на табуретку и мотается, как пьяный: «Как же, сестрёнка, я теперь буду жить!». Ма-а-а-ается. Тукнулось с опозданием в мозгах: вон оно, оказывается, во что угораздился, убегая-то.

Виктор сказал, блаженно попыхивая козьей ножкой:

— Но дальше, товарищ капитан, оленьего стойбища братка не уйдёт, у пастухов будет обретаться. Поутру, если хотите, направимся туда. Три-четыре денька пути — и там.

Капитан Пономарёв сурово промолчал, но под его щеками остро вздрогнули шишечки: «Ещё не легче!.. Три-четыре денька. Ну, вляпался я! Начальство тридцать три шкуры сдерёт».

— Всё про всё, говорите, ведаёт только Бог? Что ж, против Божьей задумки, конечно, не попрёшь, а то получишь подарочек, — с хмурой усмешкой мотнул капитан Пономарёв головой на «стрелу» Бурхана. — В стойбище, так в стойбище. Куда теперь денешься? Без братца вашего мне никак нельзя уехать отсюда.

«Без братца вашего» у него получилось так, точно тяжело было рязать челюсть.

Подъехали к дому, капитан Пономарёв, снова огорчаясь, увидел обветшалый, вычерненный ненастьями барак на три-четыре входа. Людмила и Виктор жили одной семьёй, одним хозяйством, и было оно у них невеликим и обычным: избушка-кухня и теплушка для скота жались друг к дружке во дворе, чуть поодаль горбились покосившиеся сарай с сеновалом, возле них единственным отрядным для Пономарёва островком этого подворья белела ошкуренными брёвнами недостроенная баня, за пряслами — сотки в две-три огород с кустами картофеля, с морковными и ещё какими-то грядками; имелись корова, конь и олени. Ввели гостя в дом — ветвистые рога марала встретили его в прихожей; по белёным шишковатым стенам тряпичные коврики с идилическими сценками — с русалками, с лебедями, с пальмами. По вышорканному, с кусочками давнишней краски полу — самотканые пёстрые дорожки, сработанные из лоскутков. Из мебели — стародавний шифоньер, две такие же старые металлические кровати с зеркалистыми шарами по спинкам, грубоватой столярной работы стол и несколько табуреток. Печь — большая, русская, с лежанкой. «Н-да, бедненько, убогонько. Каково им тут живётся? — потёр небритую щёку капитан Пономарёв. — Бежал паренёк сюда, к этой скудости? А как в казарме у нас — и чисто, и просторно, и кафель, и умывальники, и унитазы, и зеркала, и чёрт знает, чего ещё нету! Цивилизация, культура! Отслужил бы своё, прибился бы где в городе, — глядишь, зажил бы, как говорит его сестрица, почеловечьи. И чего ему здесь надо?»

Но в то же время капитан Пономарёв отметил, что в доме уютно, тепло, «чистенько». Занавески на окнах хотя и «старенькие», но белоснежные, отутюженные и, почуял он, пахнуло от них свежестью речной. На стенах ещё — два-три пор-

---

трета в тяжёлых рамках: пожилые благообразные люди, наверное, отец и мать Саловых или кто-то ещё из старших родичей. В углу, украшенная ризами из выцветших бумажных цветов, золотилась иконка с лампадкой.

«Людмила вся в движении, в хлопотах, но не суматошлива без толку», — подумал капитан Пономарёв, для которого работа с ротой — это каждодневно также и огромное хозяйство, порядок, чистота. Людмила накрыла под навесом у избушки на длинный дощатый стол, нажарив две сковороды грибов с молодой картошкой; выставила солений, сушёного и варёного дикого и оленьего мяса, домашней выпечки хлеба, бутыл с бражкой на лесных ягодах. Грибов в Говоруше, не без похвальбы рассказывает гостю Виктор, потягивая бражку, страсть сколько. Выйдешь за ограду и в момент можно насобирать ведро, а то и два. Коров сейчас на весь день или даже на всю ночь выгоняют со двора, они бродят по ближним пролескам и кормятся грибами. Пастухов отродясь не бывало в Говоруше, но коровы «минутка в минутку» приходят на дойку.

И только сели за стол, и только вспомнили про коров — за оградой замычала Бурёнка: мол, вставай, хозяйка. Людмила живо подоила и поставила на стол банку с молоком.

— Грибное, таёжное, — горделивисто прицокнул Виктор, наливая гостю полную кружку.

Тот выпил залпом, не в силах передохнуть, оторваться: молоко было отменно, духовито. Хотел, да постеснялся попросить ещё.

Капитан Пономарёв начинал понимать — ему симпатичны Людмила и Виктор. Однако он почему-то поводил бровями, грубо прикашливал в кулак, не заговаривал, отмалчивался, а когда отказался от бражки, предложенной Виктором, так весь, будто брезгливо, сморщился. Ему казалось, что он должен — да просто обязан! — показать Людмиле и Виктору, что они брат и сестра дезертира, да что там: негодяя, мерзавца, который столько принёс бед лично ему, капитану Пономарёву, и его роте, да и всему полку. Он словно бы намеревался сказать им: «Знайте своё место». Но в душе капитана Пономарёва — он ясно и отраднo ощущал подтоки этих новых, свежих чувствований — снова, как тогда в аэропорту райцентра при ожидании самолёта, когда он очарованно глядел на погожие небеса и далёкие светящиеся снегами Саяны, стало расти что-то нежное и печальное, давно, возможно, с самого детства или юности, им забытое напрочь. И это нежное и печальное пока что ещё робковато и неуверенно манило, подзывало его к каким-то иным поступкам, к иным мыслям, к иным переживаниям.

После ужина в одиночестве, попыхивая сигареткой, он посидел за калиткой на лавке. Небо (вечерело здесь, в горах, стремительно) роскошно просветлело напоследок, леса и елани залучились тысячами оттенков зрелой зелени уходящего лета, блеснули юной золотцеватостью подступающей осени. Капитан Пономарёв присматривался к сельчанам, а те, казалось, вылавливая, подстораживая его взгляд, здоровались с ним даже издали, как со своим лучшим знакомцем. Подходили к нему этак бочком-бочком да с приглядкой любопытства, заговаривали вежливо, но иной раз не без насмешливости: как там, в городах, живут да что вы, уважаемый, думаете о том, а что о сём?

Пономарёв, забывая курить гасшую сигарету, слушал саянскую тишину. Но не застывшей и однообразной она была, она была перевита неброским природным многоголосием: храпом оленей и коней, говорком реки, брёхом собак, взмахами крыльев каких-то больших птиц, стрекотом в травах, жужжанием, звоном отовсюду. Не счастье, не различить до конца звучаний таёжной тишины. «Сына бы сюда, что ли, — подумалось капитану Пономарёву. Но он тут же хмыкнул: — Сам недавно хотел удрать отсюда, а Митянюку, значит, — сюда? Что-то вы, товарищ капитан, путаться начинаете в своих желаниях и предпочтениях... А народец-то здесь и впрямь — святая простота. Кому интересно в полку или в городе моё мнение? А тут точно бы ребяташки: расскажись, дяденька, нам про то, про это. Хм!»

Уже в сумерках пришли с посиделок сыновья Людмилы — Вовка, Петька и Глебка. Проголодавшиеся, розовощёкие, оживлённые, накинудились на молчком выставленную матерью расторопно подогретую еду. Изрядно выпивший Виктор принялся ругать племянников, раскачиваясь на кривоватых ногах:

— Чего опять поздно пришлёпали? А ну-кась, где мой ремень? Щас всыплю вам по первое число!..

— Будя тебе, Витяня, брехать-то, — посмеивался Вовка, самый старший, уже возмужалый, сноровистый подросток-мужичок. Он придерживал неуверенно стоявшего на ногах дядьку и пытался увести его в дом. — Пойдём-ка лучше: я тебя уложу в постель.

— Цыц! Люда, где мой тот сыромятный ремень? Куда ты его засунула? — не унимался и не желал в постель Виктор.

Но капитану Пономарёву было понятно, что незлобиво, а для порядка пытается быть взыскательным дядька.

Мать не вмешивалась, но её губы чуть усмехались. Она замешивала в кадке тесто и, словно бы разговаривая сама с

собой, напоминала сыновьям, что нужно бы с утра перво-наперво сделать: воды натаскать бы с реки, в стайке пора почистить, потом — все на сенокос, подкосить, подзачистить «остатки, которы сладки», трав, да за ягодой хотелось бы. А ещё надо гостя и Витю снарядить в путь-дорогу.

— Дел — прорва, — заключила она, отставляя кадку и берясь за мытьё посуды.

За всех братьев, пока говорила мать, отвечал старший, одной фразой:

— Сде-е-е-лаем, мам. — Вовка старательно ломал свой ещё нестойкий голос на мужскую хриплинку: мол, если сказал я, так оно и будет.

Взрослые еще посидели под навесом за столом. Людмила и Виктор, может быть, и ушли бы спать — уже за полночь было, однако капитан Пономарёв не спешил в постель и о времени, кажется, позабыл, словно бы здесь оно для него остановилось или по-другому стало отмеряться. Он, кажется, впервые за многие-многие годы никуда не спешил; он был спокоен и тих.

«А я ли тут сижу? — вдруг подумалось капитану Пономарёву, и он поморщился слабой усмешкой. — Для всех я вроде как потерялся — и для полка, и для семьи! Да что со мной, братцы?»

Ему вспомнилась жена: хорошо бы, чтобы и она сейчас сидела с ним здесь рядышком, под этим проясненным звездами небом, охваченная, как и он, тишиной, покоем, вместе с этими простосердечными деревенскими людьми. Жена у него беспокойный человек, вся пожизненно кипящая, бывает до ожесточения нервной. Работает она учительницей и вечерами, утомившаяся, тусклая, любит порассказать мужу о школе, но никогда по-доброму и спокойно: ученики для неё подряд скверные, гадкие, школьное начальство и учителя не лучше. И с сыном она не сдержанна: всё-то одёргивает его, всё-то недовольна им, а ведь он смирный мальчонка, дисциплинированный. Здесь, подумалось ему, она поуспокоилась бы, поостыла бы, может быть, потом как-то помягче бы принимала жизнь и людей.

Сердце капитана Пономарёва растревожилось и, как ему неожиданно и непривычно подумалось, «распустилось цветом», и он впервые за весь вечер спросил у Людмилы, перебиравшей овечью шерсть:

— Тяжело вам с тремя-то пацанами?

— Ничего, помаленьку управляемся. Они у меня сла-а-авные парнишечки. Работящие, смекалистые. Что ни скажешь — сделают шустренько, и — сверх того норовят. «Мам,

---

а то надо? Мам, а вон то бы ещё». Одно мне тревожно: во время учёбы они не с нами. При интернате они, в городе, но не хотят там оставаться. В Говоруше-то у нас лишь начальная школка, и всех старшаков на учёбу увозят в Нижнюю Нигру или ещё дальше, в город. По-человечи-то — школку бы нам среднюю здесь, да где уж при нынешнем разоре и бедности!.. Детишки ни в какую добром не хотят уезжать из родного посёлка, скулят возле самолёта, аж воют. Конечно, там — сплошь чужбинник, там — чужущий народ со своими непонятными порядками. Да просто другая жизнь, — не нам, видать, судить: кто уж как устроился. А мои сорванцы частенько пугают меня: «Сбежим, вот увидишь, мам, сбежим». Ой, не приведи Господи!

И она вспомнила и рассказала один случай из недавнего прошлого: однажды семеро мальчишек под Новый год, не дождавшись начала каникул да к тому же повздорив с излишне требовательным воспитателем, улизнули в самые морозы. Прихватили несколько булок хлеба и пёхом направились в родной посёлок. А до него — в сто километров дремучее бездорожье с лютоющим морозом и ледяным хиусом. Пошли по руслу Говоруши, — дорога была верная, знакомая с малолетства: с отцами и дедами хаживали на охоту и по ягоды, а потому надеялись за сутки—полтора добраться. Однако взялся буран, свет выбелило так, что и друг друга в метре едва различали. Не заметили, когда свернули с правильного пути, стали продвигаться по какому-то притоку. Скорей, скорей назад! Однако очутились и вовсе в незнакомой местности. Плутали, кружили. Вымотались. К вечеру улеглось, прояснело, однако следом в ночи мороз жиманул такой, что трещали и лопались стволы вековых деревьев. В предутренних потёмках к великому счастью, набрали на пустое зимовьё. Обмороженные, вымотанные, упали на полати. Кто уснул тотчас, кто стонал, оттирая почернелые щёки и негнущиеся пальцы. Осталась последняя булка хлеба да на верёвочке висел кусочек сала от прежних поночёвщиков: закон тайги — уходя, что-нибудь оставь поесть. Натопили печь, разделили хлеб и сало: хочешь — ешь, хочешь — припаси на потом. Всю ночь неподалёку подвывали волки.

Утром думали: идти или нет? Но — куда?

Два дня просидели в занесённом снегом зимовье; хлеб и сало начисто съели. Кто-то из них сказал: «Пацаны, хана нам: сдохнем». Ему ответил другой: «Живы будем — не помрём. Надо идти». — «Куда?!» — вскрикнул отчаявшийся. Решили жребием выбрать направление: четыре стороны — четыре лучины со словами «север», «юг», «восток», «запад».

Выпало на запад. Но стронуться в путь было страшено, и просидели в тёплом зимовье ещё день, потом ещё день и утро другого прихватили. Но голод грыз, — край, надо идти!

Сутки, вторые карабкались и тащились по сопкам и марям. Силёнки иссякли. Неумолимый хиус, казалось, в кровь резал лицо, снег был топким и льдисто жёстким, охотничьих троп не находили и зимовий больше не встречалось. «Помрём, не дотянем!» — заскулили.

Едва-едва, вымотанные, обмороженные, полуослепшие, забрались на какую-то сопку, глянули вниз — а вдали выются к небу дымки из труб. «Говоруша! Говоруша!..»

Подивились сельчане: «А если другое направление выбрали бы? Какую бы вам, пацаны! И надо же: как повезло. Ка-а-ак повезло-о-о сорванцам!..» — «Нет, — говорили, хитро посмеиваясь, старые тофы, — Бурхан им пособил: сперва помотал по тайге, чтобы не были такими безрассудными, а после вырубил. Он — до-о-о-брый старик. Видит: тофов и так не густенько на земле...»

Капитану Пономарёву приготовили постель в доме — Людмила навзбивала, протрясла перину и подушки, но он вежливо отказался: не хотел отягощать хозяев, пусть спокойно спят в своём доме, там и так тесно. По скрипучей лестнице взобрался к мальчишкам на чердак. Они уже спали, посапывая, бормоча, елозя. Накрылся огромным тяжёлым тулупом. Запахи овчины и сена, мерцающие сквозь дырочки и щёлки звёзды, всшорохи ночи, студёные струйки воздуха отчего-то волновали и бодрили, — спать совсем расхотелось.

Только хотел плотнее укутаться, упрятаться в овчину с головой — услышал и увидел в застрёху под кровлей, как внизу под навесом Виктор, которого сестра так и не загнала в постель, стал раскачиваться на расшатанной табуретке и стонать, обхватив голову руками:

— Э-хе-хе, братка, братка... Э-хе-хе...

И так долго он сидел и стонал, поскуливал; а придремнул уже на заре, облокотившись на стол.

У капитана Пономарёва, маетно засыпавшего, минутами вздрагивало в сердце надрывными птичьими голосами: «Почеловечьи, по-человечьи...» — «Да как оно, братцы, по-человечьи-то?» — зачем-то вглядывался он во тьму, но не получал ответа, и снова утягивало в сон.

Утром, раздетый по пояс, капитан Пономарёв умылся на берегу реки, хотя Людмила предложила подогретую воду.

— Ух, холоднющая же ты, водица! — радостно вскрикивал он, плескаясь и всхрапывая, как конь. — Холоднющая, а — живая, — разговаривал он с водой.

Пришёл с пастбища Виктор с десятью оленями на длинной общей привязи, и капитан Пономарёв, кажется, впервые увидел этих животных. Озирал их, притрагивался, поглаживал. Они были густошёрстые, с белоснежными грудками, с ветвистыми — словно кусты росли на их головах — рогами. Раздвоенные копытца пересыпчато пощёлкивали при ходьбе. Ножки тонкие, женственно изящные, однако, мышцы бёдер тугие, жилистые — чувствовалась недюжинная сила, мощь. Капитана Пономарёва, как ребёнка, поразили и озадачили олени глаза — огромные, лилово горящие, но переполненные до краёв влажной радужной грустинкой. Он увидел в них своё отражение — покривлённо вытянутое мальчиковатое лицо. «Вот таким, наверное, они и видят меня — забавным, несуразным человечком».

Позавтракали вшестером. Притихшие мальчишки опасливо, но пытливо поглядывали на гостя. Пономарёву было неловко: он чувствовал себя чужаком, «пугалом».

Вывели оленей за ограду; у Виктора и капитана Пономарёва их было по три в связке. Солнце уже грело, ластились к лицу плывущие по воздуху тенёты, Саяны сияли и лучились и вблизи и вдали. Под приветственный рокоток воды переправились по всяческому мосту на противоположный берег Говоруши и, сытые, бодрые, устремлённые, — зарядились с сопки под сопку, с сопки под сопку, то марьями, то распадками, то непролазным сопрелым таёжьем, то реденьким осиянным леском с многокрасочными посыпями цветов и рясными ягодными кустами.

«Какая земля, какая земля...» — тихо ликовало скрытное капитанское сердце.

За мостом он попытался, как и Людмила с братом и детьми, заскочить, не без лихости и молодчества, на своего оленя. Однако только ухватился за загривок и поднял ногу к стремени, как вдруг олень опрометью, точно ошпаренный — в кусты, увлекая за собой еще двоих, с которыми находился в связке. Капитан Пономарёв повергнулся с тропы в гнилой липучий валежник, вымазался с ног до головы, благо не поранился. А олени с вихревым шумом, круша рогами ветки, срывая с себя баулы, унеслись далеко вперед каравана.

Виктор и мальчишки, тишком посмеиваясь и перемигиваясь, помогли изловить их, объяснили обчищавшемуся и сконфуженному Пономарёву, что на оленя нужно садиться одним решительным махом, держась за луку седла, и следом стремглав натягивать на себя повод. Пономарёв послушно и смущённо пробует. С налёту плюхается своим грузноватым, облачённым в явно бесполезную сейчас плащ-палатку телом

в деревянное седло, однако теряет повод, — и олень неистово скачет, подкидывая седока, как никудашно притороченный баул. Наконец Пономарёв изловчается поймать повод, рывком дёргает его и с диковатым отчаянным азартом чувствует в груди геройский восторг.

Капитан Пономарёв вспарился, он бледен, но доволен и горд несказанно: одолел-таки, смог!

Сначала пробирались по каким-то полуразложившимся, трухлявеющим, но плотно уложенным внакат массивным, отёсаным по верхам брёвнам листвяка. Они образовывали довольно широкую и ровную дорогу, пробившую тайгу, но непролазно забитую кустарниками, травой и валежником; кое-где по ней вымахали огромные деревья. Капитан Пономарёв удивился и поинтересовался: что это? Виктор, мягко и уютно покачиваясь в седле и посасывая курительную трубочку, начал рассказывать: в тридцатых годах жители двух ближайших друг к другу сёл, Говоруши и Покосного, пробрили просеку и проложили эту дурь-дорогу, протяжённость её километров двести.

— Двести?! И всё лиственничные брёвна?!

— Двести, двести. И всё кругляк листвячка нашего родимого, да одно к одному лежат брёвна-то. Вон какая гладенькая дурь-дорога. Она, знаете, ведь по линейке проложена: так один большой, но глупый начальник прочертил на своей карте.

— Почему же теперь дорога заброшена? Ведь в неё вгрохали столько труда. Кошмарного, понятно, труда, адского! Надо подремонтировать её, а потом эксплуатировать на всю катушку, выгоду из неё выжимать. Дурость превратить в ум. Правильно я говорю?

Виктор наморщился и заговорил с вырывающимся наружу дребезжанием, рождавшимся где-то в самой глубине груди:

— Э-хе-хе, старики мне сказывали: уймищу ухайдакали тут народу — и нашего местного, и заключённых из тайшетских лагерей. Без техники, а пилами и топорами пёрли ведь дорогу через тайгу, по горам. Через дебри, завалы, топи. И летом, и зимой. Гнус, стужа, голодуха, болезни — страсть что было.

Караван поворотил с дурь-дороги, — покатались сизыми зыбями обширные, богатые мшаники.

Потом караван вскарабкался на седловину сопки, и капитан Пономарёв обомлел, глянув в лазорево проясненные просторы: две исполинские, вытянутые к путникам горы — будто руки, а в них, озарённая солнцем, и розово, и зелено, и

голубо, и как-то ещё сложноцветно горела и сверкала высокогорная вода. Это было Озеро-сердце. Оно маленькое, до его противоположного берега, наверное, с полкилометра, а отсюда, с высоты, оно кажется и вовсе крохотным.

Олени со своими наездниками и баулами неторопливо и сторожко спускались по обрывистому склону.

Мальчишки остались на взгорке, усыпанном ягодой; нужно, по заданию матери, насобирать пару вёдер жимолости и голубики. А взрослые спустились к самой воде. Возле берега у навеса из веток расположились на привал. Здесь покос Виктора и Людмилы. До Говоруши отсюда недалече; заготовленное сено зимой руслом речушки и по болотине вытянут на волокушах в посёлок.

Распрягли оленей. Виктор в стремительной, но не суматошливой проворности скрутил им ноги, — заднюю с передней так, чтобы олень не мог далеко убрести, и они паслись семейственной кучкой, самозабвенно поедая грибы и мхи.

Людмила живо развела костерок, раскинула на траву клеёнку, выложила припасы. Пролетели всего-то какие-то минуты — и уже забурилась вода в котелке; заварен чай с травами. Над кружками повились душистые облачка.

Чинно и молчаливо, с блаженной сосредоточенностью отхлёбывали кипяток, закусывая кто чем, поглядывали в сияющие дали тайги и гор. Хотелось молчать и смотреть, не нарушая тишины сердца своего.

Виктор, попёрхиваясь едва не на каждом слове, робко спросил у капитана Пономарёва:

— Можно, я чуток покошу и поскребаю сенцо: сестрице пособлю? Часок-другой, не больше, товарищ капитан, а?

— Конечно, конечно, — торопливо отозвался капитан Пономарёв, угрюмясь и краснея одновременно.

Виктор принялся точить косу; она ясно-печальным бабьим голоском пела под брусом. Людмила с граблями и вилами ушла на елани, чтобы сгрести и уложить в валки уже накошенное и подсохшее сено. Капитан Пономарёв попросился у Виктора в помощники. Тот с лукавенькой узкоглазой усмешечкой промолчал.

— Что, думаешь, для косьбы я слабак? — зачем-то приободрился плечами Пономарёв. — Я ведь, паря, тоже деревенский мужик, — по-особенному, вроде как задиристо, нажал он на «тоже» и «мужик». — С батей и братьевьями, бывало, по три зарода набухивали в несколько часов.

— Наши покоса с вашими-то, с равнинными, не сравнишь никак, — уклончиво сказал Виктор, но подал наточенную косу. — Ну, чего ж, нате: спытайте силёнки.

Себе он взял другую косу и стал её точить. Их у него в кустах припрятано ещё две или три; видимо, и старшие племянники помогают.

Задорно и удало зажужжало по траве и цветам. И поначалу косилось капитану Пономарёву легко и даже весело. Минута к минуте по крутому присопку, то вверх, то вниз продвигался, проваливаясь в ямки или запинаясь о кочки. Вот так помахал с полчаса капитан Пономарёв и чует — заломило в спине, занемели ноги и руки, дыхание стало перехватывать и забиваться. Нужны не только крепкие руки, но и сильные ноги.

А у капитана Пономарёва, принявшегося рьяно размахивать косой, уже омертвели пальцы рук, подрагивало в коленях, шибало в висках, как молотами. «Не могу-у-у!» — наконец, повалился он на кочку, разбросал руки и ноги. «Слабак, хиляк!.. — весело ярился он, ощущая блаженный холодок земли. — Тебе здесь не полк, где надо выпрыгивать перед начальством и намекать: вот-де какой я орёл, дайте-кась мне медальку...» Виктор, неторопко пройдя ещё полосу и поточив косу, присел рядом.

Людмила, наработавшаяся граблями и вилами, разгоревшаяся, похорошевшая, напилась из озера, омыла лицо и в трехлитровой банке принесла воды мужчинам; присела на коряжину.

Капитан Пономарёв лёжа смотрит на Людмилу сквозь прикрытые ресницы, будто подглядывает, выведывает что, и — вдруг такая мысль: «Вот бы мне её в жёны». Мысль столь внезапна, смела и вероломна, что капитан Пономарёв оторопел и, кажется, даже напугался. Однако в сердце уже что-то произошло, и произошло не сейчас, а может быть, случилось что-то в нём раньше, затронув глубоко и обширно. Хочется ещё о том же подумать, вернее, кое-что додумать, почувствовать: «Жили бы потихоньку здесь. *По-человечьи*, как она говорит. Сына бы привёз, и вырос бы он, как и её сыновья, крепким, настоящим мужиком».

«Нет, нет! Довольно! — зачем-то встал капитан Пономарёв. — Да что за блажь, что за думки такие сумасбродные!»

— Тяжко, ребята, вам здесь живётся в этакой-то глухомани? — спросил он, словно бы хотел хотя бы чем-нибудь подержать их, подбодрить.

Ни Виктор, ни Людмила не отзывались. В азиатской ужине их глаз стала посвёркивать усмешка. И капитан Пономарёв поспешил пожуричь себя: зачем спрашивать? И так видно, что маетная у людей жизнь.

— Как вам, товарищ капитан, сказать, — наконец, отозвался Виктор; похоже, он ожидал, не ответит ли сначала сес-

---

тра, но она молчала, смотрела в дали. — Всяко оно бывает. Где человеку на земле лёгко? И вам, поди, не просто служится.

— Да я-то что, ребята, — поморщился, как от кислого, капитан Пономарёв. — Вся моя работёнка в полку — пасть разевать на подчинённых да бровями шевелить. Ну, ещё перед начальством зенки вылуплять, когда надо и не надо: вот, мол, какой я бравенький, что прикажете?

— С городской не сравнишь нашу-то жизнь, — едва слышно проговорила Людмила, но неожиданно засмеялась. — Но нам другую — ну её! Да, братка? — в плечо толкнула она Виктора.

«Смотрите-ка, какая она ещё игривая», — снова потешило сердце капитана Пономарёва.

— Да-а-а. Ну её, другую жизньюху, — пропел брат, с усладой покуривая.

— Работаете, я гляжу, много, и ох, тяжек, братцы, ваш труд, но вот что-то бедновато живёт народ в посёлке. Что же так?

— Да мы чего-то и не думаем: бедно ли, богато ли живём, — снова не сразу, но в этот раз первой отозвалась Людмила. — Живём да живём, а всё про всё ведаёт только Бог. Известно: людское дело — жить да не томиться.

— Чего уж, хотелось бы пожить как-нибудь крепче да ладнее, — сказал и Виктор, потому что Людмила, похоже, больше ничего не хотела примолвить. Она улыбочиво, но грустно всматривалась в солнечные, сияющие раздолья небес и гор. — Работаем в самом деле через край, и в своём дворе бьёмся, и в промхозе вкальваем. Но вы сами, товарищ капитан, посудите: государство и всякие бизнесмены за гроши принимают у нас ягоду и травы, за пушнину — чуть ли не кукиш показывают, а в магазинах соболёк, к примеру, по страшным ценам сбывают. Тяжкими трудами даётся нашим мужикам соболь или белка. Покрути-ка за зверем по тайге, по-выслеживай его! И не в каждый годок зверя вдосталь. Как-то раз перед выборами наведался к нам какой-то партиец из города. Уговаривал за свою партию проголосовать и наставлял нас, как надобно хозяйствовать нынче. Едко говорил, но с толком: работаете, мол, вы на тыщу, а выдают вам десятку, и вы, дурни, довольны. Грабят, сказал, вас все, кому не лень...

— Так что же вы не возмущаетесь?

— Мы, деревенские да таёжные, не такие, как вы.

— Хм, какие же?

— А вот такие: хотя и бедненько живём-можем, да спокойно и мирно. Что есть, то есть: покой и мир у нас тут. Ведь город так и нашёптывает человеку: извернись, схитри, по-

---

больше хапни, не будь простофилей. Беги-хватай. Хватай-беги. Зна-а-а-ю: годка два откантивался там. Наволындался — удрал! Душу в толкотне людской будто иголками колет. А теперь — лад в ней. Вот где настоящей жизни хоть отбавляй, бери всякий, сколько желаешь! — широко повёл он рукой. — И она тоже: помнишь, сестрица, про свои мытарства? Не словчилась в многолюдье обжиться. Училась по молодости в райцентре на повариху — не доучилась, сбежала... Да, мы такие люди — нам много не надо: чтобы пацаны были с нами всегда рядом, чтобы сена на всю зиму хватило для Бурёнки и коня, чтобы дождей было поменьше, чтобы хватило силёнок баньку осенью дорубить. Чего ещё нам надо? — притворился он, будто усиленно вспоминает, даже в затылке стал скрести своим заскорузлым, с толстым ногтём пальцем. Подтолкнул Людмилу: — Слышь, сестрица, чего нам ещё-то надо бы?

Она в сдержанной насмешливости засмеялась, отряхивающе вскинула руки: мол, отстань. Прищурилась вдаль:

— Гроза подкрадывается, что ли, — махнула она головой на маленькое серенькое облачко, зацепившееся за зубец далёкого белоголового гольца.

Пришли мальчишки. Вёдра и лукошко полны жимолости и голубики. А губы мальчишек напухли и горят сливовым огнём.

— Нынешнее лето ягодное, — захотелось поговорить и с мальчишками капитану Пономарёву. — Много ли всего вёдер заготовили, пострелята?

— Эти два с лукошком. Да ещё парочку взяли раньше, — солидно, не без важности ответил за всех старший — Вовка.

— Ещё, наверное, десятка два вёдер, а то и три, возьмёте? Вон она, ягодка-то, повсюду.

— Не-е-е! Хва. Куда нам ее возами? — Но Вовка тут же усомнился и тихонько спросил у матери: — Мам, хватит же нам?

— Всяких вареньев и соленьев у нас уже довольно на всю зиму. В подвале все полки забиты банками и кадками. Клюквы потом ещё возьмём и брусники, по ведру или по два.

— Но ведь есть же возможность больше заготовливать, — не хотел, но, однако же, возразил капитан Пономарёв. — Ягоды, гляньте, люди добрые, — бери, не хочу! Эх, понагнать бы сюда народу! К примеру: парочку рот из моего полка. Солдатики прошурудили бы каждый уголок. Вагонами бы пёрли отсюда!..

— У нас тут ни железных, ни каких других дорог, слава богу, нету, — прервала его Людмила. — А зачем, скажите, нам много брать? — спросила она, и ужина её глаз стала острой-

---

острой, будто она вглядывалась в капитана Пономарёва издала или из какого-то другого мира. Но смешинка за ужиной не скрылась, разглядел её бдительный и приметливый капитан Пономарёв. Смутился, не поняв сразу, почему над ним посмеиваются.

— Как — зачем? Продавать потом можно. Да мало ли для чего ещё. — Сказал и почувал — уши загорелись.

— Берём у тайги, сколько съедим. А продавать... Кому ж у нас продашь? Медведям?

Мальчишки, прижимая губы ладонями и отворачиваясь, запотраховались в смехе. Мать на них хотя и строго глянула, однако и сама не удержалась — улыбнулась.

Вскоре караван тронулся в путь. Капитан Пономарёв обернулся на своём олене — Людмила и её дети махнули ему руками. Как ему стало грустно и тревожно! Грустно, тревожно — да почему же, зачем же, люди добрые?! Кто ответит? Кто подкажет?

«Никак не могу забыть брошенную и людьми и временем дурь-дорогу. Может, не все пути ведут к благу, не везде поджидает тебя счастье с душевным покоем и совестью? Мысли, мысли, да что же вы со мной такое творите, какой бес вас нагоняет в мою голову и сердце!.. Э-хе-хе, офицер офицерыч, а ведь и казарма тебе мила, сросся ты с ней всей сутью своей. Нужен ты там, ждут тебя дела и люди... Вот и живи теперь... э-хе-хе...»

Несколько суток пробирались к стойбищу. Волглые, сумеречные ущелья и вздыбленные буреломы, взгорья и обрывистые спуски, заморозки утрами и нередко калящая жара к полдню, кровососушие облака комаров, не пускающие вперёд травостой, прячущиеся в кустах злокозненные тряские болотины и неверные броды на реках, когда чуть в сторону — оп, и ты в яме, по маковку в воде — вот каков путь.

Пономарёв и не вымотался, хотя на вечерних привалах засыпал мгновенно, не успевая ощутить ломоту в костях, лишь уже утром с натугой разгибался, и не раздосадовался, и не разочаровался. Он был бодр, деятелен, пытлив, усердствовал, чтобы быть полезным Виктору, хотел стать для него, как уже отчётливо чувствовал, своим человеком, таёжным мужиком.

Встреч в пути было немало; оказывается, и тайга заселена народом. И радовало капитана Пономарёва, что встреченные им люди и чем-то явственным, и чем-то неуловимым похожи на ставших дорогими его сердцу Виктора и Людмилу с её мальчишками.

«Просты-то просты таёжные люди, да особого, вижу, пошиба их простота. Бесхитростные и наивные, словно не выш-

---

ли ещё из детства человечества, но вместе с тем... — Капитан Пономарёв замылся в своих раздумьях, подыскивая верное, «самоточное» слово, однако, кажется, не нашёл. — У-у-ух, как мудры, черти! Наверное, мы, всякие там разные разгорожанистые люди и людишки, в детстве или отрочестве задержались, а эти наивные мудрецы посматривают на нас и, чуя, незлобиво посмеиваются в душе: «Ну, чего, чего вы мечетесь, чего глотки дерёте, чего гребёте и гребёте под себя? Очнитесь! Живите как люди!» А очнёмся — не испугаемся ли, чего накуролесили, куда забрели?..»

Наконец-то добрались до стойбища, где, по заверению Виктора, должен был находиться Михаил, однако его не оказалось там. Пастух, древний старик тоф, иссохший, бронзовато-серый, как камень, глубоко и отрешённо промолчал, когда его спросили о Михаиле.

И снова, как все эти дни, как, быть может, каждое мгновение его пребывания на этой земле, нечто удивительное произошло с капитаном Пономарёвым: уже не глубоко в нём, а совершенно близко, словно бы на поверхности души он уловил чувство — не за беглецом он приехал сюда, не по служебной надобности, а — за чем-то иным, пока что неведомым, но исподволь обвевающим душу светом и теплом.

Виктор смущённо и деликатно покашлял в кулак, отвлекая своего спутника от задумчивости:

— Братка, видать, где-нибудь недалече запрятывается. Пацан ведь он ещё, трусит, сами понимаете. Не беспокойтесь, товарищ капитан, мы его обязательно отыщем.

Вскоре караван добрался до ветхого, щелистого шалаша. Из него выглянул, отдёргнув полог и метнув, как стрелу, узкоострый взгляд, Михаил Салов. Замер, но порывом отпрянул одним плечом внутрь. Ощупью поискал что-то на стенке. Нашёл, не нашёл, но, призакрыв глаза, сокрушённо покачал головой и полностью выбрался наружу. Присел на корточки у костерка и низко склонился лицом к коленям.

— Никак, служивый, подставил голову для плахи? — спросил ротный, прыгивая с оленя и приближаясь к солдату.

Виктор не стал подходить, притворился, будто захлопотался возле стада.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — тихонько хрипнул Михаил.

— Здорово, здорово, что ли. — Капитан Пономарёв присел возле Михаила.

Парень исхудал, но были свежи и румяны его щёки. Преметил — руки у парня подрагивали, сдавливал — но не грыз — губы.

-
- Что, Михаил, боишься?
- Да, товарищ капитан.
- Чего же испугался?
- Мысли одной.
- Гм, мысли? Я думал, в часть боязно вернуться.
- Нет, службу или наказания не боюсь. Чему быть — того не миновать. А вот мысль одну крепко сейчас испугался. Вас увидел из шалаша — она как скребнёт меня по мозгам.
- Что же за мысль таковая, точно зверь, — скребёт? — усмехнулся капитан Пономарёв, однако с нарастающим беспокойством всматривался в Михаила.
- Страшная, товарищ капитан. — И он приподнял лицо.
- Они встретились, будто бы столкнулись, глазами. Капитан Пономарёв не выдерживает, его взгляд, как и когда-то, слабеет, слабеет и — сламывается соломинкой. «Да ты и сейчас сильнее меня, братишка».
- Так страшная, говоришь? — зачем-то шепотком переспросил он.
- Да, товарищ капитан. — Михаил тяжело сглотнул. — Убить я вас хотел. Там, в шалаше, висит двустволка. Рукой к ней потянулся... Вот и колотит меня.
- Что же не стрельнул?
- А как потом жить, товарищ капитан?
- Н-да, солдатик. Как жить, как жить... — Замолчал, но эхом по сердцу шло: «Как жить, как жить... — Неожиданно подумал: — А не отпустить ли мне его?» Но стремительно поднялся и твёрдо проговорил:
- Надо, однако, исполнять службу. — Выпрямился, зачем-то расправил складки на плащ-палатке, сказал с выечанкой: — Едем назад. Скорее! Немедля!
- Никто ему не возразил: стали спешно собираться.

Капитан Пономарёв, Михаил и провожающие стояли, измокшие, на поле возле аэропортовской избушки и сдержанно прощались. Всем было грустно и неловко. Людмила и Виктор переминались с ноги на ногу, беспричинно покашливали, видимо, не находя слов; мальчишки сердито отталивали от себя лайку, которая пыталась с ними поиграть.

— Что ж, прощайте, — наконец, сказал капитан Пономарёв и нетвёрдо, в полпротяга, подал руку Виктору: секундно засомневался — пожмёт ли тот? А если пожмёт, то не оскорбительно ли слабо, с неохотой, с одолжением или как бы по обязанности?

Виктор жмёт крепко, цепко, даже губы тянет к улыбке; но улыбка получиться не может, лицо невольно морщится. Ка-

---

питану Пономарёву стыдно, что мог плохо подумать о Викторе. Молча, не посмотрев в глаза, поклонился Людмиле, которая в ответ слегка покачнула плотно повязанной шалью головой; потрепал за неподатливые плечи детей и ушёл к вертолёту.

Белолицый, горящий щеками крепыш-лётчик с весельцеватой требовательностью крикнул:

— Будя прощаться! Время — деньги!

Капитан Пономарёв повалился в сиденье. Скорей бы улететь от этой затянувшейся муки, от этой странной, непонятной вины! Его душа устала.

Снова зачем-то вспомнилась та ужасная, нелепая дурь-дорога. «Полпути, наверное, уже протопал по жизни и чувю — чему-то ещё бывать. Чему-то настоящему. Чему-то большому. Переворотилась у меня душа. Как дальше жить — не знаю, точно юнец. Да, полпути — ещё не весь путь, ещё надо идти и расти головой и душой...»

Приметил в иллюминатор: Людмила перекрестила брата, поцеловала в лоб; а тайком щепоточкой — крестное знамение в сторону вертолёта. «И для меня тоже», — подумал капитан Пономарёв с вздрогнувшей нежностью, но и с необоримой печалью.

«Вернусь? Зачем?»

Наконец вертолёт взлетел.

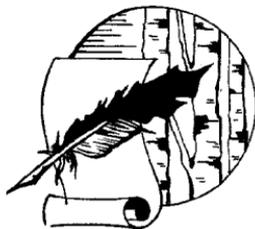
Михаил сидел напротив капитана Пономарёва с закрытыми глазами; его скуловатое восточное лицо было суровым и неподвижным, как изваяние.

— Жизнь, парень, не кончается, — преодолевая вдруг явившуюся робость, сказал капитан Пономарёв. — Ты неплохую выбрал в жизни дорогу, но... но... терпи, солдат. Терпи.

Что ещё сказать? Надо ли?

Михаил не открыл глаза, и капитан Пономарёв не понял, услышал ли беглец обращённые к нему слова.

«Вернусь...»

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Александр НЕСТРУГИН

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

РУССКИЙ ПРОСЁЛОК

Летят окольные пути,
А ты всё месишь глину.
И не даёшь им увести
Ни душу, ни равнину.

А ты всё ходишь напрямки,
Как всякий житель местный,
На шум берёз, на плеск реки,
На дальний свет небесный...

И сердце бьётся в том пути
О каждый холмик больно.
А не даёт душе идти
Безродинно, окольно.

---

* * *

Моя подруга — тень лесная.
Мы с ней из этих дней ушли.
Но оглянулся: мать честная! —
Весь, подчистую, свет свели.

Да, весь: полянный и приречный,
Полынный свет седых былин...
И только русский свет сердечный
Покуда держится один.

Один он бьётся с чуждой тьмой,
Один зовёт бывшего дым.
И нужно расставаться с тенью.
И становиться рядом с ним.

* * *

Кого ты ждёшь? Ушла утайкою
К обрыву, где простор и стынь.
А он — с потёртою фуфайкою,
Мазутом пахнущей: «Накинь...»

Ночь за собой уводит ерики,
И шлях, таясь, уходит с ней —
Туда, где бьётся жизнь в истерике
Синюшных вспышчатых огней.

Где племя «ино» ждёт с подарками
И одаряет люд хмельной
То — дорогими иномарками,
То — даже родиной иной...

Кричит тебе: «Деревня тёмная,
Да кинь ты свой кизячный край!
Вот, — вся в огнях — дорога торная —
Иди, обновки выбирай!»

Кого ты ждёшь? Созвездья грудятся,
Подходят с трёх родных сторон.
И змий ползет... И всадник чудится...
И знобко душеньке... А он...

Ну, поманил бы речью яркою —
Так нет, катает желваки.

...Но ватник, что пропах соляркою, —
Не он ли снял с себя — «Накинь...»

И слово — трудное, угластое —
Одно
    решит судьбу твою.
Он, твой народ, не слишком ласковый,
Но с ним не страшно
    на краю...

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

Родному райцентру

Живём — как празднуем на тризне,
И явь не гонит жуткий сон...
Живой, ты вычеркнут из жизни
И в чёрный список занесён.

Подойник звякает спросонок.
Скрипит телеги колесо.
Село... Не город, не посёлок.
И что из этого? И всё!

Не стали звать народ на площадь
(Там тополя одни шумят):
Единым росчерком — так проще! —
Уже ушёл военкомат.

По той же, на восток, дороге —
Неужто ворог у села? —
Ушли державные налоги,
Санэпидстанция ушла...

И скоро тёмными дворами
По звёздной и земной меже
Уйдёшь ты вслед за хуторами,
Что там, средь звёзд, бредут уже,

Прижав к груди терны да ивы...
Судьбу и свет даривший мне,
От кабинетной перспективы
Ты оказался в стороне.

Ни от беды, ни от Победы
Тебя летам не отделить.

Но ты — ты нынче слишком беден,
Чтоб чей-то гонор утолить.

Твои слова, твои туманы,
Твоё усохшее гумно,
Твои дырявые карманы
Век пришедший вывернул давно.

И отвернулся. Губы кривит.
И умнику кивает: «Вишь...»
А тот, конечно, меры примет —
За то, что выжить норовишь!

За то, что пашешь и скородишь,
Печёшь рассветы, как блинцы,
И, гол и бос, всёводишь,водишь
Просёлков рваные концы.

И всё таишь — ну что ты скажешь! —
Дым отчий, глухо рвущий грудь...
И те концы худые вяжешь,
И воз пытаешься тянуть.

Не чужеземье под ногами...
Шумят, как думы ни горьки,
Берёзы — под Березнягами,
И под Замостьем — сосняки.

И подступает к горлу поле,
Невзгодой сбитое в комок...
Ты им не нужен нынче, что ли?
Ты — мог помочь, да не помог?

Бросать своих — такой завычки,
Хоть бой греми, не знают тут.
Кому же так мешают лычки
Твои, что их — с погоном рвут?

Пусть шарят в днях, на век твой зарясь,
Пускай грозят — перетерпи.
...Молчит монгол, молчит хазарин,
Полынью ставшие в степи.

Молчит потомок римской славы,
Давно ли — сорок третий год! —
Донской искавший переправы,
Нашедший — через Лету брод.

Как те сошли, сойдут и эти...
А ты с надёжными людьми,
Как ежевики колкой плети,
Траншеи старые займи.

Стань диким тёрном, повиликой,
Кинь им под ноги темноту.
И перед новым Полем Диким,
Не кочевым, но — диким, диким! —
Веди Засечную Черту..

* * *

Быть простором — нет, не получилось,
Быть дыханьем — может, научусь.
Вон река морщинками лучилась,
Я теперь такими же лучусь.

Я на ветер точно так же шуюсь,
К устью так же путано спешу.
Стойте, годы, стойте, — я прощу вас
И прощенья тихо попрошу.

И скажу вам что-то торопливо —
Без надрыва, будто так, шутя, —
И пойду, как донник, вдоль обрыва,
Белыми губами шелестя...

Юрий ВОРОТНИН

ПОКОРМИТЬ С РУКИ СИНИЦУ

* * *

Дом в средней полосе, засыпанный сиренью,
С окошком на звезду с калиновым лучом,
И сад, где соловей поет живой свирелью...
Чего еще желать? Печалиться о чем?

Полжизни, как глоток, но жажда не иссякла.
И верен каждый вздох, и меток каждый взгляд.

И сладостно тянуть остатки дней по каплям...
Но отчего тогда тревога и разлад?

Что знаешь ты про жизнь? Что думаешь о смерти?
Что прячешь на свету? Что ловишь в решето?
Опять твоя тоска пронзительна, как ветер,
Такое б рассказал — не слушает никто.

И смотришь на звезду, как будто ты — оттуда.
Поклоны бьешь земле, как будто ты — туда.
И ввысь летит сирень в движенье безрассудном,
И тянется лучом к сырой земле звезда.

* * *

Не горюй обо мне, я согреюсь на солнышке редком.
И не сахарный я, чтобы таять под мерзлым дождем.
Если землю мою разложить на молекулы-клетки
И со мною сравнить — до конца мы с землей совпадем.

Потому что века не прошли здесь легко и бесследно,
На тяжелой крови поднималось жильё и былье;
И родные мои в эту землю ложились посмертно,
Становились землею, крупницей, частицей ее.

Это суть бытия, это крепости нашей основа,
Это память мою разогрело движенье светил.
И когда постигаю закон притяженья земного,
Объясняю его притяжением отчих могил.

Я поправлю кресты, обновлю после снега оградки,
И смотреть буду вниз, дотемна не подняв головы,
Как земля прирастает с могильною каждою грядкой.
Скоро-скоро до неба достанет макушкой травы.

* * *

Нет, не всегда, лишь от случая к случаю
Вижу, сжимая виски,
В Царстве Небесном за тучей тягучею
Бабушка вяжет носки.

Нет, не всегда, только изредка-изредка
Вижу: со звездных крылец

Смотрит в печали, как будто сквозь изгородь,
С неба на землю отец.

Там, в небесах, перед взорами Божьими,
В вечной тоске по родным
Молят они, чтоб родные, пригожие
Не поспешали бы к ним.

* * *

Я возьму себе в привычку
Каждый раз в начале дня
Покормить с руки синичку —
Так, как кормит Бог меня.

* * *

Как будто закрываю веки
Несчастной Родины моей...
Н. Зиновьев

А я не закрываю веки
Несчастной Родины моей,
Дышу на скованные реки,
Сметаю поздний снег с полей.

И день, и ночь пашу и сею,
Железо плавлю из руды,
Меня озноб: «Спасай, Россею!»
Не оторвет от борозды.

А в час, когда свернется жатва,
Спрошу в одном из тихих мест
В награду холмик — метр на два
И деревянный русский крест.

* * *

Всё, что было — забудется и быльем порастет,
В темном лесе заблудится, темной ночью уснет,

Как руда переплавится суетою сует,
Ничего не останется через тысячу лет.

Но сквозь дни беспросветные по лихим временам
Ходят сказки заветные от отцов к сыновьям.

Слово в слово — не йначе, к шепотку шепоток,
Пусть родные кровиночки затвердят назубок.

Пусть родятся Егории, коль в отечестве — дым,
Я не верю истории, верю сказкам живым.

Бесы пляшут по улицам на родной стороне,
И стоим с Ильей Муромцем мы спиною к спине.

* * *

Не подумай, что минула тысяча лет —
Меньше жизни прошло человеческой.
Я вернулся на родину — родины нет,
Лишь бурьян на усадьбе отеческой.

Дом качнулся, поник, но как мир на китах,
Устоял на песке промороженном.
Как давно не бывал я в заветных местах,
Жизнь другими дорогами хожена.

Не чужая вина — сам изменник и тать.
Даже если репейники выполою,
И под старость приеду сюда умирать,
Всё равно оправданья не вымолю.

Задохнусь от тоски, как звереныш в клетки.
И тоску позову во товарищи,
Всем рассказывать правду о русском пути
По долинам, по взгорьям, по кладбищам.

* * *

В эту грозную ночь ветер шелкал кнутом,
Тьма вязала концы и начала,
И спросил я у Тьмы: «Что же будет потом?»
«Белый Свет будет», — Тьма отвечала.

Дотерпел я, дождался, забрезжил рассвет,
Зацепился за землю лучами.
И спросил я, тревожась: «А что же вослед?»
«Будет Тьма», — Белый Свет отвечал мне.

И упорствуя, каждый стоял на своем,
И одно выговаривал имя,
И веревкой вилаась, и горела огнем
Жизнь моя, как граница меж ними.

---

* * *

Юг цветущий не сравнивай с севером,
Не кори перемётной сумой.
Посмотри на меня по-осеннему
И порадуйся жизни со мной.

Осень яркая вышла и ярая,
В предвкушении крепкой зимы
Все деревья гуляют боярами,
Погуляем с тобою и мы.

Чтоб потом под сугробами сонными
Снился сон нам один на двоих,
Где ладони твои невесомые
Замирали в ладонях моих.

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Паутина на ветках качается.
Отдыхает трава от жары.
Я не верю, что лето кончается,
Но цветут золотые шары.

Выйду в сад и поёжусь от холода,
Разбросает мне ветер вихры.
Мы не стары с тобой и не молоды,
Нам цветут золотые шары.

Наша осень покоем отмечена,
Пирогоми и чаем красна,
И подсолнечным светом просвечена,
И последней любовью честна.

* * *

Ты прости меня, кот, твои годы быстрей, чем мои.
Ты мой возраст догнал и уходишь старательно дальше.
Я живу на земле и почти не касаюсь земли.
Ты, как пух тополиный, на землю ступаешь тишайше.

Не жaley меня, кот, мы быльём поросли — не старьём,
Мы еще молодцы — ни усы, ни хвосты не обвисли.
Мы еще помячим с тобой, мы еще проживем,

И половим мышей — ты в прямом,
Я в сомнительном смысле.

А когда остановишься, чтобы меня подождать,
И прокатится ток от ушей по спине и по лапам,
Ты природу свою пересиль — не сбегай умирать,
А усни на руках и на память меня оцарапай.

* * *

Сколько раз я к поре листопада
Привыкал, но никак не привык.
Безутешное время распада
На поверку не хуже других.

Под ногами достаточно тверди,
Крепок разум, заучен урок,
И две линии — жизни и смерти —
На пути не сошлись поперек.

Осень дарит и зрелищ, и хлеба,
Кто в зеленом был, стал в золотом.
Но смотрю и смотрю я сквозь небо,
Словно знаю, что будет потом.

Иван ЩЁЛОКОВ

ЗА СВЯТОЮ ВОДОЙ

ДИАЛОГ У КОЛОДЦА

— Далеко ли до трассы?
— Вёрст двенадцать, милок.
— Дай, бабуся, в дорогу водицы глоток.
— Пей, родимый, в колодце вода хороша.
Смотришь, с пылу остынет больная душа.
— Отчего же она, непонятно, больна?
— Э-э, такие настали, милок, времена...
А вода хороша... Мой явился с войны —

Ух, горяч был и зол, что с огня чугуны.
Остудился, Бог дал, миновала беда.
Всё твердил мне: «Святая в колодце вода!»
Умер в нынешний год — будь там пухом земля!..
— Впрямь, бабуся, святая водица твоя.

* * *

Плясово-Снежково...
Из конца в конец
Вдовы, вдовы, вдовы
И один вдовец.

В километре трасса,
Легкий бег авто,
А сюда ни разу
Не свернул никто.

Дети разлетелись,
Внукам дико тут.
Ивы в берег въелись,
Охраняют пруд.

Присмирели избы,
Крыши набекрень...
Век двадцатый — изверг
Русских деревень!

МОЙ КОЛЬЦОВ

По берегам степной речушки Красной,
Где тальники, обрывы, резеда,
Зачем ищу, спустя два века, страстно
Следы того, кто здесь гонял стада?

Можайское, Запрудское... А выше,
Туда, к истоку, птицей из-под ног
Степного ветра в травяном затишье —
Село мое родное Красный Лог.

Простор, простор течет под роговицу
И вдохновеньем обжигает грудь.

Хоть пей и пей его, а не напиться,
А коль напьюсь — мне больше не вздохнуть!

Что, если правда: от Смычкова лога
К Дурному логу он, сам-друг Кольцов,
Околицей, нехоженой дорогой
Шагами мерил край моих отцов?!

Ночь бугаём сопела в зыби мрачной.
И языком костра с горячих губ
Стада созвездий слизывали смачно
Кольцовских песен неземную глубь.

Я вглядываюсь в дальний свет востока.
И глазу нет предела от глубин.
И вольный ветер над речной осокой
Проносит голос с дремлющих равнин.

* * *

Прохлада от низины.
И ранняя заря.
И поздний куст малины
У края пустыря.

И от осенних тягот
Отчаянно чисты
Гирлянды поздних ягод
Среди скупой листвы.

И неспроста усталость,
Тревога неспроста,
Как будто жить осталось,
Как ягоде с куста.

* * *

Сторона моя глухая —
Летом пыль, весной грязь.
Что же ты, себя охаяв,
Спьяну в кровь изодралась!

За избой, с карнизом вровень,
Полдень, пекла нацедив,

Жжет бока на ржавой кровле
Гольшам лиловых слив.

У забора пёс ленивый,
Облинялый весь, как черт,
В службе долгой и тоскливой
Дрыхнет сутки напролет.

Бабки в стоптанных калошах
Про земной судачат грех...
Как они на мам похожи —
На мою, твою и всех!

Сторона моя глухая —
Сбитый камушек с Кремля,
День и ночь с тобой бухаем
До последнего рубля.

ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Черноземье! Даль и солнце,
А еще голубизна.
Отчего так сердце бьется
И не чует рядом дна?

Отчего люблю дорогу
В поле, где страда идет,
Где девчонка возле стога
Погодать ромашку рвет?

Коростель в траве смеется,
Плачет чибис в небесах.
Отовсюду солнце, солнце
Медом липнет на губах.

Были дни, когда в тревоге
По щекам чертополох
Так хлестал, что еле ноги
Уносили через лог.

И с околицей свинцовой
Взгляд смыкался в час беды
Над могилою отцовой
В темном царстве лебеды.

И холодный ветер резкий
По степи пылищу гнал
И срывал фату с невесты,
И рубаху парню рвал...

Черноземье! В счастье, в горе,
В лени, в буйстве, ночью, днем
Мы стоим с тобой в дозоре,
Пол-России стережем.

* * *

А где оно, это Коршево?
А там, где весной Битюг
Несет ледяное крошево —
Творение зимних выюг.

То ёршики, то карасики
Резвятся в волне речной.
Девчонки играют в «классики»
На солнышке за избой.

Мальчишки знакомой тропкою
Спускаются на улов...
Даль памяти — над пригорками!
Суд памяти — от крестов!

Воткнув посредине улицы
Для коз деревянный штырь,
Весна, от света сощурившись,
Выходит в степную ширь.

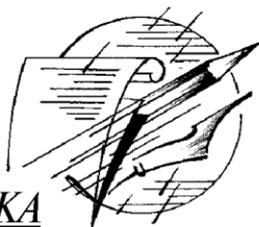
Играйте, девчонки, в «классики»!
Мальчишки, готовьте сеть!..
Тут раньше рождались классики,
А хочется, чтоб и впредь.

ГЕРМАНИЮ ВНОВЬ ОХВАТИЛА ВОЛНА РУСОФОБИИ

История с Кипром запомнится не только ростом антигерманских настроений в Южной Европе, рассуждениями о «четвертой рейхе» и произволе брюссельских чиновников, которые ради собственного выживания готовы прослыть экспроприаторами. Пожалуй, в первую очередь эта история будет связана с окончательным разрывом между Москвой и Берлином — недавними партнерами, готовыми, казалось, создать тесный военно-политический альянс.

«Особые отношения» Путина и Шрёдера

Когда в 2000 году президент Путин во время визита в Берлин произнес речь в бундестаге на немецком языке, у многих создалось ощущение, что формирование стратегического альянса между Россией и ФРГ — лишь вопрос времени. Пост федерального канцлера в тот период занимал Герхард Шрёдер, который вошел в историю как самый лояльный по отношению к Москве немецкий лидер. Правительство ФРГ стремилось тогда избавиться от влияния Вашингтона, от-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

крещивалось от неоимперской политики администрации Буша-младшего и проявило принципиальность в иракском вопросе. На упреки американских дипломатов один из главных архитекторов шрёдеровской внешней политики Франк Штайнмайер отвечал: «У нас с вами, господа, разный менталитет». В Вашингтоне Штайнмайера, который занимал пост руководителя аппарата правительства и курировал немецкие спецслужбы, обвиняли в нежелании делиться разведанными с США.

С Россией же правительство Шрёдера установило особые отношения. Влиятельные немецкие бизнесмены, заинтересованные в развитии российско-германских газовых проектов, рассчитывали, что, объединив усилия с таким мощным игроком, как «Газпром», они смогут бросить вызов американским конкурентам (ходили даже слухи, что Москва готова отказаться от контрольного пакета акций в «Газпроме», превратив его в транснациональную компанию).

«Энергетический союз России и Германии, — отмечалось в исследовании «The Stratfor», — позволил бы создать в мире альтернативный центр силы и реализовать геополитические планы, которые всегда были ночным кошмаром для англосаксов». (Еще в 20-е годы прошлого века немецкий геополитик Карл Хаусхофер сформулировал идею «континентального союза» России и Германии: «Прочная связь двух государств сделает их неуязвимыми перед «методами анаконды» англосаксонского мира».)

Когда речь зашла о строительстве трубопровода «Северный поток», в англо-американских СМИ началась настоящая истерия. Всполошились и традиционные противники российско-немецкого сближения в Восточной Европе. «Германия хочет превратить ЕС во владение России, — отмечал польский русофоб Ярослав Качиньский, занимавший тогда пост премьер-министра, — российский газовый монополист сохраняет за собой абсолютный контроль над трубопроводом, соединяющим Западную Сибирь с Германией. Это новое издание пакта Молотова — Риббентропа». Его брат, президент Лех Качиньский, объявил себя «врагом трубопровода», хотя, как утверждали реалисты в Варшаве, «разрушить его он смог бы лишь в случае двух победоносных войн с великими соседними державами». Очевидно, говорили они, что мы живем не в эпоху разделов Речи Посполитой, и, заключая стратегический альянс, Москва и Берлин в последнюю очередь думают о «закабалении восточноевропейских народов».

Восточная политика Шрёдера предполагала не только газовое сотрудничество (хотя совместные проекты с «Газпро-

---

мом» были для него одним из приоритетов. Неслучайно после поражения на выборах бывший канцлер занял пост председателя совета акционеров компании «Североевропейский газопровод»). Немцы рассчитывали привлечь Россию и к общеевропейским проектам в области авиационного строительства. Аэробус на тот момент уже был одним из главных символов единой Европы, и компания ЕАДС вела ожесточенную торговую войну с американским «Боингом». «Не вызывает сомнений, что «авиационная война» между Вашингтоном и европейскими столицами, — отмечал в «The Newsweek» бывший заместитель министра торговли США Джеффри Гартен, — является самым масштабным и политически мотивированным торговым конфликтом в истории». Если бы немцам удалось настоять на своем и Москва в качестве одного из акционеров вошла бы в ЕАДС, конкурентоспособность компании значительно возросла бы (российские специалисты готовы были внести свою лепту в развитие не только гражданской, но и военной авиации ЕС).

Эксперты уверяли, что мы находимся в шаге от формирования военно-политического союза России и объединенной Европы, ведущую роль в которой играет независимая и реалистически мыслящая Германия. Многим политикам в Москве и Берлине казалось, что с этого пути уже не свернуть.

Акробатка Меркель

Однако, нельзя было недооценивать возможности Соединенных Штатов, которые с конца Второй мировой войны, играя на немецком комплексе вины, полностью контролируют в Германии идеологическое пространство. С помощью германских СМИ американцы сбросили неудобное им правительство и посадили в кресло федерального канцлера убежденную атлантистку Ангелу Меркель, которая предлагала создать «единый трансатлантический рынок» и «принять американскую версию глобализации». Находясь в оппозиции, она выступала с резкой критикой кабинета Шрёдера, отказавшегося поддержать операцию США в Ираке. «В данном случае Шрёдер говорит только от своего лица, но не от лица немецкого народа, — писала Меркель в «The Washington Post». — У Германии общие ценности с Соединенными Штатами, и мы не должны об этом забывать». Британский журнал «The Economist» предостерегал нового канцлера от тесного сближения с Аме-

---

рикой: «Даже такой политический акробат, как Меркель, может потерять равновесие, если заокеанские друзья слишком крепко сожмут ее в объятиях».

Первое время, правда, Меркель демонстрировала чудеса эквилибристики. Ее победа в 2005 году не привела к окончательному разрыву альянса между Россией и Германией. Да, она сбавила обороты в отношениях с восточным соседом, на смену устоявшемуся в шрёдеровские времена термину «дружба» пришло понятие «стратегическое партнерство». Но как бы ни «сокрушалась» немецкая пресса по поводу возвращения России в советское прошлое, госпожа канцлер продолжала укреплять альянс с Москвой в интересах немецкого бизнеса.

Хотя было очевидно, что делает она это через силу. Стоило только посмотреть на холодновато-деловой стиль общения Меркель с руководством РФ. Она стала критиковать нарушения прав человека в России и, продолжая развивать совместные проекты, запущенные в эпоху Шрёдера, с подозрением относилась к новым инициативам. Когда Путин предложил Германии эксклюзивную роль в освоении Штокмановского газового месторождения в Баренцевом море, Меркель это предложение отвергла, сославшись на принципы «общей энергетической политики ЕС». Канцлер все чаще заявляла о необходимости избавиться от энергетической зависимости, перейти на новые источники энергии и диверсифицировать газовые потоки.

Позитивным для России был тот факт, что в первом правительстве Меркель пост министра иностранных дел занимал Франк Штайнмайер, кандидатуру которого лоббировали влиятельные немецкие бизнесмены. И хотя бывший соратник Шрёдера находился в тени своей начальницы, в решающие моменты ему удавалось проявить характер. Например, после российской военной операции на Кавказе Штайнмайер выступил с резким заявлением, в котором призвал коллег по Евросоюзу «не идти на поводу у эмоций и не изолировать Россию».

Когда к власти в Соединенных Штатах пришла администрация Обамы, объявившая перезагрузку в отношениях с Москвой, многие заговорили об особой роли Германии в этом процессе. «ФРГ является мостом между Россией и Западом, — отмечал немецкий политолог Констанц Штелценмюллер в статье «Российская политика Германии: Ostpolitik для Европы», опубликованной в «Foreign Affairs», — и судя по всему, Берлин будет задавать тон в отношениях с Москвой как для США, так и для остальных европейских стран». Благодаря

жесткой позиции Германии в ЕС возобладала точка зрения противников дальнейшего расширения НАТО на восток. Немцы настаивали на том, что развитие нормальных отношений с Россией — в интересах западного мира, и продолжали вкладывать средства в российскую экономику.

Волна русофобии

В 2009 году ситуация изменилась. После парламентских выборов Меркель сформировала коалицию со свободными демократами, которые не были настроены на диалог с Москвой. Лидер СвДП Гидо Вестервелле, занявший пост министра иностранных дел, призывал защищать интересы «малых соседей Германии» в Восточной Европе, во многом разделяя характерные для них русофобские настроения. Да и сама Меркель все меньше прислушивалась к прагматикам в своем окружении, давая волю тем комплексам, которые сформировались у нее в юные годы. В отношении Шрёдера к России не было ничего личного, Меркель же выросла в ГДР, выиграла когда-то олимпиаду по русскому языку и, чтобы чувствовать себя своей в немецкой элите, постоянно была вынуждена отрешиваться от прошлого. Неудивительно, что она с таким воодушевлением клеймила авторитарные тенденции в российской политической жизни.

Еще один важный момент: второе правительство Меркель полностью подчинило свою внешнюю политику интересам Соединенных Штатов. Стоило немцам занять независимую позицию в ливийском вопросе, как союзники подвергли их остракизму, и в итоге Германии пришлось каяться за свои ошибки. Бывший канцлер ФРГ Гельмут Коль дал тогда разгромное интервью журналу «Internationale Politik», обвинив кабинет министров в «полной потере внешнеполитических ориентиров, непредсказуемости и пренебрежении обязательствами перед союзниками».

Вполне естественно, что возвращение Путина в президентское кресло в Берлине восприняли не менее прохладно, чем в Вашингтоне. «Российско-германские отношения вступили в полосу серьезных испытаний, — отмечала мюнхенская газета «Die Suddeutsche Zeitung», — если раньше Германия охотно брала на себя роль адвоката России на Западе, то теперь в речах немецких политиков зазвучали прокурорские нотки».

Еще в 2011 году Меркель объявила, что именно ФРГ — главное препятствие на пути к отмене виз между Россией и ЕС. И это несмотря на настойчивые призывы Восточ-

---

ного комитета германской экономики, в который входят влиятельные немецкие бизнесмены, ввести безвизовый режим с РФ.

Пост президента Германии с благословения Меркель занял бывший протестантский пастор и ярый борец с коммунизмом Йоахим Гаук. Он активно участвовал в диссидентском движении ГДР, стал одним из основателей гражданского движения протеста «Новый форум», а после падения Берлинской стены в течение 10 лет возглавлял скандально известное федеральное ведомство по изучению архивов Штази, которое до сих пор называется «ведомством Гаука». Гаук был одним из первых, кто поставил подпись под «Декларацией против преступлений коммунизма». И нет, наверное, ничего удивительного в том, что в прошлом году он отказался от поездки в Москву, где должен был участвовать в церемонии открытия Года Германии. Как объясняли это решение немецкие комментаторы, «бывший правозащитник из ГДР не пожелал пить на брудершафт с бывшим полковником КГБ, который работал в Восточной Германии накануне падения Берлинской стены».

Серьезные трения между Москвой и Берлином возникли и по внешнеполитическим вопросам. Весной прошлого года глава МИД ФРГ Гидо Вестервелле заявил, что Россия, защищая «кровавого мясника Асада», «находится не на той стороне истории». Сергей Лавров в ответ парировал: при всем уважении к господину Вестервелле — не он пишет историю.

Пощечина России

Вскоре Ангела Меркель назначила одним из руководителей Петербургского диалога известного атлантиста Андреаса Шоккенхоффа, лидера фракции правящего Христианско-демократического союза (ХДС) в бундестаге и координатора МИД ФРГ по германо-российскому межобщественному диалогу. Заступив на новый пост, «немецкий Маккейн» тут же продемонстрировал свою принципиальность. «Если открытый обмен мнениями между гражданскими обществами больше невозможен, — заявил господин Шоккенхофф в интервью газете «Der Tagesspiegel», — «Петербургский диалог» нужно закрыть».

9 ноября 2012 г. депутаты немецкого бундестага от ХДС, свободных демократов и «зеленых» протолкнули резолюцию, в которой раскритиковали Россию за авторитарные тенденции. Москве досталось за наделение западных НКО статусом «иностранных агентов», ужесточение закона о митингах

и восстановление уголовного наказания за клевету. Проходивший прошлой осенью «Петербургский диалог» с участием российского президента Владимира Путина и канцлера ФРГ Ангелы Меркель свелся к обмену колкостями и претензиями.

Стоит отметить, что новый поворот в восточной политике ФРГ совпал по времени с тем моментом, когда немцы фактически отказались от экономического суверенитета, приняв рецепты англосаксов по выходу из кризиса. Конституционный суд Германии одобрил масштабную программу помощи странам еврозоны, а Ангела Меркель дала добро на запуск печатного станка Европейского центрального банка. Хотя надо признать, что альтернатива у нее была: российские власти поддержали Германию в ее антикризисной стратегии, а углубление альянса с Москвой позволило бы ей удержаться на плаву в ходе следующей волны мирового финансового кризиса.

Впрочем, в первую очередь Меркель озабочена своим политическим будущим: ведь в этом году состоятся выборы в бундестаг. И хотя еще несколько лет назад ее ласково называли «супермамочкой немецкого государства», сейчас эксперты говорят о катастрофическом падении популярности канцлера. К тому же нынешние партнеры ХДС — свободные демократы — стремительно теряют очки и вряд ли смогут преодолеть необходимый для прохождения в рейхстаг 5-процентный барьер. В Берлине ходят слухи, что христианские демократы ведут неофициальные переговоры с лидерами СДПГ о создании «большой коалиции».

Как бы то ни было, антироссийская риторика на выборах в ФРГ всегда востребована. И своеобразные методы решения кипрского вопроса, которые подавались в немецкой прессе как пощечина России, могут принести очки правящей партии. «Наши налогоплательщики, — писала «Die Zeit», — не обязаны спасать грязные русские деньги. А Кипр давно уже является прачечной по их отмыванию. Думается, нет ничего страшного в том, чтобы русские нувориши раскошелились и выплатили разовый налог». Когда министр финансов Кипра Михалис Саррис поехал на поклон в Москву, Меркель отчитала его, заявив, что переговоры по спасению от банкротства Никосия может вести только с международными кредиторами без привлечения России. В общем, из прагматика немецкий канцлер постепенно превращается в опасного доктринера, живущего собственными эмоциями и чужими штампами.

ЛИБЕРАЛИЗМ — ЭТО РАЗЛОЖЕНИЕ

Эта болезнь называется либерализм. Она поражает душу и тело. Либерализм головного мозга (ЛГМ) — это без пяти минут ЛГБТ. Конечно, не всякий либерал мужеложник, но все извращенцы всегда либералы. Потому и называются «либерасты». Так что же такое либерализм? Как его определить? Попытаюсь образно осветить этот вопрос.

Когда живое существо умирает, его тело подвергается либерализму. Оно разлагается и гниёт, переходя из упорядоченного состояния в разложившуюся массу. Это явление есть лишь частный случай того, что в физике называется возрастанием энтропии. Энтропия — это такая физическая величина, которая служит мерой неупорядоченности, хаотичности, разложенности системы. Так вот, все самопроизвольные процессы в природе протекают таким образом, что энтропия возрастает. Только возрастает! То есть пустить все на самотёк — значит разложить.

Представьте, что вы сделали уборку в доме. Через некоторое время вы начинаете замечать, что вся система приходит в более неупорядоченное состояние: предметы уже лежат не там, где должны,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и их найти все труднее; грязь и пыль — откуда она берется! — все больше покрывает вещи; ну и т.д. И действительно, откуда возникает это разложение? А ниоткуда. Такова природа. Все суше подвержено тлению. Это закон возрастания энтропии. Есть ли из этого выход? Есть! Нужно сообщить энтропии отрицательное приращение. Но для этого нужно затратить энергию (вспомните, сколько сил стоит уборка или ремонт — это всё идет на уменьшение энтропии).

Но что значит затратить энергию? Это означает одно — мобилизация! Мы собираем волю в кулак и разделяемся с энтропией. Конечно, не навсегда, ибо она неуничтожима. Поэтому мобилизованность должна быть постоянной — мы должны быть готовы всегда дать отпор разложению. Поэтому и зарядку или занятия физкультурой необходимо делать регулярно. Дьявол энтропии не дремлет: дашь слабину — он тут же начнет соблазнять. «А может, сегодня отдохнешь, пожалеешь себя? Сколько можно работать? У тебя ведь куча прав и свобод».

Поддался соблазну энтропии — тут же начнешь разлагаться. Сначала это просто отдых, потом расслабление, потом лень, потом поиски оправдания своему разложению — и так, постепенно, в нравственном оцепенении приходишь к либерализму, когда уже мозги разложились настолько, что не соображаешь ничего, кроме как «живи в свое удовольствие» и «не парься». И незаметно для себя самого превращаешься в бесформенную гниющую массу.

Вот простой пример. Вытащите мороженое из морозильника — и оно начинает таять, стекать на тарелку, становиться все более толерантным и либеральным. То же самое происходит и с другими продуктами. А вот в самом холодильнике этого не происходит. Почему? Правильно, холодильнику сообщается отрицательная энтропия, т.е. от него отводится тепло. Но ведь для этого затрачивается энергия!

Так же и с человеком. Можно либо укрепляться, либо разлагаться. Третьего не дано. Но разложение всегда сладко. Поэтому либерализм так привлекателен. Он приторно сладок. Тошнотворно сладок. Потому, что это запах **разложения**. Так же тошнотворно сладки современные «европейские ценности». Когда-то они привлекали нас пресловутой «свободой», сегодня же от них исходит уже запах гниения. Мужеложество, прелюбодеяние, сладострастие и т.п. — все это последняя фаза разложения западной цивилизации. Идейным оформлением этого и является либерализм как разложение, нагруженное позитивным смыслом. Я нарочно говорю «позитивным», а не положительным, ибо «позитив» как раз входит в жизнь *через* раз-

---

ложение. «Позитив» — это и есть разложение. Не случайно это словечко пришло из «цивилизованного мира».

А вот еще один пример. Парашютисты говорят, что во время свободного падения, когда паришь в небе, испытываешь ощущения бесконечной свободы и эйфории. Потому что это падение вниз! По той же причине за последние 20 лет особенно возросла популярность горных лыж. Потому что это спуск вниз. Вниз, вниз, вниз... Это так сладко... Недаром русская народная поговорка содержит великую мудрость: «Любишь кататься — люби и саночки возить». Однако либералы любят только катиться вниз и свободно парить. Но любое свободное падение всегда оканчивается встречей с землей. Земля в буквальном смысле вправляет мозги тому, кто долго падал. Чем дольше — тем сильнее.

Насколько поразительно все сходится! Ведь в СССР были популярны именно походы в горы или по крайней мере отдых на реке, в лесу с палаткой. Это то, что требует затрат энергии, уменьшает энтропию. Кто поднимался в горы, знает, что именно подъем наиболее интересен. И ощущения, когда стоишь на вершине, несравнимы ни с чем. Потому что это маленький подвиг, преодоление себя. Но спуск более опасен! При спуске же возможно подсознательное расслабление, что трудности уже позади. В этом и заключается главная опасность. Никогда нельзя расслабляться!

А к чему призывают либералы? Именно к этому — расслабляйся, разлагайся, наслаждайся. К раскрепощению. Думаете, раскрепощение — это благо? Наши предки были поистине мудры. Они воспринимали бытие человека как вертикаль духа, иерархию ценностей, целостную крепость, омываемую морем соблазнов. Соблазны стремятся отворить ее. А как открывают крепость? Через ворота! Потому и осел, грузенный золотом, берет любую крепость — ему просто открывают врата. Крепость раскрепощается открытием врат, т.е. раскрепощение — это развращение! Вот это и есть либерализм. До него нельзя подняться, до него можно только упасть. **Нравственное падение есть либерализм.** Поэтому нельзя поддаваться призывам к раскрепощению и «европейским ценностям», ибо это падение.

Широко известны опыты с лягушкой. Если ее поместить в кастрюлю с водой и очень медленно эту воду нагревать, то она сварится в кипятке, даже не подумав выпрыгнуть. Ибо это очень приятно. Дьявол подступает через комфорт, соблазняя удовольствием.

Подобное можно наблюдать и с социальными системами. Вспомним Древний Рим, павший в пороках и разврате, ко-

---

торые там постепенно стали нормой, пока никто уже и пальцем пошевеливать не хотел ради общего дела. Да и какое общее дело может быть у разложившейся толпы?

Но что же такого привлекательного в разложении? Отвечаю: высвобождение энергии за счет разрушения связей в системе. Когда эти связи разрываются, выделяется огромное количество энергии. На этом же принципе основано получение энергии за счет расщепления атомного ядра, когда энергия связи выделяется вовне. При разложении общества энергия разорванных социальных связей уходит в потребление наслаждений и растворение-разложение в комфорте. Но для того чтобы разлагаться, необходима эта накопленная ранее энергия. То есть когда есть что разлагать и проедасть.

Это напоминает манию «приватизаторов» все распродать. Но это даже теоретически возможно лишь тогда, когда есть что продавать. А когда уже будет нечего? На этот вопрос у них нет ответа, т.к. падение в бездну подразумевает только падение. **Бесконечное падение вниз...**

Именно по этому пути пошел Запад с XVI—XVII вв. Накопив за предшествующее тысячелетие христианства (хотя и отпавшего от Вселенской Православной Церкви) большой запас энергии, Запад поддался соблазну его расходования. Расходования, но не пополнения. И чем дальше, тем больше. И если вначале, когда еще было что разлагать, это приносило обильные плоды в виде изобретения полезных вещей, повышения комфортности и обустроенности жизни, то к сегодняшнему дню весь запас давно исчерпан. Современный Запад — это беззаботный «гей-карнавал» на могиле некогда могущественной цивилизации, какая-то дьяволопоклонническая оргия, индустрия предсмертных наслаждений. И осталось этому действу совсем недолго...

Единственная опасность для нас заключается в том, что когда корабль тонет, вокруг него образуется воронка, которая может затянуть в пучину. Поэтому мы должны отплыть от этого тонущего «Титаника» подальше!

Либерализм начинается с головы. Недаром А.В. Суворов говорил: «Держи голову в холоде, а ноги в тепле». Только ноги! Наша голова должна быть холодной. Все наши мысли должны быть о благе Отечества. Вся наша жизнь должна быть самоотверженным служением Богу и Отечеству.

Так должно быть — и так будет!

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ЗЕМЛИ

К началу XX века в России появилась новая разновидность патриотизма — «патриотизм мечтательный» или «патриотизм застой-консервативный». Суть этого интеллигентского порождения сводится к горячему желанию вернуться в 1913 год. Но поелику такое путешествие во времени неосуществимо, наши патриоты-мечтатели грезят обустроить год 1913 в году 2013, что, конечно же, так же невозможно. Именно распространением патриотизма мечтательного объясняется во многом обилие в современной России разного рода ряженых.

То и дело приходится слышать о возврате к традиционному хозяйственному укладу, о реставрации монархии и так далее в том же роде. То, что какие бы то ни было переходы и возрождения не случаются с наскака и, не будучи следствием естественного хода вещей, превращаются в пустой митинговый балаган, патриоты-мечтатели знать не хотят. Их, по всей видимости, увлекает игра и страшит действительность, требующая ответственности.

Для обоснования своей правоты патриоты-мечтатели ссылаются на лучшие русские умы — на Данилевского и Достоевского, на

РУССКИЙ ВОПРОС

Каткова и Леонтьева и др. Но мог ли предвидеть Достоевский, что Малороссия вдруг станет незалежной Украиной и заявит о своей евроинтеграции? Мог ли знать Леонтьев, что якуты, мордва и татары (полный список, конечно, куда как пространнее) станут всерьёз поговаривать о собственной государственности? Могли ли все самые прославленные русские умы вообразить, что однажды Петербург и Архангельск, Ростов-на-Дону и Братск заявят, что мы, мол, не русские и Москву знать не хотим? Нет, такого не знал и не ждал никто. А потому если и есть у особо мечтательной части общества горячее желание вернуться в прошлое, то следует хотя бы признать, что XIX век нам никак не подходит. Скорее уж нам подойдёт век XIV, или время собирания земель. В самом деле, общий наш дом трещит по швам, того и гляди раскатится по брёвнышку. НАТО заглядывает в покосившееся наше окошко. А мы думаем о сарафанах, газырях и резных наличниках.

Вернуться в прошлое невозможно, как бы ни хотелось. Тот же, кто вопреки всякому здравому смыслу пытается это сделать, только топчется на месте вместо того, чтобы идти вперёд.

Каждая эпоха по-своему испытывает человека и бросает ему свои вызовы. И в зависимости от того, сможет или нет человек ответить на них, зависит не просто его будущее, но и право иметь это будущее.

Каковы же сегодня эти самые вызовы?

С тем, что в мире за последние два десятилетия сложился однополярный порядок и что полюс этот находится не где-нибудь, а именно в США, вряд ли кто-то поспорит. Также бесспорно и очевидно, что противостоять в той или иной мере США способны только крупные государства, обладающие сопоставимыми с американскими человеческими, экономическими и военными ресурсами. Не менее очевидно и то, что с целью не допустить подобного рода противостояния, США, как это не раз уже случалось, способны на всё. И, в первую очередь, на разукрупнение и дестабилизацию потенциального противника. А поскольку любое крупное государство является по составу многонациональным, то, естественно, самый короткий и верный путь к его уничтожению — это возбуждение национальной ненависти и подстрекательство к сепаратизму. Это внушение народам одной страны той подлой идеи, что самостоятельное существование вне пределов единого государственного образования суть несомненное благо, исполнение вековой мечты и, что самое важное, восстановление национального достоинства, попранного в результате оккупации злонамеренного соседа. И тут начинаются страшные сказки об уничтожении национальной куль-

---

туры, о голодоморе и умышленном спаивании, о преследовании родного языка и невозможности говорить на нём под страхом казematов, лесоповала, ссылки в тундру, а то и, чего доброго, расстрела.

Под эти рассказы вчера ещё ничего не подозревавшие о своём угнетении малые народы заходятся слезами и в пароксизме жалости к себе начинают ненавидеть «оккупантов», с которыми не так давно считали себя одной семьёй и ничего не собирались делить.

Тактика эта, что соответствует древнему принципу «разделяй и властвуй», настолько очевидна, что всякие разъяснения по её поводу кажутся каким-то ликбезом. А разговоры о русском национализме, о «выходе из состава», о «хватит кормить» и пр. — являются не чем иным, как преступным легкомыслием, недостойным государствообразующего народа, которому, может статься, из-за необдуманной болтовни образовывать в скором времени будет нечего.

Именно от русского народа зависит целостность его государства и, как следствие, его благополучие, независимость и право на собственную историю. Последнее, кстати, является важнейшим и основополагающим правом. А в отношении потомков и предков — так и вовсе святым долгом.

С развалом СССР не исчез этнический сепаратизм. Но кроме того, в современной России существует сепаратизм, связанный не только со стремлением малых народов к национальной независимости и этнической государственности. По всей стране тут и там то и дело проходят встречи и конференции, где обсуждается особая региональная идентичность русских. Так, например, в 2006 г. в Ростовском государственном университете прошла международная конференция, организованная Американским советом научных сообществ и Международной гуманитарной школой. Конференция была посвящена проблеме формирования... южнорусской идентичности! Нетрудно догадаться, что при желании можно заняться формированием идентичности, ориентированной на любую из частей света.

А вот в 2005 г. в Архангельске вышел «Краткий словарь поморского языка». Одно название уже говорит о многом. Но помимо того, что никакого такого «поморского языка» в природе не существует, что язык и диалект — это отнюдь не одно и то же, в предисловии автора-составителя И. И. Моисеева, встречаются, например, и такие пассажи: «*Поморы даже не считали Поморье частью России*», «*Ассимиляция в великорусской этнической традиции означает для поморов собственную этническую деграцию*». И т.д. Очень даже мо-

---

жет быть, что когда-то Тверь и Новгород тоже не считали себя частью России. Но на этом основании нельзя говорить о том, что ассимиляция тверяков и новгородцев в великорусской этнической традиции означала деградацию, поскольку и тверяки, и новгородцы, как, впрочем, и поморы, и псковичи и многие другие эту самую традицию и образуют. И обставлять дело так, как будто Великороссия — это Москва, а все остальные — независимые, свободолюбивые народы, значит попросту заниматься шельмованием.

В 2008 г. в качестве средства борьбы с коррупцией нижекубанские казаки предложили выйти Ставрополю из состава Российской Федерации. Существует немало организаций, открыто призывающих к выходу из состава России Сибири на том основании, что Сибирь-де — колония России и потому имеет право на самоопределение. Причём подобного рода заявления исходят, как правило, от русских, проживающих в Сибири. Есть и просто русские националисты, зовущие к самоопределению русский народ, исходя из чего можно сделать вывод, что русский народ также находится в колониальной зависимости. По-видимому, от всех прочих народов, населяющих Российскую Федерацию. Под предлогом восстановления уникальной региональной идентичности, раздавленной имперской унификацией, борцы с единой и неделимой Россией приглашают российские регионы размежеваться, дабы не быть более друг другу в тягость.

Об этих бредовых, невежественных фантазиях можно сказать словами М.Ю. Лермонтова: *«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно»*. Ведь все эти разрозненные, казалось бы, выступления и публикации льют воду на одну мельницу: вместе они уничтожают в общественном сознании образ единой и неделимой России, подтачивают мысль о невозможности расчленения огромной страны, медленно, но неотступно внушают идею, что, будучи разделённой на множество мелких государств, Россия не просто ничего не потеряет, но даже, пожалуй, и выиграет.

Малым народам и регионам навязывается мысль о том, что хватит им быть колониями России, пора и о себе подумать. Русский народ призывают перестать кормить разных дармоедов. По сути же, не только народы России, но и соседствующие области исподволь стравливают друг с другом.

При этом скромно умалчивается о перспективах такого «развода по-русски». Например, о том, что, выйдя из состава единой страны, малые народы, в особенности те, чьи недра напичканы ископаемыми, незамедлительно поймут, что такое на самом деле быть колонией. Что же касается русского

народа, то отделившись от младших братьев, он перестанет существовать как сколько-нибудь значимый этнос. И лучшее, что его ждёт, — это окончательное одичание и полуголодное существование среди родных болот.

Десятого декабря 2011 г. на телеканале РТР в передаче Д. Киселёва «Национальный интерес» генеральный директор Института внешнеполитических исследований и инициатив В.Ю. Крашенинникова рассказала, как в данном ей интервью Р. Робинсон, один из авторов стратегии уничтожения СССР, назвал среди прочих внешнеполитических целей США образование на территории России массы враждующих между собой военно-феодалных образований. Если российскую власть не заинтересует впечатление, производимое на коренных жителей Сибири утечкой нефти прямо-таки из-под ног, или то обстоятельство, что многонациональная страна не может существовать без скрепляющей народы идеи, то, пожалуй, американцы вскоре «сделают это».

Низкий уровень жизни, в том числе и богатых ископаемыми регионов, отсутствие внятной идеи относительно того, зачем «все мы здесь сегодня собрались», плюс поистине хищническая активность недремлющего заокеанского соседа — вот гумус национального и регионального сепаратизма России XXI в. И если не иссушить эту плодородную почву, несложно представить себе плоды, которые она принесёт в недалёком будущем.

На чём же может зиждиться современная идеология? Кто и как может убедить народы и регионы России оставаться по-прежнему одной страной?

Основываясь не на мечтательности, а на действительном положении дел, можно утверждать, что сегодняшними скрепами могут быть только «нацию-образующие» скрепы, то есть идея, провозглашающая единство российско-евразийской нации, состоящей из множества народов и обладающей общим для всех национализмом. А проявления какого бы то ни было сепаратизма должны не просто строго караться, но подвергаться остракизму. Другими словами, любой внутрirosсийский сепаратизм должен стать делом презренным.

Именно об этом писали в начале XX в. классики евразийского движения. Появившееся в 20-е гг. в среде русских эмигрантов, после II Мировой войны евразийство было забыто. Но к концу XX в. интерес к нему возродился, поскольку именно евразийские идеи дают ответы на поставленные сегодня временем вопросы.

Не раз доводилось слышать, что евразийство — это всего лишь философия, игра ума. И что место одной философской

идеи всегда может занять другая, точно так же не имеющая отношения к действительной жизни. Но, во-первых, евразийство нацелено на то, чтобы каждый человек в стране понимал и создавал свою принадлежность к органическому единству, разрушение которого никому не сулит ничего доброго и полезного. И только уже поэтому евразийство не является отвлечённой идеей. А во-вторых, идеология должна не подстраиваться под реальность, но корректировать её. Любая идеология появляется в обществе с целью закрепить мировоззренческую систему. Любому обществу, как и любому индивиду, необходимо решить проблему идентичности. Именно для решения этой проблемы существует идеология, обладающая одновременно репрессивными и скрепляющими функциями. В обществе, где упразднена идеология, некоторое время сохраняется эйфория, связанная с исчезновением репрессивной функции. Однако эйфория сменяется депрессией и растерянностью, вызванными исчезновением скрепляющего начала. Ощущение тревоги, неспособность понять себя и своё назначение в жизни, утрата всякого смысла появляются в обществе вскоре после отмены идеологии. На этой стадии общество начинает новый поиск идей.

Именно на этой стадии пребывает сегодня российское общество, нуждающееся как никогда, может быть, раньше, в жизнеобеспечивающей системе.

Как бы ненавистно ни было нам наше настоящее, вернуться в прошлое мы всё равно не сможем. А равно и подладить прошлое под настоящее. Прошлое может быть только переосмыслено, а переосмысление способно стать основой будущего.

Но евразийство* — это невоплощённые идеи, ждущие своего часа почти сто лет. А потому и говорить о них как о прошлом нельзя. Этим идеям только ещё предстоит стать настоящим.

---

* В XXI веке идею евразийства также необходимо переосмыслить. Настало время, по нашему мнению, вести речь о **русском евразийстве**. — Ред.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЗМЕНА

Корреспондент газеты «Экономика и Мы» беседовал с известным экономистом Вазгеном Авагяном.

— Вазген Липаритович, согласно заявлению экспертов — участников межвузовской исследовательской группы «Молодёжная стратегия 2020», «для нормального развития российской экономика нуждается в привлечении мигрантов». Насколько такое утверждение прикормленных возле правительства экономистов соответствует действительности и что за ним стоит?

— Это некомпетентная ложь, и это вредная ложь. Вредная она потому, что санкционирует ускоренную смену русского народа другими, превращение всей России в одно большое Косово. Предполагаю, что за этим прямо или косвенно стоят круги мирового сатанизма, остро ненавидящие русский народ и мечтающие уничтожить его любыми руками, какие только подвернутся.

— Но вы сказали также, что это некомпетентная ложь?

— Абсолютно! Российская экономика современного типа — это экономика трубы и сырья, в ней не только нет нехватки рабочих рук, напротив, в ней до 80% населения (коренного, заметим, а не мигрантского) — объективно излишни. Для того чтобы в РФ возникла нехватка рабочих рук, нужен совершенно другой тип экономики. В настоящее же время правительство постоянно ведёт речь о том, чтобы сократить сверхраздутые штаты то одного, то другого ведомства. Но при этом забывают, зачем штаты раздувались: нужно было куда-то трудоустроить «лишних» в экономике трубы людей, чтобы те не пошли на баррикады...

Реальный производственный сектор РФ по сравнению с РСФСР сократился в 4—5 раз. Население, по счастью для всех нас, любящих русский народ, настолько всё-таки не сократилось. Сокращение населения идёт, оно составляет проценты — страшные проценты, но всё же не разы, как в производстве и реальной экономике.

Как же можно в ситуации, когда у нас сверхраздутые штаты всех богаделен, говорить, что экономике России нужны мигранты? Для чего они нужны — чтобы пополнить и без того сверхраздутые штаты богаделен?!

Правда в том, что современному русскому человеку на своей земле работать просто негде. Большинство зарплат в стране — не зарплаты в полном смысле этого слова, а обеспеченные госблаготворительностью пособия по безработице.

Чтобы не быть голословным, возьму номер газеты «Про работу». Здесь чёрным по белому написано: «...*Самые мрачные прогнозы экспертов начали оправдываться — в России началась череда массовых сокращений персонала... То, что в России начались массовые увольнения, уже не подлежит сомнению. О сокращении сотрудников в один момент объявили сразу несколько крупных кредитных организаций. И речь идёт не только о брокерах, финансистах и банковских служащих. Теперь рискуют потерять работу даже те, кто с финансами никак не связан. Сокращение персонала идёт в ряде отраслей промышленности, строительства, торговли, финансовом секторе и сфере услуг. Об увольнениях заявили крупнейшие автопроизводители — КамАЗ и ГАЗ.*

...По словам экспертов, в ряде компаний сокращения достигли 30—40, а то и более процентов от персонала... В первую очередь, это коснулось низового звена — кое-где его урезали на 80%. Средний сегмент — на 20%. Меньше всего пострадали топ-менеджеры: их сократили всего на 5—10% — прежде всего заместителей.

...Зачастую увольнения маскируются под вынужденный бессрочный отпуск без содержания. Всё чаще работодатели отказываются от штатной единицы, нанимая людей по временным договорам или попросту загрузая оставшихся.

По данным исследования консалтинговой компании AXES Management, каждый второй работодатель в России готовит массовые увольнения... и планирует уволить в среднем по 10% персонала... Как это ни парадоксально, в розничных сетях теряет работу каждый третий-четвёртый.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) предлагает внести в Трудовой кодекс поправку, которая отменила бы обязательство работодателя в течение двух

месяцев выплачивать заработную плату сотруднику, уволенному по сокращению штатов. РСПП предлагает переложить эту обязанность с работодателя на государство...»

Ну, это всё общеизвестно и каждый ощутил на своей шкуре. В России нет работы. Нет работы для своих. О каких мигрантах и в какие сферы может идти речь?!

— Но, Вазген Липаритович, нас убеждают, что мигранты идут на грязные и черные работы, куда местные идти просто не хотят...

— И снова враньё. Люди вообще не хотят идти работать, и делают это всегда вынужденно, потому что кушать хочется. Так что кормить на грязных работах нужно получше, платить побольше... Тогда потянутся! Но работодатель подл, он не хочет завлекать местных бонусами, он хочет получить киргиза задарма, не думая ни о будущем страны, ни о будущем своего народа. Я говорил и всегда буду говорить о совершенно очевидном законе экономики: **всякое повышение предложения рабочей силы роняет оплату труда в стране**. Чем больше желающих получить работу — тем ниже зарплаты. Наоборот, совершенно очевидно компетентным специалистам: чем меньше желающих занять вакансию, тем выше в итоге оплата труда на ней. Создавать своими руками в своей стране искусственное снижение зарплат ввозом мигрантов — это или безумие, или что-то хуже безумия, пахнущее национальной и гражданской изменой!

Вот информация: Минфин РФ хочет в 2013 году сократить 25% госслужащих. Сокращение коснётся в первую очередь секретарей, архивариусов, делопроизводителей — «обеспечивающих специалистов» в федеральных, региональных и муниципальных органах власти. Реализация программы, по предварительным оценкам, может оставить без работы до 200 тыс. российских госслужащих. Вот ещё: численность Федеральной службы РФ по наркоконтролю (ФСКН) к 2016 году будет сокращена на 15%. Вот ещё сообщение: «Почта России» сократила 8 процентов своего персонала. Сокращения коснулись около 33 тысяч человек... И так по каждому ведомству. Количество рабочих на заводах и фабриках РФ по сравнению с 1991 годом, по данным Госкомстата, сократилось в 4 раза — то есть там, где работало 40 тыс. человек, осталось в лучшем случае 10 тыс.

Практически нет ни одного предприятия, которое расширяло бы штаты: идёт тотальное сокращение штатов всеми и повсюду. «В России растёт число безработных» — сообщил 1 марта Росстат. Он опубликовал данные выборочного обследования населения по проблемам занятости в янва-

---

ре. Согласно его результатам численность официальной безработицы по сравнению с декабрём прошлого года в России выросла сразу на 17% — на 652 тыс. человек, достигнув уровня в 4,447 млн. человек.

Уровень официальной безработицы (который ниже реального не менее трёх раз) составил 6% трудоспособного населения, сообщает сайт Regions.ru. По сравнению с декабрём 2012 года численность занятого населения в январе 2013 года уменьшилась на 810 тыс. человек, или на 1,1%. Количество рабочих мест убывает куда быстрее, чем вымирает население... И в этих условиях вылезают облечённые доверием правительственные советники и начинают говорить, что нам никак нельзя обойтись без мощного притока мигрантов. Да в своем ли они уме?

Не буду голословным, процитирую: «Экономика нашей страны **не может не привлекать** мигрантов», — объяснил ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов. «С ним согласился ректор РАНХиГС при президенте РФ Владимир Мау», — сообщают новостные ленты. И вот эти два человека, которые считаются экономическими теоретиками российской власти, предлагают в условиях тотальной безработицы и ненужности людей реальному производству (которое просто свёрнуто)... упростить правила получения гражданства для гастарбайтеров.

Мало им дикой миграции из Азии — они ещё вредительски предлагают: «Поскольку без гастарбайтеров экономике не обойтись, эту сферу нужно цивилизовать». Они считают, что этому способствовало бы введение должности омбудсмена по правам мигрантов. «Назначение омбудсмена по правам мигрантов поможет защитить права мигрантов, защитить их от произвола чиновников и работодателей», — утверждает член исследовательской группы «Молодёжная стратегия—2020» Павел Прокофьев.

«Омбудсмен может быть полезным с точки зрения «пиара проблемы», то есть он может озвучивать проблемы мигрантов в обществе», — согласился заведующий лабораторией межбюджетных отношений Института экономической политики им. Гайдара Владимир Назаров. «Проблема распадается: ФМС занимается одним, милиция — другим, и непонятно, кто должен комплексно смотреть на эту сферу. Омбудсмен будет полезен, чтобы артикулировать эту проблему», — сказал Назаров.

Как я могу прокомментировать такие новости? Видимо, речь идёт о прямой национальной измене с циничным использованием служебного положения. Все эти вышперечис-

---

ленные люди получают зарплаты от государства и пользуются в Кремле авторитетом экспертов. Они абсолютно ложно ставят проблему и абсолютно ложно её решают. При катастрофической нехватке рабочих мест для своих граждан они предлагают возить вагонами инородцев, переселяя российские города чужими племенами, чаще всего дикими и враждебными всему русскому..

— Каковы, на ваш взгляд, реальные потребности современного типа экономики РФ в людях и сколько у России при ныне действующей модели экономики реально лишних граждан?

— Для начала не станем забывать тот закон экономики, который все студенты экономических вузов учат на 1-м курсе, если они не купили свой диплом: потребность в людях на любом производстве с развитием прогресса объективно уменьшается, а избыточное предложение дешёвой рабочей силы **тормозит механизацию и автоматизацию производств**. Вспомним хотя бы волжских купцов, которые отвергли проект самоходной баржи Кулибина из-за дешевизны и доступности бурлаков! Чем дешевле и больше предоставляется бизнесу рабочих рук, тем неохотнее он вводит новые технологии. Те, кто ввозит в РФ массы гастарбайтеров, таким образом, искусственно тормозят процесс технического перевооружения российских производств.

Но это — далеко не всё. Мы говорили о производстве вообще, которому крайне вредно чрезмерное предложение трудовых услуг — как роняющее оплату труда и тормозящее технический прогресс. Теперь проанализируем ситуацию, которую эти «эксперты» создали конкретно для РФ. В России построенная экономика сырьевая, экономика природной ренты. Для реального полного обслуживания всей этой экономической конфигурации за глаза хватало бы 30 млн. человек.

Я беру не только обслуживающих трубу лиц, но и тех, кто их учил бы, лечил, развлекал и всяким иным образом обслуживал в сферах сервиса. Именно таково население сопоставимой с РФ по климату и территории Канады — а именно 35 млн. 500 тыс. человек. Население Австралии — 19 млн. человек. Кто сказал, что капитализм в РФ востребует много больше рабочих рук — плюньте тому в лицо. Больше не нужно в этом типе экономических отношений, больше **рынком труда не востребовано**. Больше можно содержать только за счёт той или иной благотворительности. Той благотворительности, которой В. Путин, кстати, в тучные нефтегоды и занимался довольно активно, фактически **подкупая тунеядцев** — чтобы они за него голосовали.

У России две проблемы. Первая — куда девать те 100 млн. человек, которые не вписываются в рынок труда? Вторая — в 30 млн. реальных вакансий влезут ещё и мигранты из Азии, то есть даже эта ничтожная квота для русских отменяется как квота для русских, за неё предлагается посоревноваться со всеми племенами и языками нищей голодающей планеты на забаву хозяевам предприятий!

— И это должно знать всё коренное население России?

— Да, это наш долг как специалистов по экономике — рассказать всем, что правительственными экспертами пропагандируется национальная измена под прикрытием своего служебного положения.

Олег КУРАЕВ

О НАРОДОЛЮБИИ

(Об истинном и ложном патриотизме)

Патриот, да не тот

Хорошо быть патриотом в Соединенных Штатах. Большая богатая страна с прекрасным климатом и высоким уровнем социальных гарантий населению. Передовые технологии, развитая медицина, всемирно известные университеты с сильным преподавательским составом — одних лауреатов Нобелевской премии сколько! О товарах, скоростных «хайвеях», полицейских, не беруших взятки, Голливуде и обо всем остальном, с чем ассоциируется это государство, — умолчу. Конечно, есть там недостатки (куда ж без них), но то, что многие в мире мечтают оказаться в числе ее граждан, уже говорит о многом. Американцы по праву гордятся своей страной и ее лидирующей ролью в мире.

Другое дело, быть патриотом в России. Не буду утомлять читателя перечнем внутренних «нестроений», все и так прекрасно всё знают. Только чиновничья коррупция, помножен-

---

ная на дороги (асфальт с которых сходит вместе с весенним снегом), сводит на нет даже зачатки этого чувства у многих моих сограждан.

Страна наша в отличие от Америки имеет давнюю и богатую на события историю. Один лишь XX век по насыщенности произошедшими событиями, их трагизму и накалу страстей, затмит всю историю США, начиная от первых колонистов и до нынешних времен.

Русский характер ковали суровый климат, войны, внутренние распри, гнет бар-самодуров, неурожаи и прочие напасти. Годы, когда Россия жила в мире и благоденствии, можно, как говорится, сосчитать на пальцах. Какой век ни возьми — большую часть времени с кем-то (или с чем-то) боролись, что-то преодолевали. Короче, что ни столетие — рвали жилы. Но как раз этот-то характер и помог выстоять в последней войне. Всё было против нас: и Европа со своим огромным людским и военным потенциалом, и большевистский геноцид против собственного народа, отнюдь не добавивший нашему народу патриотических чувств. А ведь сдюжили и против этой напасти. Гитлеровские генералы в своих мемуарах так и не смогли дать ясного ответа — почему? Пеняли то на мороз, то на бездорожье, то на Гитлера, который у них из гениального военного стратега сразу после Сталинграда превратился в бездарного недоучку.

Зная, что пришлось испытать народу нашему от безбожной власти, народу, хлебнувшему лиха и от «демократов» ельцинских времен, зная масштабы продажности чиновников всех уровней в сегодняшней России, быть патриотом невероятно трудно. Из генетической памяти живущих никакой кислотой не вытравить постоянный обман государством своих сограждан за последние сто лет. Люди старшего поколения хорошо помнят выброшенные на помойку бумажки-облигации послевоенного займа, лукавые денежные реформы, неподъемные налоги на скотину и фруктовые деревья в личных подсобных хозяйствах разоренных войной деревень. Об ограблении населения сразу после развала «союза нерушимого» просто умолчу, ибо слов цензурных нет.

Одним словом, любить Россию так, как любят свои благополучные страны живущие в них народы, — невозможно. Принцип: «Ты мне — я тебе» здесь не работает. «Не по хорошу мил, а по милу хорош» — это про нас. Короче, все не как у других.

Но этот-то патриотизм, не замешанный на личном благополучии и выгоде, — дорогого стоит. Жене, которая любит мужа пока он на «коне» и приносит ей большую зарплату, — грош цена. А заболит благоверный? Попадет в аварию и станет инвалидом, что тогда? На такую в трудную минуту не обопрешься.

Многие из «наловивших рыбки» в мутной воде постперестроечных времен с презрением относятся к своему дому, в котором выросли и состоялись, спят и видят себя гражданами «просвещенной Европы». Как вам такое объявление: *«Ищу страну с низкими финансовыми рисками, высокой социальной защищенностью, в том числе и от уголовного преследования за финансовые махинации в своем бывшем государстве. Переведу капиталы. Буду добросовестным законопослушным гражданином и верным патриотом своей новой родины»*. В одном только Лондоне таких «патриотов» с уворованными у России капиталами с каждым годом прибавляется. А может, это и к лучшему? Волны несут дерьмо в сторону Туманного Альбиона — а у нас меньше воняет.

Сейчас становится всё больше людей, делающих себе карьеру с помощью патриотической риторики. Времена изменились, и быть государственным политически выгодно. Либерально-демократические фракции за ненадобностью поवेशены в шкаф (разумеется, до лучших времен). Нынче в моде стиль «а ля рюс»: любить свое отечество не потому, что оно мне... а вопреки. Вопреки всякой рассудочности и здравомыслию западного человека. Потому, что это моя страна, потому, что я в ней родился и живу, потому, что дед по матери погиб под Курском, а дед по отцу сгинул по навету в лагерях (продолжать каждый может сам).

Можно не сомневаться, тяжелые времена у нас рано или поздно наступят опять. Кто-то усмехнется и скажет: «Да они и не прекращались, глаза-то раскрой!» Нет, я имею в виду настоящее лихолетье. Кто поднимется на бой с супостатом? Да те же, что и в Отечественную, — простые люди, в большинстве своем ничего хорошего от государства не получившие, а многие им к тому же сильно обиженные. Карьерист, воруя или бизнесмен-наториш, в какие бы одежды записного патриота-государственника они ни рядились, — положить живот свой за други своя спешить никогда не будут. Вспомните хотя бы Москву середины октября 1941 года. Кто впереди всех беженцев (стариков, женщин и детей) на персональных авто, набитых барахлом и жратвой, спешил прочь из города в восточном направлении? Номенклатура — элита того времени!

Любить свою стану надо учить с младенческих лет. Увы, то, что сегодня творится на телевидении и в СМИ, этому не способствует. Отсутствует по данному вопросу и внятная политика государства. Давно не снимают хорошие детские фильмы, на которых воспитывалось старшее поколение. Голос Русской Православной Церкви едва пробивается сквозь этот мутный, зловонный поток.

Сколько времени нам всем отпущено до очередного испытания на прочность — ведомо одному только Богу. Но если оно нагрянет сейчас — «поколение пепси», боюсь, не сдюжит, а более старшее — уже не годится для ратных дел.

Поэтому тратить оставшееся время на «развлекуху» и «гламурятину» глупо и преступно перед нашими потомками.

Несколько слов в защиту русского национализма

Спросите на улице любого пенсионера, что такое интернационализм, и он вам прочтет изрядную лекцию на данную тему. Старшее поколение знает об этом не понаслышке, ибо слово это было из разряда ключевых в формировании сознания советских людей.

Интернационализм в СССР делился на внешний и внутренний. С первым проблем, в общем-то, не было: ну пришли на собрание (как правило в рабочее время) осудили белых колонизаторов, высасывающих соки из какой-нибудь Родезии или Буркино-Фасо, пожалели бедных негров, борющихся за свои права, заодно поговорили о погоде, о футболе и разошлись по рабочим местам. Какие гигантские средства отпускались «папусам» (и другим странам третьего мира) из государственного бюджета вместе с нашей жалостью — власть благоразумно умалчивала, об этом знал только узкий круг посвященных. Да и та же Африка для невыездного советского человека была все равно, что Луна, если видели ее, то только по передачам «Клуб кинопутешествий» и «В мире животных». Одним словом, «угнетенные» обитатели Черного и других континентов массово в стране не присутствовали, а следовательно, глаза нам своим экзотическим видом и поведением не мозолили. Проявлять солидарность издалека, оно как-то спокойнее.

С внутренним же интернационализмом не все так просто. Расширяясь, Российская империя вбирала в себя все новые этносы, которые издавна жили на этих территориях. Где-то присоединения происходили мирно, кто-то сам просился под крыло могучего двуглавого орла, спасаясь от тотального уничтожения со стороны воинственных соседей, как, например Грузия. В иных местах завоевания диктовались стратегической необходимостью, дабы покончить с постоянными набегами на исконно Русские земли. Поэтому и Казань и Крым и Северный Кавказ пришлось завоевывать силой русского оружия. Этой же силой на протяжении 120 лет польские земли удерживались в составе Империи.

Русские цари вели мудрую национальную политику по отношению ко всем народам, населявшим Державу, сохра-

---

няя их уклад и обычаи, поэтому к началу XX века если и были столкновения, скорее на местечковом уровне, да и то в основном между аборигенами. К проживающему там русскому населению относились, как правило, уважительно, видя в нём носителя великой культуры и третьей судьбу в межнациональных конфликтах. Февральская революция и последующая за ней катастрофа разрушили устоявшуюся жизнь. Страна стала напоминать муравейник, который забавы ради перекопали лопатой. Только перед Великой Отечественной войной удалось стабилизировать ситуацию в национальном вопросе, да и то скорее внешне. Гитлеровская оккупация проверит на «вшивость» многие малые и не очень народы и выявит их истинную лояльность к государству «победившего пролетариата», а заодно поставит оценку 20-летней работе по укреплению межнациональных отношений с классовых, марксистско-ленинских позиций.

Все последующие попытки политического руководства слепить из многонациональной страны единую общность — советский народ не принесли ожидаемых результатов и таким трудом возводимая хрупкая конструкция рассыпалась вместе с Советским Союзом. Ну, в самом деле, что могло быть общего между туркменом и эстонцем кроме «серпастого и молоткастого», в котором и тот и другой гордо именовались гражданами Союза Советских...

Всплеск национального самосознания в постсоветский период — нормальная защитная реакция любого этноса, не желающего раствориться в других народах, желание сохранить свою веру, язык, культуру, обычаи. Когда речь идет о малых народностях, населяющих бескрайние просторы одной шестой земли, — это всеми воспринимается нормально, с пониманием. Государство даже выделяет из бюджета средства на проведение разных фестивалей народного творчества, оплачивает поездки фольклорных ансамблей за рубеж. Но как только заходит речь о русском национальном самосознании — тут же раздаются вопли со стороны представителей национальных меньшинств и «нашей» «прогрессивной общественности» о русском фашизме, о черносотенном экстремизме и еще бог знает о чём.

Но почему народности в десяток тысяч человек, сидящей на государственных дотациях, можно быть националистами, а русским нет? Да, все народы в нашей стране равны, но русский народ — костяк! Без него государство Российское тут же рассыплется на национальные анклавные, которые ментально будут оккупированы «иноплеменниками», жаждущими новых территорий с их природными ресурсами. Как говорится, свято место пусто не бывает.

Недаром Сталин на банкете в честь Победы поднял тост: «За великий русский народ!» Кто-то «шибко умный» его даже поправил: «За советский, товарищ Сталин». Он повторил для «умника» и всех присутствующих: «За русский народ!» По сегодняшним меркам это звучит неpolitкорректно (слово-то какое гадкое!), зато в самую точку. Войну выиграл прежде всего русский народ.

Поэтому быть русским националистом — значит быть патриотом своей страны. Те, кто разжигает национальную ненависть в СМИ или сбиваются в стаи и «мочат» на улицах попавшихся прохожих с неславянской внешностью — не патриоты, а недоумки-provokatory, раскачивающие Державный корабль. Пушкин или Екатерина Великая гораздо более русские, чем Бухарин или Горбачев.

Любишь Россию, гордишься ее славным прошлым, болит душа за настоящее, желаешь ее возрождения и восстановления былого величия — значит, ты русский!

Политическая элита никак не может сформулировать четкую национальную политику. Возможно, сказывается инерция недавнего прошлого, когда в головах «истеблишмента» той бесславной поры слова: «русский националист» и «русский фашист» были синонимами. Похоже, сейчас начали происходить первые подвижки в этом направлении. Дай-то бог!

Не открою секрета, если скажу, что принципы национальной политики были сформулированы еще несколько столетий назад всего в трех словах: Самодержавие—Православие—Народность. Не надо ничего выдумывать, нужно только вернуться на правильный курс.

О пользе чтения комментариев

Тема межнациональных отношений приобретает в стране все большую остроту. Практически ни один новостной канал (будь то ТВ или Интернет) не обходит ее своим вниманием. Поводы различные: стреляющие свадебные кортежи, кровавые стычки с молодыми «джигитами» у ночного клуба, торговля наркотиками, заселение выходцами с Кавказа исконно русских территорий и т.д. Тон статей — от политкорректного до сдержанно-осуждающего в зависимости от направленности издания.

О реакции же читателей можно судить по отзывам на такие статьи. Некоторых авторов вполне реально привлечь к уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни, в крайнем случае за оскорбление национального достоинства «героев» прочитанных ими заметок. Причем такую

неприкрытую неприязнь вызывает не собственно само деяние, а то, что оно было совершено лицом не титульной нации. Слова «уроды», «чурки», «хачи» — самые безобидные во многих читательских комментариях в Интернете. По стилю написания некоторых отзывов (если не брать в расчет нецензурные высказывания), язык не поворачивается сказать, что их авторы маргиналы, которые, кстати говоря, если и используют Интернет, то в основном для скачивания фильмов, а подобные статьи читают редко и еще реже пишут на них отзывы.

Вот по таким, малозаметным на первый взгляд, нюансам тоже можно определять умонастроения, царящие в обществе. И умонастроения эти говорят о том, что градус кипения все более и более повышается, а подогревает его поведение приезжих. Причем под приезжими я не имею в виду русский и иные славянские народы, которые перебираются в Москву и другие крупные города на заработки. Общий язык, общая культура, менталитет, наконец, внешность, не делают их в сознании местного населения «понаехавшими тут». А замечка в хронике происшествий о том, что уроженцы Тамбовской области или Белоруссии ограбили магазин — не вызовет бурю оскорбительных комментариев с национальным подтекстом.

Нынешняя власть осуждает национализм как деструктивную силу, способную расколоть наше сообщество и посеять хаос. Но разве те же кавказские народы не националисты? Ну кто на полном серьезе скажет, что чеченцы или дагестанцы считают русских своими? Так почему им можно быть националистами, а нам нельзя? И почему здоровый русский национализм должен расколоть русское общество?

Внедрившиеся на протяжении всего советского периода идеи интернационализма не выдержали проверку временем. С крахом СССР все межнациональные противоречия вылезли наружу, как гвозди из дырявого мешка. Лидеры бывших союзных республик, а теперь независимых государств, пришли к власти, взяв на вооружение идею национальной самоидентичности. Одним словом, Грузия для грузин, Узбекистан для узбеков и далее по списку. Проживающие там русские оказались людьми второго, если не третьего сорта.

Те, кто убежал в Россию, перебирались сюда, потеряв всё имущество, на свой страх и риск, мыкаясь по съемным квартирам и годами добиваясь российского гражданства. А сколько квалифицированных специалистов, не выдержав издевательств и равнодушия местных чиновников, навсегда уехали за границу в поисках лучшей доли. Их уже не вернуть. Теперь взамен миллионов русских, обладающих так необходимыми здесь специальностями, мы имеем неквали-

---

фицированную рабочую силу из стран Средней Азии, неконтролируемую миграцию, всплеск этнической преступности, экзотических болезней и размывание русского этноса. Вот такой грустный бартер.

Мы живем в собственной стране с ее многовековой культурой, укладом, традициями. Сейчас я не беру в расчет Северный Кавказ, который с каждым годом в сознании русскоязычного населения де-факто все меньше отождествляется с Россией и потому, что там уже практически не осталось русских и из-за постоянного негатива и тревоги, исходящих из тех мест. Думаю, нечто подобное испытывали наши далекие предки, когда смотрели на Восток, в сторону Золотой Орды.

Учеными-демографами давно выведен процентный порог мигрантов, которых принимающая сторона, как говорится, в состоянии «переварить». В России этот порог многократно превышен, а «не переваренные новоселы», плюющие на законы страны пребывания и живущие по своим обычаям, — герои криминальной хроники, а также объект неприязни, а порой и ненависти местного населения. И в первую очередь, как ни прискорбно, это относится не к иностранным рабочим из Средней Азии, а выходцам из Северного Кавказа с российскими паспортами.

В любой нормальной стране должен быть приоритет национальных ценностей проживающего там государствообразующего народа. Разумеется, при этом не должны подавляться и запрещаться обычаи и культура других проживающих там народов (если они, конечно, не нарушают законов и обычаев страны пребывания). Партии и движения, поддерживающие и продвигающие такие идеи, пользуются поддержкой коренного населения этих стран и считаются патриотическими. В России такие партии и движения власти и СМИ продолжают считать шовинистическими, черносотенными, в лучшем случае иронично-брезгливо называют «ура-патриотами». Особенно в этом усердствуют наши «либералы» и телевизионные «гуру», предлагающие вместо национальной идеи невнятные рассуждения об общемировых ценностях, свободах всех и во всем и проповедующие гедонизм как высшую цель и благо всей человеческой жизни.

Только спустя 20 с лишнем лет после развала СССР что-то стало доходить до верховной власти, и она начинает делать робкие шаги в этом направлении. Но сколько же времени было потеряно впустую!

НАРЕЧЁННАЯ

РАССКАЗ

1

Не грела кровь. Не узнавал себя в зеркале. В глазах, да и во всём облике вольготничала цепкая внутренняя ржа, зырилась чем-то чужим. Томилось, плакало бессловесное сердце, и даже принуждённой улыбкой не удавалось избыть обложную печаль.

— Побыл у врачей... Пап, ты... В общем, ты мужественный...

Зятю нелегко, взгляд мимо, хотя вроде и на тебя:

— Готовы анализы... Сказали: «Однозначно рак... Не особо злой...»

Открывшийся ужас обрушил в бездонную пустоту — всё померкло. Всё стало лишним. Зять поспешил уйти. Освободил и себя и Михаила Николаевича от обременительного общения. Понять его нетрудно: ты уже вроде как отсутствуешь. Даже о погоде пустяшный разговор будет неизбежно тягостным, без надобности: «до свиданья» уже произнесено. Жена, дети, внуки, друзья, сотни знакомых хороших людей — теперь никто не поможет. Один на голой земле.

ПРОЗА

Чувствуя себя ненужным, увяз, затаился в скукоженной безысходности. «Скоро будет — нас не будет...» — слова из услышанной когда-то незатейливой песни не случайно осели в душе, теперь вот выстрелили в цель. «Скоро будет... Скоро будет...»... За что — ему?.. За что?.. Злыднем вроде не был, с кем доводилось встречаться, всех за людей считал, многих чтил выше себя. Тогда почему — он? Почему?.. Ещё не устал жить, а уже уходить.

Предпринимать ничего не хотелось, забиться бы в угол, никого и ничего не видеть. Безучастно думалось: скорее бы... Но жена стала приносить приветы. Чуть не каждый день и по нескольку человек звонили ей на работу, слали ему сочувствие и самые несбыточные пожелания. Выходит, далёкая беда не так уж безразлична, не посторонний глухой наклад: пришлых на земле нет — все свои. Вот и он безликим не оказался: столько народа сердцем откликнулось, столько неожиданного тепла обозначилось, хоть начинай жить сначала.

А главное, постороннее участие сдвинуло его с обречённого места. Появилось желание вызволить себя из печального тупика, вызволить пусть на время, а там — видно будет. И потянулись сумеречные больничные дни в томительном, опасливом ожидании предстоящих операций. Болезнь-то лохматая, без особой надежды, даже когда оказываешься в лучшей клинике — Онкоцентре на Каширке. Это чувствуешь уже потому, что здесь все на тебя похожи, все глубоко подавлены, потерянно одинаковы: не смеются, в голос не разговаривают. Словно в запредельном отдалённом мире всё здесь приглушено, без ярких красок, в безотрадном разладе отстранено от бегучей жизни, предуготовано. Понятно, в такой ситуации не развеселишься... Перед поездкой сюда повидался с родственниками, как попрощался. Если взрослые ещё давили вздохи, изображая беззаботное, обыденное, то внучка что думала, то и сказала: «Дедушка, как же я без тебя?»

В книжках, прочитать которые советовали знакомые, говорится, что причиной рака является, прежде всего, снедающее уныние. Известно ведь, что грехи наши Бог может простить, а нервная система — никогда. Собственный приговор гнетущей ненужности запечатлён в древнем латинском изречении: «Лучше умереть тому, кому не хочется жить». С горечью пришлось согласиться с этим. Случалось подходить к последней черте... Там же, в книжках, настойчиво предлагалось вспомнить и выпросить прощение у тех, кому когда-либо причинил зло, оставил даже ненамеренную будничную обиду или иное неустroение.

Поначалу думалось, ну какое зло мог сотворить? Начальником не был, на чужое не зарился, а уж как трудился, воистину, в поте лица хлеб насущный добывал. За что и перед кем каяться?..

Оказывается, человек изнутри не так чист, как выглядит снаружи. И есть отчего: на ноге пять пальцев и четыре из них только и ждут, как бы не туда тебя увести. Уже сколько времени память отправлялась в бездонное былое, там он то и дело натыкался на мусор от вроде бы навсегда забытых неприглядных поступков. Бессонными ночами вершил запоздалый суд. Многих, перед кем винился, в живых не было, а всё одно стыдно было по-живому. Воспоминания неожиданно начали отвлекать от жалостливых едучих мыслей, выдували безотрадный разлад, словно проветривали затхлое помешение.

А давние события вели себя по-разному. Казалось, одни только и ждали, чтобы примириться, оставить просветление в душе и кротко отдалиться. К другим же возвращаться приходилось не раз. Вот и Кумаманька вроде бы не по делу накрепко застряла, не уходила из памяти, хотя Михаил Николаевич не мог сообразить, в чём поступал неправильно. Никаких посулов с его стороны не давалось. В невесты не звал.

Ничего ведь не было, помаячила лишь надуманная женитьба. Он тогда еще учился в школе. Мать слегла, долго хворала. С утра он растапливал печку, готовил еду, доил корову, задавал корм скотине, затем уже шёл в школу за пять километров. После уроков — бесконечная маята по хозяйству до поздней ночи. И так изо дня в день. Вот мать и решилась:

— Жаню тебя.

Понять её нетрудно: изболелась душой, глядя, как он разрывается между школой и домашними, немужскими хлопотами. Михаил Николаевич, в ту пору Мишка, этим словам лишь улыбнулся, как улыбаешься мимолётной шутке, которую тут же и забываешь.

— Кумаманька — девка работающая. Что старше, так это даже хорошо: жана будет справная. — Обозначая наречённую невесту, мать и тут не отступила от обычного правила, предложила бабу на вырост, как носкую одежду для подростка.

2

После немецкой оккупации кинулись оживлять задичавшие огороды. Два года земля пробыла под войной, отбилась от рук: покрылась колюкой, забурьянела — переиначилась неузнаваемо. Лошадей не было, коровами тоже не обзаве-

---

лись, выручала лопата, в ходу оказывался и единственный на весь хутор плужок для «бабьей тяги».

Помочь взрослым сёстрам согласилась тогда ещё не прозванная Кумаманькой безотказная Пчёлкина Манька. Манька была моложе сестёр, а телом успела их перегнать. Она впряглась коренной в борозду для основной тяги. Восемилетний Мишка встал за плуг. Кто пахал, тот знает: в немелых и слабых руках, что только ни вытворяет этот самовольный проказник. То забавляется потешными ковылюгами, то чуть не стоймя вонзается в клятую глуть, а то и вовсе дурашливо выныривает наружу, скользким лемехом оставляя вдавленный блестящий след.

Чтобы не портить борозду, долго приходилось приноравливаться к вертявым ручкам плуга, что есть силы удерживая их от неумного колыхания. А тут ещё Манька подхлестывала:

— Мишка, взял бы кнут, да кнутом нас... Ну так погоняй матюками... Матюкнись, отведи душу, ты ж мужик...

На последние метры духу не хватило. В брудевших руках не осталось никакой державы. Некстати запутался ногами... Манька сняла шлею, вышагнула из постромок, кинулась его поднимать:

— Говорила тебе: матюкайся... Так бы не уморился...

А он лежал бы и лежал. На солнце сыто лоснились пласты свежей пахоты. Из земли, как из живого пореза, сверкая, проступал сок. Казалось, вокруг ничего больше не существовало. Было тихо, радостно, словно во сне... И не так горестно отозвались слова матери:

— Кости, как у курёнка — а уж за плуг. Что ж это дется, господи...

Как-то само собою повелось, без Маньки редко обходились. Когда требовалась посторонняя сила, она выручала многих. Ну а чтобы на всякий случай быть поближе, родственней, с Манькой часто кумились. И за глаза и в глаза звалась она Кумаманькой. Вот на ней-то и предстояло жениться.

Поначалу побаивался: вдруг на хуторе начнут судачить. Могут по делу и без дела приклеить даже то, чего не было. К счастью, материно намерение не выпросталось наружу, не попало на бабьи языки. Скорее всего, тётка Фрося и сама Кумаманька тоже были в неведении. Встречаясь с ними, он не заметил каких-либо изменений всегдашнего поведения. А со временем успокоился, обошлось: никому ничего не известно.

С мужиками и такими же, как и он, подростками в летние каникулы после девятого класса Мишка ходил на колхозные наряды. Трудиться приходилось не только днём, но и ночью: горячей сельской порой, будь двойные часы, и их бы не хватило. В тот раз на нескольких арбах перевозили ржаные снопы к молотилке на ток. Им с Кумаманькой достался самый дальний угол поля. Работа несложная: Кумаманька из крестцов подавала снопы, он укладывал их в грядки, навивал воз, отъезжал, разгружался и возвращался для следующей ходки. К полуночи луна основательно обжилась и бодро взобралась на самую макушку. Света было как раз столько, сколько нужно, чтобы различать, что вблизи, глядеть же вдаль нужды не было. Погромыхаявая ярмом, размеренно сопели волю, валко вихлялась и монотонно скрипела арба, убаюкивающе покачивались грядущки. Намааянно и незаметно всё окрест начало убывать... Наверное, от тишины и чуткого покоя Мишка испуганно вздрогнул: ишь ты, сладко придремнул. А волю стояли в нужном месте, добрали сами без его цобцобеканья. Им, бедолагам, достаётся: сутками дышло да тянучая арба. Вечером и на утренней заре, не снимая ярма, на час-другой пускают покормиться в ближайшую ложину — и вся жизнь. Они даже приспособились натруженно засыпать стоя, как лошади.

Кумаманька тоже придремнула. Пробыть день-деньской с тяпкой на бураках: немудрено смориться. Сон её и свалил без оглядки. Мишка вспоминал, у него перед глазами — совсем сонная Кумаманька.

Мишка знал, что по наряду ему с Кумаманькой предстоит работать ночью, решил за ней зайти, чтобы в поле отправиться вместе. В хате у Пчёлкиных никого не оказалось, в сарае была открыта дверь, направился туда. И будто споткнулся... Раздетая Кумаманька стояла в корыте, а тётка Фрося из деревянного ковша поливала её водой.

— Ма-а, погоди, не расходуи зря. Дай мочалой растереться, а то воды не хватит.

Руки Кумаманьки скользили по телу, как нарочно, указывая места, куда непременно нужно поглядеть. И на самом деле интересно было впервые высмотреть, где и что расположено. Зрелище ошеломительное. Не зря от взрослых слышал: увидишь голую женщину, перестанешь ведьмы бояться. Может, и правда. До ведьмы дело пока не дошло, но и без ведьмы покоя не было. Словно дразня, видение несбыточно манило к себе.

Вот теперь, замирая от неясного будоражающего чувства, Мишка долго замороженно стоял перед Кумаманькой. На сложенных по стерне снопах в углу крестца она вольно раз-

---

металась, будто дома на кровати. И впервые не стыдно было глядеть на оголённые ноги выше колен. А луна, казалось, сюда только и светила. Ведьма, а не луна! Осторожно примостился рядом с Кумаманькой, затем не удержался, легонько поцеловал в губы. Вдруг в памяти вся она вымельком обнажилась, как тогда, в корыте... Бешено забухала кровь, и руки рванулись к постижению...

— Не надо!.. Пусти!..

...Дома не успел оглядеться, как услышал от матери:

— Кумаманька дюже больная. Узнала, что ты должен приехать, просила зайти.

— А что с ней?

— Ревматизма в три погибели скрутила, с ложки кормят... И в больнице лежала, да что толку.

Мать не дала-таки обвыкнуться после дороги, выпроводила к Пчёлкиным. Михаил Николаевич позвал с собой жену: она терапевт, такие болезни по её части.

С порога обдало крутым застоялым духом неухоженности. В исподней рубаше, обвисшей на костлявых плечах, на кровати понуро сидела согнутая старуха: от прежней рослости и половины не осталось. Бросилось в глаза: с головы свисал пожухлый растрёп кошлатых волос с тряпочкой полуразвязанной тесёмкой. А коса была — на зависть! Сердце полыхнуло острой жалостью: и это Кумаманька!.. Она, должно быть, почувствовала его смятение:

— Мишка, или испужался?.. Видишь, какая теперича. На работу была дюже жадная, вот Бог и наказал. Помнишь, как сутками чертячили. Спать некогда, на ходу, бывало, прикорнёшь, и то бегом... Бурак тот-то — всё лето под пеклом. А уборка — слякоть не слякоть, мороз не мороз — до глубокого снега. Иной год поступала команда топорами вырубать из мёрзлой земли, дубасили, как шахтёры, но те хоть посменно, а бабам никакой смены не полагалось.

Вмешалась тётка Фрося:

— Манька, будя тебе про работу.

— Мам, а про что ишшо? Окромья работы, я, ить, ничего не видала.

— Про работу ты мне талдонь, а они врачи, им про болезнь рассказывай.

— Чего рассказывать, и так видно. Вон пальцы горбылями в разные стороны. Руки, ноги скрючило — калекой изделалась.

Когда возвращались от Пчёлкиных, жена удручённо произнесла:

— Жалко женщину. Ты тоже, гляжу, переживаешь.

Михаил Николаевич терзался непонятым укором, словно был виноват, что Кумаманька заболела. Остерёгся сказать: у него могла быть совсем иная семейная жизнь. Ничего не боялся? Жена в разуме — обошлось бы без раздора. И всё же решил оставить тайну нетронутой, будто и впрямь жалко было лишаться того, что принадлежит только одному тебе.

С профессиональной дотошностью жена подытожила:

— Болезнь развернулась полностью: по утрам скованность, нарастание боли, затем деформация пальцев, поражение локтевых, коленных суставов, позвоночника. Для ревматоидного артрита — классическая картина.

— Зря она отказалась от направления к вам в областную больницу, — сетовал Михаил Николаевич. — Подобрали бы лечение понадёжней.

— Что здесь, что у нас — тот же аспирин. К тому же в районной больнице проведено необходимое обследование. Было бы неясно с диагнозом — другое дело. А так она права, что отказалась: лишние мучения... Господи, какое несчастье, когда ничем не можешь помочь. От чужих страданий душа места не находит.

Через два дня Михаил Николаевич снова побывал у Пчёлкиных. Девчушка-племянница шепотком передала, что Кумаманька просила его навеститься, чтоб приходил «без никого» и захватил трубку послушать. Племянница мала, но хитруха ещё та: затеяла увести жену на неблизкую от хутора поляну, где в травянистых лощинах на солнцепёке всегда полно земляники.

Кумаманька на этот раз поприбралась: причёсана в опрятную косу, замашная рубаха выстирана, и плечи вроде бы не такие никлые. И воздух в хате обычный, чистый. После прежней зануженности — будто праздник. Ясно, тётка Фрося обиходила, самой же Кумаманьке ту же рубаху сменить — белый свет померкнет.

— Здравствуй, Миша, здравствуй... Спасибо, не отказался зайти. — Кумаманька внимательно его рассматривала. — А ты стал игреневый: седых волос больше, чем рыжих... Бери табуретку, садись поближе, это ж сколько годочков тебя не видала.

Мягкая улыбка на вздрагивающих губах расплавила стылое измученное лицо, и этому оживлению Кумаманька откровенно удивилась:

— Надо же, ты пришёл, и про болезнь забыла. Без спасу ни днём, ни ночью. От боли зубы стёрла. А тут занигунуло — надо же... Трубку, вижу, принёс. Послухай меня.

— Жена ведь тебя слушала, она в своём деле неплохо разбирается.

— Ты послушай... То, что говорила твоя жена, по правде сказать, я не упомянула. А врачей, может быть, больше не дождусь: больница не рядом, да и кому мы нужны.

Когда всё внимание было нацелено на прослушивание сердца, случился момент: глаза Михаила Николаевича и глаза Кумаманьки оказались так близко, так беззащитно и так глубоко распахнуты, что взгляды их мгновенно проникли друг в друга, соединились и замерли в боязном наваждении. Словно издалека дошёл почти неузнаваемый голос:

— Ну, и что обнаружил? Улечимое, ай нет?

Михаил Николаевич заторможенно не скоро смог отозваться:

— Сердце здоровое, не больное. Лёгкие тоже... Не в них дело...

— Сама то-то знаю. Не знаю только: сколько мне ещё?.. По радиву одна бывшая комсомолка хвалилась, что свою жизнь хотела бы заново прожить. А я жизнью не повладела, доля выпала что мне, что матери: в смиренной одежде с одним платком на две головы... Гагарин с Титовым слетали в космос, лучше бы на те-та деньги для таких, как я, лекарства разработали, да было бы на что матери новую кухвайку купить... Ох, да ну её, эту болезнь! Всё затмила. Я никогда звягливой не была, от боли вою сквозь зубы. Сейчас вот расквохталась. Ты-то как живёшь? С женой ладите?.. Значит, двое детей. Это счастье: есть, кого любить... Жена твоя бабам понравилась: ухоженная, статная. На вашу свадьбу мы в окна любовались...

Тогда в осенней ночной темени на свет из хаты роились десятки любопытных. Судя по тому, что мать с закусками и графином то и дело отправлялась угощать хуторян, собралось их там немало. А мать ходила и ходила: пусть гуляют, чтобы свадьба была в память. В памяти и у Кумаманьки сохранилось:

— Как мы завидовали: вы были такие радостные, так много целовались... А меня единственный разочек поцеловали. Помнишь?.. Я, Миша, осталась нетронутой, девкой ухожу. Сдуру закричала, когда ты полез ко мне, а ты ведь всегда нежный был, переживчивый. Иной собственное горе горюет издали, а у тебя чужое — как своё.

Прежняя жизнь — далёкое марево, вспять не вернёшься. Там, в сущности, был другой человек, которого Михаил Николаевич признавал неохотно. Но жалость к Кумаманьке всё равно возвращала в безотчётное прошлое, и непонятно, отчего было неуютно, раздражено в душе. Заметив его удручённость, Кумаманька забеспокоилась:

— Спешешь? Ну, ещё минутка... — И тут же Михаил Николаевич услышал, чего никак не ожидал услышать: — Хорошо исделал, что на мне не жанился. Чтоб ты увидал?..

... Не выходя на дорогу, около хаты Пчёлкиных он достал из кармана Кумаманькин подарок. На носовом платке прыгающими буквами было вышито: «Мишки от Маньки». Такие платки своим наречённым деревенские девушки дарили на долгую и верную любовь.

Где-то внутри, где у человека помещается всё самое важное, поселился прощальный голос:

— Миша, поцелуй меня... Как тогда...

3

Кто-то хлёстко изрёк: «К счастью, все мы смертны». Такое лихо сказать в пустой белый свет. Когда коснётся тебя самого, философские измышления, скорее всего, обернутся недобрым напутствием в сырую землю. Как врач, Михаил Николаевич представить не мог ликующего состояния перед последним вздохом. Счастье — жить! А смерть — какое счастье? Если же полагать, что мы, человеки, гожи лишь в качестве навоза на земле, тогда не следует изобретать заоблачно высокие мысли. Вот он не знает, куда деться от поиска вины перед бедной женщиной. Значит, есть смысл определиться, во всём ли поступал, как подобает. Был ведь не травой. Жил среди людей, и жил не ради смерти... Кумаманька... Сколько не припоминал всё, что с ней было связано, не находил повода просить прощения. Думалось, было бы спокойнее, если бы она вовсе не знала ни о какой предполагаемой женитьбе. Но та несчастная женитьба слетела же не с его языка? Он и сам сторонился огласки... Жалкий поцелуй и такой же жалкий порыв к сближению. Здесь-то, какая вина? В том, что ли, что оказался на откровенном расстоянии, когда перед окончательным шагом оставалось только зажмуриться, но и тут он безгрешен. В конце концов почему надо искать какую-то вину на голом месте? Пора заглушить память, отстраниться от посторонних раздумий... На днях четвертая операция. Не последняя ли? Уж очень недобрые знаки.

В палате разрешили переночевать жене. Такое позволялось и раньше, правда, лишь для необходимого ухода. В этот раз по больничным меркам без достаточных на то оснований отступили от правила, скорее всего, из жалости к нему. А накануне пациента с соседней койки выписали на вспомогательное облучение. Без дальнейшей перспективы. Ушел он мол-

---

ча, лишь пожал Михаилу Николаевичу руку, оставив в ладони леденеющий след. От опустевшей койки сквозило тягостной зябкостью... Может, и за ним скоро двери закроются, останется такое же остывшее место... Окажись в одиночестве, чёрные мысли давили бы неотвязно. На кушетке отдыхала жена, спала, не спала — не имело значения. Главное, привычная опора была рядом, и чувствовал себя не так сиротливо. Жене выпало самое горькое, кроме кучи всяческих забот, быть может, знать что-то такое, что пытаются от него скрыть.

Скрывают, несомненно. Случайно увидел, как из профессорского кабинета она вышла в слезах. Надо бы кинуться на помощь. Но чем поможешь? Решил не объявляться, незаметно удалился в палату. Нетрудно предположить, что ей могли сказать: «Готовьтесь к худшему». Лучше бы находиться в неведении, а то, словно по уговору, начали осторожничать в словах. Каждый хранил свою часть тайны, друг от друга глаза прятали.

...Операция — завтра. На обходе профессор поинтересовался, живы ли родители. Когда услышал, что матери сто два года, не сдержался:

— Что ж ты такой гнилой?

Во время болезни острее всего воспринимается жалость: как воспоминание о скором и непременно твоём окончании. Если уж что-то знаешь, куда милосерднее было бы промолчать, но здоровый худого не разумеет. Здоровому невдомёк, что в своём окружении безошибочным звериным чутьём больной ловит каждое слово, всякий припрятанный взгляд не ускользает от исстрадавшейся оголённой души. Иногда так хочется послать подальше каждого, кто вольно или невольно затевает над тобой преждевременную панихиду. Вот и во время врачебного обхода не устоял, решил хоть чем-нибудь разбавить мрачный настрой, рассказал байку:

— В лесу вдруг объявилась пещера. Медведь увидел и думает: «Что бы это значило?» Заходит. А там огромный циклоп спрашивает жутким голосом: «Кто?» — «Медведь», — отвечает медведь. «Записываю: медведь. Сегодня приходи в семнадцать ноль-ноль. Съем тебя. Вопросы есть?» Какие уж тут вопросы? Медведь опустил голову и понуро поплёлся вон. Волк и лиса тоже побывали у циклопа. Само собою, зайцу стало интересно, что же это произошло: из пещеры звери выбредали на зверей не похожие. Никогда не было, чтобы грозные властители всего живого выглядели такими обессиленными и жалкими, хуже мокрой курицы. Недолго думая, заяц и сам отправился в пещеру. «Кто?» — раздался неслыханно

жуткий голос. У зайца от страха уши поникли. «Заяц я», — доверился он. «Записываю: заяц. В девять ноль-ноль придёшь завтра. Съем тебя. Вопросы есть?» — «Есть. А можно не приходите?» — «Можно. Вычёркиваю».

— Нам бы такого зайца, — сухо одобрил профессор.

Никто из докторов не вымучил и полуулыбки, следом за профессором они так поспешили к двери, словно в палате нечем было дышать. Думай что хочешь. Могло стать: байка глупая. Или, что вероятнее, заячья фортуна — не про завтрашний день. Кого и с чем отправляют на операционный стол, обсуждается на врачебной пятиминутке, а на обходе решаются лишь формальности. Так что его шансы уже определены, и коллег росказнями не развеселишь.

...Жена отсутствовала до вечера. Полагал, что задержалась у московских родственников, а она ходила в церковь и отстояла многочасовую очередь к могиле какой-то святой Матроны. «Это же надо — ухандокать день!» — поразился Михаил Николаевич. Он был правоверный материалист, и всё же подставил голову, чтобы надеть на шею белую шёлковую ниточку с серебряным крестиком, жалеючи измученную жену, согласился на неблагоприятное отступление. К засушенным цветочкам с могилки святой Матроны тоже не проникся. Завтра санитарка явится убирать палату, смахнёт их с тумбочки в мусорное ведро — и все дела.

На манер матери жена перекрестила его:

— Всё будет хорошо.

В ее глазах растворилось сумрачное больничное горе, сквозь слёзы проглянул обычный радостный свет.

И он поддался порыву жены: в груди попросторнело, словно вытолкнули какую-то затычку, дали доступ живому воздуху. Спокойно думалось: «Авось, обойдётся». Весь вечер колыхало почти детское непредвиденное возбуждение, мечталось о возвращении домой, о желанной рыбалке при любой погоде. И Кумаманька вроде бы не преследовала с прежней настойчивостью. Возможно, он выдумал вину перед нею, не исключено. Случалось, он вредничал с сёстрами, обманывал мать, скрывал те или другие проказы. Да и всегда ли был прав? Жизнь особо не миловала: не обходилось и без взаимных нечутких ответов. Что негожее натворил в тот или иной раз, почти тут же бывало очевидно. А Кумаманька... Где то плохое, что он ей сделал? Жалко, конечно, женщина жизнь прожила наречённой невестой, так и не изведав любви. Вдобавок заболела. Сегодня к её болезни нашли бы подход: есть действенные лекарства, не в пример аспирину.

Перед предыдущими операциями в душе бродил сырой бесконечный холод обречённости. Потом, после операций, всё одно оставалась въедливая липкая потерянность, давило мрачное бремя. А в этот раз происходило нечто непонятное. С охотой замышлялись далёкие планы. И, странно, не возникло сомнения, что планы могут не сбыться, ведь до сих пор справиться с болезнью так и не удалось. Но он легко верил, что всё будет хорошо, а остальное старался близко не подпускать. Вот только Кумаманька... Вынуть бы эту занозу. Очиститься. Понять бы, за что каяться, без того, возможно, завтрашний день не состоится. Ах, как жалко, что не получается спокойно отбыть последние минутки перед операцией. Вот уже и каталку подали.

— Больной, раздевайтесь, ложитесь, — командует медсестра.

По мере того, как снимаешь одежду, обнажаешься, когда сам ещё на твёрдых ногах, но ложишься, чтобы тебя везли, начинаешь понимать, что ты уже не в этой жизни, тобой распоряжаются уже другие люди. И как это им удастся, ты можешь и не узнать.

— Зубные протезы выньте и крестик снимите, — диктует медсестра.

Зубы у Михаила Николаевича были свои. А крестик... Разумеется, он понимал, на теле не должно быть ничего лишнего, что в непредвиденных случаях способно помешать врачебным манипуляциям. И всё же... Остаться без оберега — вдруг лишишься обретенной, хотя и иллюзорной, но благосклонной защиты, которую он начал ощущать.

Из рук в руки передал жене крестик.

...Вводный наркоз прежде всего расслабляет мышцы; не то, что ногой или рукой пошевелить, язык с места не стронуть. Какое-то время не угасшим остаётся восприятие окружающих звуков. А врачи полагают, что произошло полное отключение, и у твоего изголовья говорят о чём угодно без опаски. Вот и сейчас он хорошо слышал, как анестезиолог любезничал с коллегой:

— Во сне часто вас вижу.

— На ночь не пейте кофе. Сон будет глубокий.

— Не помогает. Кстати, нынешней ночью потрясающе переспал с вами.

— С женой надо спать...

Анестезиолог продолжал свои соблазны. А Михаил Николаевич уплывающим сознанием наконец-то понял: Кумаманьку он соблазнял несостоявшейся женитьбой, неожиданным порывом к близости...

И на краю провальной темноты успел-таки вымолвить душой:

— Виноват... Прости...

...На «Соколе» жена вдруг повела его к выходу в другую сторону. Он недоумевал, оттуда к московским родственникам ехать придётся с пересадками. Пересадки так пересадки, какая разница, когда готов птицей лететь от неостывших слов профессора:

— Родился под счастливой звездой. Считаю жизнь подарком. — На прощанье профессор по-свойски проникновенно даже обнял его.

— Зайдём, молебен закажу, — жена увлекла его в невзрачную калитку.

И только тут разглядел приземистый старинный храм, от взора прохожих скрытый громоздкими строениями.

— Церковь названа в честь Всех Святых, — уже внутри храма просвещала жена. — А вон у той иконы, — поклонившись, показала на образ у правой стены, — я тебя вымаливала.

Шёл ли, полз ли, Михаил Николаевич не помнит. Опамятовался на коленях перед изображением Богородицы. И плакал. Смывая неведомый груз, слёзы всё лились и лились.

ШТОПОР

РАССКАЗ

Заканчивается срок моей действительной армейской службы. И все острее и чаще внутреннее «я» ставит вопрос: как же жить потом, дальше?..

События, круто изменившие мою судьбу, произошли год с небольшим назад; тогда я заканчивал первый курс высшего военного авиационного училища летчиков. То памятное лето выдалось на редкость жарким, и, как специально для полетов — постоянно безоблачное небо. В один из таких непривычно для августа знойных дней я в компании еще нескольких курсантов нашей летной группы празднично сидел в курилке после предварительной подготовки к полетам второй смены. В казарму, на обязательный предполетный отдых, мы не торопились: в духоте засыпаешь трудно, а то еще и всякая чушь в сновидения лезет. Вообще-то по времени дежурный врач уже должен был нас разогнать «по матрасам», но эскулап явно запаздывал.

Разговор в курилке, как зачастую у нас и бывало, все вертелся вокруг предстоящих полетов. Неожиданно

ПРОЗА

кто-то высказался про мусульманское поверье, будто судьба каждого из летчиков «записана на небесах пером Провидения», и коль уж тебе по этой записи определено гробануться — да хотя бы сегодня, — то никакое умение пилотирования не поможет.

Тут беседа неожиданно оживилась: каждый из нас принялся высказываться по этому поводу. Кто-то вообще додумался до мысли, что раз поверье это мусульманское, то на нас, христиан, не распространяется.

— Всё это, господа будущие офицеры, — заявил, подводя итог, Валерка Градов, один из лидеров летной группы, — есть чепуха и даже без постного масла. Никто ж из вас лично не был свидетелем сверхъестественных случаев, о которых все столь живо разглагольствуют, это ж только исключительно понаслышке...

— Да нет, конечно, — загалдели мы. — Но ведь столько говорят...

— Вздор! — оборвал галдеж Валерка. — Покажите не пересказчиков, а настоящих, реальных очевидцев подобных чудес. И если уж на то пошло, что кто-то всерьез допускает существование фатальной предопределенности, дамокловым мечом висящее над всяким, зачем же тогда зубрить действия при особых случаях в полете? Зачем, спрашивается, катапульта и голова на плечах? Зачем вообще было выбирать рискованную профессию летчика-истребителя? С такими взглядами в кабине самолета просто делать нечего...

В это время, явно чтобы привлечь общее внимание, с лавочки поднялся до того не принимавший участия в разговоре Андрюха Сказкин. Картинно затянулся, щелчком артистично отправил бычок в урну — диск от автомобильного колеса, врытый посреди курилки, торжественно-спокойно оглядел присутствующих и снова сел.

Андрюха был рожден от смешанного брака. Мать-гречанка одарила его смуглой кожей, большими агатовыми глазами под крутыми ресницами, правильным античным профилем и черными, слегка вьющимися волосами. От отца же, потомственного москвича, сокурсник унаследовал высокий рост, худошавое телосложение и приятный бархатный голос.

Чуть ли не министром был отец у Андрюхи. И потому, когда его родители приезжали на церемонию принятия сыном военной присяги, комбат сам водил их по всей казарме, соловьем заливаясь об «идеальных условиях жизни курсантов». Именно тогда-то я и рассмотрел элитарных предков-«небожителей».

Характер Сказкина вполне соответствовал неординарной наружности парня. Он первым лез через училищный забор в «самоход», первым пил водку за шторой окна в Доме офицеров в перерыве какого-нибудь культмероприятия, первым вводил понравившуюся девушку с танцев и в учебе тоже был первым.

От остальных курсантов Андрияха держался достаточно обособленно, не откровенничал и был сух с официантками летной столовой, хотя одна из них — симпатичная «разведенка» прямо-таки таяла под взглядом агатовых глаз. Однако, услышав раз недвусмысленный намек на эту тему, Сказкин кисло поморщился, грубовато заявив, что, мол, хороший вор в своем квартале не ворует.

Была, впрочем, и у него своя слабинка, которой он не таил: страсть к игре на бильярде. Над зеленым сукном забывал обо всем, а шары катать предпочитал только на интерес; в крайнем случае, на шелчки.

Однажды вечером, когда Андрияха и Валерка Градов заканчивали в курсантском клубе очередную партию «американки», завыл сигнал «Сбор». Так в тот раз Сказкин чуть не силой удержал Валерку у стола, пока они не «добили» партию, и Андрияха — редкий случай — победу уступил. Тем временем эскадрилья построилась, экипированная для выхода в район рассредоточения, комэск в горячке костерил запаздывающего (Градов уже успел с тыла просочиться в строй), а Сказкин, наконец появившись после получения оружия, первым делом подбежал к Валерке и почти насильно всунул ему в руки свой проигрыш — банку сгущенного молока. И лишь «расплатившись» за игру и демонстративно игнорируя угрожающие крики комэска, занял законное место в строю.

Что ж, самоуверенности Андрияхе было не занимать. Тем более он точно знал, что под покровительством родственников, которые «с верхних слоев» тихо и ненавязчиво «наводили погоду» у сына над головой, ему сойдет с рук еще и не такое...

Со Сказкиным я попал в одну летную группу, и сюда же — Валерка Градов, у которого родитель тоже какой-то большой шишкой был. И началось у нас, троих, стремящихся быть лидерами хотя бы в нашем малом коллективе, тайное соперничество. В том негласном противостоянии уступал я обоим сокурсникам, пожалуй, разве лишь в наглости...

Итак, Сказкин оглядел собравшихся в курилке, вновь уселся на лавочку и холодно улыбнулся кончиками губ, как бы подчеркивая, что он — существо особенное и лишь по неведомой причине на минуту решил снизойти к «случайным

жизненным попутчикам», дабы высказать кое-какие нам неведомые мысли, до которых успел дорасти лишь он сам.

Выдержав паузу, Андрюха заговорил в своей привычной манере — кратко и резко:

— Мужики! — И в интонации, с какой он произнес это в общем-то обычное меж курсантами слово, сразу почувствовалась нотка пренебрежения. — К чему заниматься болтологией? Предлагаю эксперимент: на деле выяснить, существует ли в этом мире фатальное предопределение. То есть распи-сан ли всякому в полете смертный час. Угодно будет рискнуть?

— Вот дурак, — хмыкнул курсант по прозвищу Витамин — «погоняло» прилепилось к нему из-за детского пристрастия к сладкому.

— Для начала на себе свой эксперимент и спробуй, — резонно заметил курсант-тяжеловес по прозвищу Гиря. — А мы оценим...

— Я-то всегда готов... — гордо заявил Андрюха, саркастически смотря как бы сквозь тяжеловеса. — С кем спорим, что предопределение есть?

— Спорю, что нет, — дернул черт меня за язык. — На весь лётный шоколад, что у меня есть... Двенадцать плиток.

— Так... Ладно, — согласился Андрюха и пригладил кончиками длинных пальцев бакенбарды. — Градов, а ну, разбей... Если проиграю, десять плиток у меня в наличии, да ты, Витамин, две должен, прибавишь...

— Ну, хорошо, — сказал я, когда мы торжественно ударили по рукам. — А теперь объясни: каким макаронным ты собираешься меня заставить поверить в предопределение?

— Я сделаю штопор. На «элке». Без инструктора. Прямо сегодня, — раздельно—лаконично ответил Андрюха. Чуть тише добавил: — Любой из вас разбился бы, рискни на это. А я — нет. Я в свою счастливую звезду твердо верю.

Все замолчали, лишь Витамин продолжал чуть слышно чмокать ириской.

— Тебя ж после этого из училища точно выпрут, — тихо сказал мой сосед справа.

— Кого? Меня-а? — растянув последнее слово, риторически переспросил Андрюха, и всем сразу стало ясно: нет, именно Сказкина-то, в отличие от любого из нас, даже при самом худшем раскладе не выпрут.

Тут заговорили все разом, поднялся гвалт, а я подумал, что после своего заявления Сказкин как бы получил над нами некую необъяснимую власть, от которой если и освободимся, то только лишь подытожив пари.

Почти против воли я молча взглянул на Андриюху, он жестко встретил мой взор, и — клянусь! — мне показалось, что печать смерти уже коснулась смуглого лица.

«Ведь и в самом деле гробанешься!» — безмолвно прокричали-предупредили мои глаза.

— И как мы узнаем, делал ты штопор или нет? — поинтересовался я.

— САРПП*, — пояснил Сказкин. — Как расшифруют — сразу шум подымется.

И тут возле курилки появился припозднившийся военврач. После краткого, но выразительного менторского монолога на тему внутренней дисциплинированности будущего летчика нас разогнали по койкам...

Наверное, мало кто из свидетелей спора спал перед теми полетами. Сам я лежал на койке второго яруса, смотрел на выбеленный потолок казармы, по которому, прямо надо мной, змеилась еле заметная трещина, и думал, что скандал после расшифровки пленки САРППа и точно должен подняться немалый. Ведь штопор — неуправляемую фигуру высшего пилотажа, во время исполнения которой самолет одновременно вращается в трех плоскостях да при этом еще весь трясется, как отбойный молоток, на «элке» — учебном чехословацком самолете «Л-49», на котором мы летали в конце первого курса, — нам самостоятельно делать было запрещено категорически. Хотя для опытного инструктора исполнить эту фигуру не составило бы особого труда. Но мы-то штопор лишь в теории изучали — при действиях в особых случаях.

Я перегнулся через край койки и посмотрел на нижнюю кровать. Андриюха ровно дышал, глаза его были закрыты, и я поразился непритворному спокойствию парня и его уверенности в собственных силах-возможностях...

Андриюхина «элка» в глубоком штопоре прожгла землю на глубину четырех метров. Очевидцы взрыва — рабочие совхоза — уверяли потом, что впечатление было, будто взорвался огромный резервуар с бензином. Люди гражданские — отку-

---

* САРПП — система автоматической регистрации параметров полета. Даже в случае авиакатастрофы, как правило, сохраняется пригодной для расшифровки, размещаясь в специальном защитном футляре, находящемся в хвосте самолета. В просторечии САРПП часто называют «черным ящиком», хотя на военных самолетах его футляр окрашен в ярко-оранжевый цвет.

да им знать, что топливо в баках самолета — авиационный высокоочищенный керосин.

В момент воздушной катастрофы я, как и другие курсанты нашей летной группы, находился в воздухе. Всем по радиосвязи приказали немедленно прекратить выполнение задания и произвести посадку с ходу. После приземления группу быстро собрали в классе предполетных указаний и объявили о первой смерти на нашем курсе (все свидетели спора в курилке старались спрятать друг от друга глаза) и о том, что мы вместе со всеми сейчас поедem на поиски САРППа.

Мой инструктор — всю жизнь буду помнить человека, дарившего нам крылья, — однажды в разговоре предупредил-посоветовал: «Никогда не соглашайся искать САРПП, старайся уклониться под любыми предложениями». По его словам, иной курсант, увидев своими глазами последствия катастрофы и реально устранившись возможностью собственной гибели в будущем (хотя он и раньше прекрасно сознавал это теоретически, однако ум — не сердце), потом длительное время боится летать. А кто и вовсе списывается с летного факультета...

Но мне надо — н а д о было все увидеть, дабы потом не пытаться себя неизвестностью. Посему я не стал отказываться от участия в поисках (Градов и еще несколько курсантов успешно отвернулись от этой миссии), сел в кузов машины, и нас вместе с солдатами из батальона авиатехнического обеспечения повезли за сорок километров к месту катастрофы, на совхозное поле под зоной полетов.

Увиденное меня и потрясло, и, как ни странно, успокоило: наверное, потому, что теперь я как бы зрительно подвел итог спора сам. Куски самолета далеко разлетелись от черной воронки с обугленными краями по пшеничному полю. В стороне от всех, отброшенное страшной силой взрыва, валялось исковерканное, едва угадываемое по форме кресло летчика. И рядом с этим креслом нашли фрагмент человеческого лица: лоскут кожи в форме почти правильного треугольника — часть щеки, ото рта до глаза и уха с чудом сохранившимся на коже опаленным клочком бакенбарда.

Собрали еще несколько обугленных кусков мяса и обломков костей.

Вот так я воочию увидел то, что в нашей, лётной среде давно цинично окрестили «жареным железом». Витамина и еще одного из свидетелей спора в курилке жутко рвало. Увы, после взрыва военного самолета от его пилота обычно остается немногим больше, нежели после кремации...

Позднее, когда мы уже возвращались в училище, глядя из кузова крытого тентом «КамАЗа» на шафранное море спелых колосьев, я впервые в жизни неожиданно испытал ужас понимания: смерть неминуема! В тот миг мне неистово захотелось выскочить из грузовика и с криком бежать, бежать... Куда? Зачем? От кого? От неизбежности будущего? Я еле сдержал рвущееся изнутри паническое чувство... Показалось, что через Андриюхину моя собственная гибель погрозила мне пальцем. И только тогда я вдруг с особенной четкостью осознал, что самолет — это отнюдь не большая супердорогая игрушка, а профессия военного летчика не на словах — на деле несет в себе постоянный процент смертельного риска.

А кассету САРППа нашел солдат из хозяйственного взвода...

В ночь после авиакатастрофы меня разбудил Витамин. Он шепотом сказал, что надо выйти и посоветоваться, как будем завтра отвечать на опросах. Я догадывался, что зовут вовсе не за тем, однако пошел.

В курилке уже топтались Валерка Градов и Гирия. Я усмехнулся, спросив:

— А где же остальные?

— Не твое собачье дело, — тяжело буркнул Гирия и громко засопел.

Мне стало противно: я догадался, что именно курсанты собираются сделать, но вот к а к это будет происходить?

Тут Градов протянул мне толстую стопку шоколадных плиток.

— Твой выигрыш. Бери, скотина. Жри и радуйся, что из-за тебя человек разбился.

Видя, что я отнюдь не тороплюсь получить причитающееся, Валерка швырнул шоколад, метя мне в лицо. Но сей «благородно-возмущенный» жест я угадал и успел резво отпрыгнуть в сторону, а затем, подскочив к сокурснику, саданул его кулаком по скуле. «Обличитель» перелетел через стоящую позади него скамейку и растянулся на земле.

Вряд ли кто из моих однокурсников предполагал, что я первым вступлю в драку. Драка в нашем лётном училище, как правило, заканчивалась однозначно: всех ее участников безжалостно вышвыривали за борт военного вуза. И потому между нами, курсантами, существовал негласный уговор: любую конфликтную ситуацию стараться разрешить без помощи кулаков. Теперь же получалось, что на подлость сокурсников я тоже ответил подлостью, да еще такой, которая ставила под угрозу дальнейшее пребывание в училище сразу четырех человек.

На секунду мои вероятные противники опешили, застыли окаменевшей скульптурной группой — кто стоя, кто лежа возле скамейки. Я перепрыгнул ее и, развернувшись, крикнул двоим ринувшимся за мной курсантам:

— Сейчас кое-что скажу.

Парни резко остановились: слишком многообещающе были мои слова. Кряхтя, поднялся Градов.

— Если считаете, что в случившемся виноват я один, дайте, мочите... Но ты, Градов, — дешёвка. Забыл, как сам нам руки разбивал? И остальные...

Витамин тут же отшагнул от Градова и Гири и испуганно зачастил:

— Они меня заставили! А Андрюху я честно предупредил — помнишь?

— Заткнись, авитаминоз, — скривившись, оборвал его Валерка. И добавил, глядя на меня: — Ну, смотри... Повезло тебе, гад... А вякнешь если кому слово... Не было никакого спора, понял? Не было! Вообще ничего не было! Молча в курилке кантовались!

— Молча так молча, — с видимой покорностью согласился я, понимая, что на сей момент Градов смирился с поражением, но при случае не преминет сотворить какую-то подлянку.

Трое «самосудей» отмолчались и, потусовавшись еще несколько секунд, нестройно затопали из курилки, причем Витамин на ходу слабо заканючил:

— Валер, а Валер... Надо ж придумать, что завтра говорить...

На что Градов недовольно отрубил:

— Не вой! Время пока терпит.

Проводив взглядом трех несостоявшихся мстителей, я собрал разлетевшиеся и частично раздавленные яловыми сапогами плитки летного шоколада и отнес их на мусорку. Это был мой честный выигрыш, доставшийся чрезвычайно дорогой ценой, которую, впрочем, заплатить довелось другому смертному.

Медленно, беспокойно шел я к казарме по стиснутой свежывыбеленными бордюрами асфальтовой дорожке, окаймленной тщательно подстриженными кустами самшита. Кровавый ущербный месяц высунул свой рог из-за стоянки самолетов; так же отрешенно, как и, надо полагать, много тысячелетий назад, сияли в непостижимой вышине соцветья созвездий. А меня неотступно преследовал в мыслях лоскут-треугольник человеческой кожи.

У кого-то из классиков однажды я читал: мол, предкам нашим с их слепой верой, что небесные светила активно участвуют в их жестоких и зачастую вовсе мелких спорах за какие-нибудь гроши или в угоду ущемленному самолюбию, — жить было проще. Верил ли во что-то в этом роде Андрияха? Да, сам же говорил про свою счастливую звезду.. И наверняка мысленно не допускал возможности, сваливая самолет в штопор, что звезда эта сегодня ночью так и будет продолжать холодно-ярко светиться, а сам Сказкин на мгновение вспыхнет в факеле взрыва и разом исчезнет для всех землян — вместе со своим внутренним миром, страстями и надеждами.

Но какая смелость была у парня! А может, всего лишь глупое безрассудство? Или это я в кошки-мышки со своей совестью играю, норовя замаскировать гнездящуюся в глубинах души трусость? Смог бы — пусть за неизмеримо большую ставку — рискнуть на штопор сам? Пойти на столь неоправданный риск?.. Нет, далеко не всегда цель оправдывает средства... Дурной иезуитский лозунг.. Ведь одна только стискивающая сердце мысль о неизбежном телесном конце тошнотворным страхом обволакивает разум и уже при жизни многое прекрасное убивает в нас.

...Тогда я почти поверил в фатальное предопределение, хотя по итогам спора, в сущности, выходило обратное. Поверил, поскольку в «дипломате», принадлежавшем ушедшему от нас в бессрочный отпуск, нашли толстую записную книжицу в бордовом переплете, а в ней — кто бы мог подумать? — были Андрияхины стихи. И на последней страничке книжицы, как бы венчая безвременную кончину человека, косые, торопливые, бежали строки:

*Мой след на миг прочерчен в небе,
Как чуткий сон истаял он.
След оборвался в спелом хлебе,
Что самолетом был сожжен.*

Ниже стояла дата: день катастрофы. Разительное доказательство, не правда ли? Но вот до или после спора перед роковым вылетом были написаны эти кричащие строки?

Казалось бы, события последних дней должны были твердо убедить меня поверить в судьбу — счастливую или наоборот, — но я еще сомневался. Опять-таки где-то было читано, что мы часто промахиваемся в своих убеждениях, ибо не знаем точных границ и критериев чувств и рассудка.

Из-за авиакатастрофы все полеты в училище временно отменили. Спустя неделю нашу лётную группу, издерганную постоянными расспросами-допросами, как и остальных курсантов-первогодков, собрали в зимнем клубе. На разбор причин авиакатастрофы прилетел даже командующий авиацией округа.

Мы сидели в задних рядах клубных кресел, а впереди — офицеры и прапорщики. На сцене стояли три накрытых ку-мачом стола и полированная трибуна с золоченым государственным гербом на фасаде. Сзади, за столами, густо навешали плакатов по лётной подготовке и укрепили склейку, по которой детально отслеживался ход рокового полета.

Командующий объемно растекся мыслями о грандиозных задачах, поставленных перед нами, будущими летчиками, и о том, что мы их из рук вон плохо выполняем. Потом на трибуну поднялся полковник, прилетевший из Москвы во главе комиссии, назначенной для расследования причин авиакатастрофы. Сверяясь со склейкой, старший офицер разложил полет Андрюхи чуть ли не по секундам: как он на вираже перетянул ручку управления и на скорости четыреста вошел в устойчивый штопор, быстро попытался вывести самолет из него, но неграмотно действовал рулями и, по всей видимости, растерялся. Однако, надеясь на способность самолета самостоятельно выходить из штопора, если поставить ручку управления на нейтраль, управление бросил. К сожалению, то ли изменение полетных характеристик крыла после грубых курсантских посадок «элки» с сильными ударами шасси о бетон взлетки свело на нет свойство крылатой машины самопроизвольно переходить из штопора в пике, то ли попросту испугался Андрюха, не успев дожидаться этого, но так или иначе, а снова взялся хаотично действовать рулями и, борясь с самолетом, врезался в землю.

Была ли у курсанта возможность катапультироваться? Несомненно. Почему не использовалась? Скорее всего, Сказкин надеялся спасти самолет...

В заключение доклада-разбора председатель комиссии подвел черту под авиакатастрофой: причинами ее посчитали лётную недисциплинированность и личную недоученность Андрюхи.

На мой взгляд, полковник в основном все проанализировал верно, только до истинной причины, по ч е м у курсант самовольно свалил «элку» в штопор, комиссия так и не докопалась. И частично именно потому, что на следующее утро после попытки ночного обвинения меня в смерти товарища ко мне подошел один из свидетелей идиотского пари и

вручил шпаргалку с примерным текстом общей беседы в курилке. По листочку выходило, что трепались обо всем и ни о чем, Андрюха же, значит, тогда больше молчал — что, впрочем, на Сказкина было весьма похоже.

У остальных присутствовавших при споре тоже имелись подобные «инструкции» авторства Валерки Градова. Посему, хотя наш врач и поведал следователю военной прокуратуры о каком-то неясном разговоре нескольких первокурсников перед тем злополучным полетом, правды при опросах не выявили.

Я, конечно, чувствовал себя косвенно виновным в смерти Андрюхи. Но молчал — в первую очередь, спасая собственную шкуру. Кому же охота, чтобы его вытурили из училища? Скорее всего по той же причине молчали и остальные курсанты. А может, рот на замке они держали еще и потому, что Сказкина в лётной группе сильно не жаловали — за исключительность и заносчивость. Особенно Валерка Градов, тот его почти ненавидел. Стеной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть, Андрюха и мертвым стоял перед ним, мешая вскарабкаться на пьедестал неформального лидера...

В конце разбора авиакатастрофы командующий поднял несколько курсантов, зачитав их фамилии по листку, разнес в пух и прах за халатную лётную подготовку и приказал начальнику училища «наложить на бездельников дисциплинарное взыскание своей властью». В список штрафников угодил и Витамин.

После этого нас, курсантов, выпроводили из клуба, а командующий и члены комиссии еще с полчаса оставались там с офицерами.

Полетов не проводили еще неделю. Наконец на утреннем разводе в понедельник, выстроили весь учебный полк. Начальник штаба училища зачитал приказ о наказании тех курсантов, которых в клубе поднимал командующий. Всем им вкатили по строгому выговору. По курсировавшим слухам, были наказаны также и все офицеры, имевшие непосредственное отношение к лётному обучению Андрюхи.

Вот и оправдалась издевательски-глумливая поговорка, ходившая в кулуарах меж летчиками-инструкторами: «Разобьется курсант — мне выговор, ему — цветы» (на могилу)...

После авиакатастрофы курсантский состав по приказу начальника училища сдавал многочисленные дополнительные зачеты и проверялся, что называется, по всем показателям. Мы повторно изучили всю лётную документацию, и нас осторожно, от простого к сложному, страхуясь и перестраховываясь, начали допускать к полетам.

Жизнь в военном училище постепенно налаживала обычный ритм. Только курсанты нашей лётной группы — свидетели памятного спора — продолжали коситься на меня, и в том, я уверен, не последнюю роль играл Валерка Градов.

Признаться, я со дня на день ожидал, что кто-то не выдержит распирающей его тайны, где-то обмолвится словом о роковом споре, слово пойдет гулять и в конечном итоге неминуемо доберется до офицерских ушей. И тогда...

Пока же из страха быть отчисленными из училища молчали все свидетели пари.

Первым в эскадрилье, пройдя дополнительную программу, я приступил к одиночным самостоятельным полетам. Через несколько дней меня уже допустили к сложному пилотажу.

И вот, незадолго до каникулярного отпуска, второго октября, с утра, когда солнце еще только высветило на горизонте синеющие горы, подернутые белёсой дымкой, мне на полетах первой смены досталась та самая проклятая четвертая зона, под которой разбился Андрюха. Впрочем, на деле эта зона больше ничем и не отличалась от всех других.

Под ней проходил один из маршрутов, и, бывало, когда курсант выполнял задание в зоне, а второй приближался к ней заданным курсом на более низкой высоте, в эфир летела команда руководителя полетов: «Такому-то ниже 2500 (метров) не снижаться, под вами такой-то...»

Левым разворотом я занял зону и доложил в микрофон:

— 7-51-й четвертую занял, 3500.

— 7-51-й, выполняйте, — раздался в наушниках голос руководителя полетов.

Далеко внизу, под крылом «элки», были разбросаны неправильные многоугольники свежевспаханных черноземных полей. Лесополоса длинной прямой линией разрезала поля. Кирпично-красные и серые шиферные крыши казавшихся сверху игрушечными домов виднелись в стороне, за пашнями. А на сходящемся горизонте аквамариновые, просвечивающиеся сквозь дымку, важно высились горы. И меня больно кольнула мысль: всего этого больше никогда не увидит Андрюха, и даже его могилу — настоящую, а не ту, на родине, куда опустили цинковый гроб с лоскутом кожи и толикой спекшейся почвы, — теперь уж и не найти в этом черном вспаханном поле.

В наушниках раздался голос руководителя полетов, предупреждающий:

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться. Под вами 7-38-й.

Оказывается, внизу, по маршруту, вместе с летчиком-инструктором, сейчас должен был пролететь Валерка Градов. Он в смерти Сказкина винил меня и только меня и наверняка с удовольствием доложил бы про спор в курилке, не будь у самого рыльце в пуху.

«Вот на-ка, выкуси, — злорадно подумал я, взглядываясь вниз, хотя и понимал, что камуфлированный самолетик в воздушном океане найти — задача не из легких. — А не хочешь мышь белую съесть?»

И как бы разом отключился у меня контролирующий поступки центр. Я резко дал своему «альбатросу» крен восемьдесят градусов вправо, поставив «элку» крылом под углом к земле и с силой потянул ручку управления на себя. Самолет затрясло, умная машина как бы предупреждала меня о возможных последствиях. Но граница благоразумия осталась позади, и я решительно убрал обороты двигателя до семидесяти процентов. Стрелка указателя скорости теперь слабо дрожала на отметке «300».

Словно бы нехотя перевалившись через правое крыло, самолет встал почти перпендикулярно земле и на мгновение замер, подобно ныряльщику, взлетевшему вверх с трамплина, с раскинутыми руками, уже перевернувшись в воздухе головой вниз и начинающему свободное падение. Медленно пройдя точку неустойчивого равновесия, «элка» начала второй виток штопора и, постепенно набирая скорость его оборотов, забилась, словно в предсмертной агонии. Педали колотили меня по ногам, самолет вибрировал и крутился так, что я, трясясь в кресле и мертво вцепившись в ручку управления, быстро потерял всякую ориентировку. Аспидные поля, кроны лесополосы, аквамариновые горы и светлое небо с неярким диском утреннего солнца на нем слились вокруг меня в разноцветное месиво.

Жестко ткнувшись затылком о заголовник кресла, я несколько протрезвел от болтанки, поняв, что меня крутит вправо и что я уже в устойчивом штопоре.

«РУД (рычаг управления двигателем) на малый газ... — вместе с самолетом вертелись и мысли в голове. — Так, есть... Левую педаль отжать до упора... Ручку управления в нейтраль... Готово... Ну же, давай... Сейчас, сейчас... Что это? Он же не слушается! Не слушается!!! Бросать управление? Катапультироваться? Пока есть время... Нет, угроблю самолет! Или иначе угроблюсь сам! Катапультироваться? Ну, нет! Тогда трусость будет грызть меня до могилы! Бог мой, да я уже лечу в нее, и на страшной скорости!»

Не слыша, держит ли со мной связь руководитель полетов, я переживал тогда, видимо, то же, что и в свои последние секунды жизни Андрюха. Обруч неразмыкаемого круга, в котором бушует, не в силах вырваться за его пределы, жизнь и который десятилетиями сжимается, постепенно приближая человека к смертному часу, но готовый также лопнуть ежесекундно, внезапно сдавил мой мозг, вытеснив из него все мысли, кроме единственной, заполнившей каждую клеточку тела: «Неужели сейчас я умру? Не хочу, нет!!!»

...Показалось или нет, что вращение замедлилось? Вращение замедлилось... Замедлилось вращение! Еще, еще...

«Так, — уже гораздо спокойнее подумал я. — А теперь — резко педали в нейтральное положение...»

Самолет уже устойчиво пикировал, теряя высоту, а земля и небо заняли привычные места. Я дал «элке» обороты, собираясь выводить ее из пике.

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! — ворвалась в наушники близкая к истеричной команда руководителя полетов.

Я мгновенно взглянул на высотомер: 1600! А на 1500 — маршрутчик! О боже! Самолет с ним прямо подо мной!

«Ручку управления на себя», — подумал я одновременно с движением...

И в каких-то десяти—пятнадцати метрах я пронесся перед маршрутчиком, пересекая ему путь под углом вправо. Еще не успевшее исказиться от страха и удивления, но уже застывшее маской, мелькнуло сбоку лицо Валерки Градова за стеклом фонаря (лица летчика-инструктора рассмотреть не успел), и, просев еще ниже, «горкой» ушел вверх, а в наушниках бился в крике голос руководителя полетов:

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться, задание прекратить, стать в левый вираж с креном в тридцать градусов, 2500 до команды...

— Выполняю, — наконец кое-как смог ответить я.

— 7-38-й, высота 1200, следовать на точку, посадка с ходу, — это уже касалось Валерки.

Набрав нужную высоту и став в левый вираж, я повел самолет по дуге. И тут же подумалось: так, выходит, я сам сделал то, что обещал и не сумел сделать Андрюха? Что ж, репутацию свою я точно восстановил. Но... Теперь моя летная карьера, скорее всего, накрылась окончательно и бесповоротно: «наводить погоду» над головой некому... Тем более, что в запрещенный штопор самолет я свалил уже после печального опыта Сказкина и всех последствий-разбирательств,

---

связанных с его гибелью. И еще три жизни плюс две единицы дорогостоящей техники чуть было не угробил.

— 7-51-й, — услышал я новую команду, — спираль до 2000, следуйте на точку 1500.

— Выполняю... — Заняв назначенную высоту и согласовав компас, я доложил: — Четвертую освободил, иду на точку 1500.

— 7-51-й, займите к третьему развороту 600, посадка с ходу, — тоже спокойно приказал руководитель полетов.

— Выполняю...

Посадка получилась, как и обычно у меня, мягко. Когда освобождал «взлетку», голос в наушниках пригласил:

— 7-51-й, с пленкой и командиром звена — немедленно ко мне. — И коротко-устало добавил: — Больше не летаешь...

Это знаменовало начало конца.

Когда я по рулевой дорожке докатил «элку» до стоянки и выключил двигатель, то почувствовал, что весь взмок, а колени дрожат, будто после капитальной драки. Довольно запоздалая реакция на стресс...

Техник самолета открыл фонарь кабины и, несколько удивленно глядя на меня, — видимо, печать пережитого отложилась на лице — принялся ставить защитные чеки на кресло (чтобы в случае чего не смогла сработать система катапультирования).

Освободившись от подвесной системы, я медленно вылез из кабины. Почувствовал под собой бетон аэродрома, и меня слегка шатнуло на родной и безопасной сейчас земле. Расписавшись в бортовом журнале, сказал технику, что замечаний нет, снял защитный шлем.

Перед классом предполетных указаний стояли Валерка Градов и его летчик-инструктор старший лейтенант Зорин. Узкоплечий, как мальчишка-подросток, офицер, впрочем, имевший репутацию опытного летчика, злобно вперился в меня: еще бы, по милости какого-то идиота пережить смертный страх! Взора Градова я не видел: сокурсник отвернулся в сторону, насколько позволяли шейные позвонки.

Валеркин инструктор осторожно двинулся ко мне — бочком, агрессивно выпятив подбородок, но тут из класса выскочил мой командир звена. опередив Зорина, капитан уцепил меня за грудки и яростно затряс, выплескивая в лицо:

— Ты что, с ума сошел? Смерти захотел? — И, видимо, не находя от возмущения дальнейших слов, резко оттолкнул, почти отбросил от себя.

Отшатнувшись назад, я еще пытался удержаться на ногах, но зацепился за выбеленный бордюр и растянулся. Лежа, глупо подумал: «Можно ли считать это рукоприкладством?»

Встав, хотел подобрать свою амуницию, но командир звена отрывисто бросил:

— Оставь! — схватил, как пацана, меня за руку и потащил в класс предполетных указаний, куда уже спешил солдат из группы материалов объективного контроля с кассетой САР-ППа, снятой с моей «элки».

Нудный рассказ о том, как меня таскали по всем инстанциям, опрашивая и допрашивая, опускаю. Что сорвал самолет в штопор нарочно, рассказал с глазу на глаз только в беседе с начальником училища, хотя по расшифрованной кассете это и так было отлично видно.

— Причина? — коротко спросил генерал-майор авиации.

— Не верил в судьбу. Но хотел ее проверить: через летную подготовку, — признался я и — гори оно все синим пламенем! — рассказал о споре в курилке. Подробно.

Конечно, по сути, я предавал тогда остальных свидетелей пари, но одному быть козлом отпущения... Нет уж, позвольте. О попытке ночного самосуда умолчал.

Начальник училища слушал мою исповедь, не перебивая и вертя в руках огромную восьмицветную авторучку, а когда я замолчал, неожиданно грохнул кулаком по толстому оргстеклу, покрывавшему полированный стол, так, что подпрыгнул перекидной календарь и стопка каких-то бумаг, а бронзовый «МиГ»-сувенир чуть не стартовал с постамента.

— Мальчишка! И уже настолько нравственно глух! Моя бы воля — драл до костей! — И генерал-майор коротко выругался. А, поостыв, добавил: — Что ж, случай с курсантом Сказкиным теперь вполне ясен. Но хотя летчик и не может быть пай-мальчиком, тебя все же придется отчислить.

Услышав эти страшные для меня слова, я одновременно прочел в генеральском взгляде искреннее сочувствие: летчика к летчику.

— Знаю, — обреченно кивнул я, заглушая боль обманутой надежды, до этой секунды еще теплившейся во мне.

— Что ты знаешь? Что ты еще знаешь? — неожиданно вновь разбушевался начальник училища. — Да на тебя государство уже такие деньги положило, а он!.. За смерть товарища вины не осознал, себя и еще двоих, «за компанию», едва не угробил! О летной технике вообще молчу! — И попытожил: Отслужишь год солдатом — пиши рапорт, возвращайся. Из тебя должен получиться толковый летчик.

— Не знаю, — честно сознался я, пожал плечами и поинтересовался: — Товарищ генерал-майор авиации, а... что теперь будет Градову и остальным?

— Разберемся, — отрубил начальник училища. — Тебя данное уже не касается.

Что ж, все было именно так, как оно и должно было быть...

Моя история подошла к концу. Сейчас, по прошествии года, за который я так много раз возвращался в мыслях к пережитому, я пытаюсь логично оценить ситуацию, которую спровоцировал сам, даже не приняв во внимание, как она отзовется на многих других людях...

Тогда же, выходя из кабинета начальника училища, я не удержался и, подзуживаемый острым внутренним желанием, поинтересовался:

— Товарищ генерал-майор авиации... А вот как вы сами считаете, есть на свете фатум или?..

Однако вместо какого-либо ответа начальник училища, после короткой заминки, громко приказал:

— В эскадрилью!

Генерал, по-видимому, был не любитель философских прений.

ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ ОКТАБРЯ 1993 ГОДА

В октябре 2013 года исполняется двадцать лет одной из величайших трагедий русской истории — расстрелу в центре Москвы на глазах всего мира многих сотен патриотов России. Но по-прежнему главный вопрос тех событий: сколько жизней унесла октябрьская бойня? — остаётся без ответа. Автор этих строк уже несколько лет, собирая по крупицам опубликованные и неопубликованные свидетельства очевидцев, пытается приблизиться к истине. Предварительные результаты расследования опубликованы в книге «Забытые жертвы октября 1993 года», изданной в 2010 году в Туле. Цель данной статьи — познакомить неравнодушного читателя с новой информацией, открывшейся за последнее время.

Некоторые факты, изложенные в книге, пришлось уточнить и исправить. Например, приводилось следующее свидетельство народного депутата А.М. Леонтьева о расстреле ранним утром 4 октября 1993 года казачьей заставы на Дружинниковской улице: «По переулку напротив Белого дома стояли 6 бронетранспортёров, а между ними и Белым домом за колючей проволокой... лежали каза-

---

Продолжение. Начало в №10 за 2006,
2009 и 2010 гг.

ДОСЬЕ "МГ"

ки с Кубани — человек 100. Они не были вооружены. Были просто в форме казаков... К подъездам из сотни казаков добежали не более 5—6 человек, а остальные все полегли» (Григорьев Н.Г. Дни, равные жизни. Чебоксары. 2000. С. 363).

Однако казаки сотни В.И. Морозова, которые держали оборону на Дружинниковской улице, уточнили, что к началу атаки БТРов непосредственно на заставе находилось 8—10 человек. БТРы атаковали со стороны мэрии, двигаясь по Рочдельской улице. Поскольку застава была хорошо укреплена двумя баррикадами, которые перекрывали Дружинниковскую улицу, образуя квадрат между стеной стадиона и парком, казаки, находившиеся там во время утренней атаки БТРов, к счастью, уцелели.

В 2012 году известный общественный деятель, в 1993 году возглавлявший движение «Народное действие», Георгий Георгиевич Гусев познакомил с уникальными записями из своего аудиоархива. После трагической развязки Георгий Георгиевич, благодаря протекции А.И. Вольского, получил от нескольких коммерческих банков средства на оказание финансовой помощи раненым и родственникам погибших. Шесть аудиокассет (теперь оцифрованных и переданных на хранение в Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов Москвы), хранят ценный исторический материал — свидетельства людей, ставших очевидцами кровавых событий тех дней. Приведём два характерных рассказа из аудиоархива Гусева, записанных в октябре — ноябре 1993 года.

Преподаватель МГУ Сергей Петрович Сурнин во время начала штурма находился недалеко от восьмого подъезда Белого дома. «Между эстакадой и углом здания, — вспоминал он, — находилось человек 30—40, прятались от БТР, которые начинали постреливать в нашем направлении. Вдруг с тыла здания перед балконом раздалась сильная стрельба. Все легли, все были без оружия, лежали довольно плотно. Мимо нас прошли БТРы и с расстояния 12—15 метров расстреляли лежащих людей — одна треть рядом лежащих была убита или ранена. Причём в непосредственной близости от меня — трое убитых, двое раненых: рядом, справа от меня, убитый, ещё за мной убитый, впереди, как минимум, один убитый».

Об исходе из Дома Советов поделился воспоминаниями участник Союза офицеров. Вот что он рассказал: «Прибыл из Ленинграда 27 октября... Через несколько дней переведён в охрану Макашова... 3 октября поехали в Останкино. От Останкино прибыли в 3 ч ночи к Верховному Совету. В 7 ч утра, когда начался штурм, находился с Макашовым на пер-

---

вом этаже у центрального входа. Непосредственно участвовал в боях...

Раненых не давали выносить... Вышел из здания в 18 ч. Нас направляли на центральную лестницу. На лестнице собралось человек 600—700... Офицер «Альфы» сказал, что т.к. автобусы подойти не могут — заблокированы сторонниками Ельцина, то выведут нас за оцепление, чтобы мы шли до метро своим ходом и разъезжались по домам. При этом один из офицеров «Альфы» сказал: «Жалко ребят, что с ними сейчас будет».

Нас довели до ближайшего жилого дома. Как только вышли на переулок, по нам был открыт огонь, автоматический, снайперский, с крыш и переулка. Сразу было убито и ранено 15 человек. Люди все побежали в подъезды и во двор колодезного дома. Я попал в плен. Меня арестовал сотрудник милиции с угрозой того, что если я откажусь подойти к нему, огонь будет открыт по женщинам на поражение. Он отвёл меня к трём бейтаровцам, вооружённым снайперскими винтовками. Когда они увидели у меня на груди значок «Союза офицеров» и камуфляжную форму, то, сорвав значок и вытащив из карманов все документы, начали избивать. При этом на противоположной стороне у дерева лежали четыре расстрелянных молодых парня, двое из которых были баркашовцы. В этот момент подошли два бойца «Витязя», один из них офицер, другой старшина. Один из бейтаровцев подарил им мои ключи от квартиры в виде сувенира на память.

Когда женщины в подъезде увидели, что меня сейчас будут расстреливать, начали вырываться из подъезда. Эти бейтаровцы начали их избивать прикладами винтовок. В этот момент старшина меня поднял, а офицер отдал ключи и сказал, чтобы я уходил под прикрытием женщин в другие дворы. Когда мы туда пришли, нас сразу предупредили, что около школы засада, там дислоцируется ещё одно подразделение ОМОНа. Забежали в подъезд. Нас там встретили чеченцы, у которых мы прятались в квартире до утра 5 октября... Нас было 5 человек... Ночью происходили постоянно одиночные выстрелы, избиения людей. Это было чётко видно и слышно. Все подъезды проверялись на момент обнаружения защитников Верховного совета».

В том злополучном дворе оказался и Г.Г. Гусев. Из противоположного крыла дома стреляли. Люди кинулись врассыпную. Георгий Георгиевич до 2 ч ночи прятался в одном из подъездов. В 2 ч ночи пришли неизвестные и предложили вывести желающих из зоны. Гусев немного замедлил, но когда вышел из подъезда, тех неизвестных уже не было видно, а

около арки лежали убитые, первые трое, которые отозвались на призыв незнакомцев. Развернувшись на 180 градусов, он спрятался в тепловом подвале, выкрутив лампочку освещения. В подвале просидел до 5 ч утра. Выйдя, наконец, на волю, увидел двоих, по виду бейтаровцев. Один из них говорил другому: «Где-то здесь должен быть Гусев». Георгию Георгиевичу снова пришлось укрыться в одном из подъездов дома. Поднимаясь на чердак, в парадном и на этажах видел кровь и много разбросанной одежды.

Судя по показаниям Г.Г. Гусева, певицы Т.И. Картинцевой, депутата Верховного совета И.А. Шашвиашвили, помимо омовцев во дворе и в подъездах дома по переулку Глубокому задержанных избивали и убивали неизвестные «в странной форме».

Тамара Ильинична Картинцева, вместе с некоторыми другими, вышедшими из Дома Советов, спряталась в подвале того дома. Пришлось стоять в воде из-за прорванной трубы отопления. По словам Тамары Ильиничны, мимо бегали, раздавался топот — искали защитников парламента. Неожиданно она услышала диалог двух карателей:

— Здесь где-то есть подвал, они в подвале.

— Там в подвале вода. Они там всё равно передохнут все.

— Давай гранату бросим!

— Да ну, всё равно мы их перестреляем — не сегодня, так завтра, ни завтра, так через полгода, всех русских свиней перестреляем. (См. Дополнительные материалы к фильму В. Тихонова «Русская тайна»).

Скрываясь в подвале, Г.Г. Гусев поймал на радиоволне разговор двух предположительно милиционеров. Один спрашивал по рации другого: «Куда вести задержанных?» Тот отвечал: «Веди их на стадион». Теперь, когда минуло двадцать лет с тех расстрельных дней, можно более точно восстановить картину того, что с вечера 4 октября до утра 5 октября происходило на расположенном вблизи Белого дома стадионе «Асмарал» (Красная Пресня).

Художник Анатолий Леонидович Набатов ранним вечером 4 октября наблюдал из окна Дома Советов, как на стадион привели большую группу людей, по словам Набатова человек 200, и у стены, примыкающей к Дружинниковской улице, расстреляли. 21 сентября 2011 года в День Рождества Пресвятой Богородицы мне удалось встретиться с Юрием Евгеньевичем Петуховым, отцом расстрелянной у телецентра в Останкино Наташи Петуховой. Около 7 ч утра 5 октября, когда палачи уже покинули стадион, а «санитары» ещё не пришли, Юрий Евгеньевич смог побывать там. Вдоль выхо-

---

дящей на Дружинниковскую улицу стены стадиона, по его словам, лежало примерно 50 трупов.

Свидетельства очевидцев дают возможность установить основные расстрельные точки на стадионе. Первая — угол стадиона, выходящий на начало улицы Заморёнова и представлявший тогда собою глухую бетонную стену. Вторая — в правом (если смотреть от улицы Заморёнова) дальнем углу, примыкающем к Белому дому. Там расположен небольшой бассейн и недалеко от него закуток-площадка между двумя легкими строениями. По словам местных жителей, там пленных раздевали до нижнего белья и расстреливали по несколько человек. Третья расстрельная точка, судя по рассказам А.Л. Набатова и Ю.Е. Петухова, — вдоль стены, выходящей на Дружинниковскую улицу.

Для вывоза трупов из здания парламента и с примыкающей к нему территории использовались грузовые машины и баржи. Лидия Васильевна Цейтлина через некоторое время после октябрьских событий встретила с шофёром автобазы. Грузовые машины той автобазы были задействованы в вывозе трупов от Белого дома. Шофёр сообщил, что в его грузовике в ночь с 4 на 5 октября перевозили трупы расстрелянных на стадионе. Ему пришлось сделать два рейса в Подмоскowie, в лесной массив. Там трупы бросали в ямы, засыпали землёй и ровняли место захоронения бульдозером. Трупы вывозили и на других грузовиках. Как выразился шофёр, «устали возить».

Друг речника Владимира Ивановича Коршунова Валерий Реутов, в 1993 году капитан небольшого судна Западного порта, избил при участии товарищей по команде судна экипаж баржи, на которой переправлялись трупы от Дома Советов.

Один из основателей общества «Мемориал» преподаватель математики Евгений Владимирович Юрченко помог прояснить вопрос по тайному уничтожению трупов в московских крематориях. Его расследование началось с телефонного звонка в «Мемориал» женщины, которая хоронила сестру на Хованском кладбище. Она утверждала, что слышала разговоры кладбищенских рабочих о том, что на грузовиках доставляли неопознанные трупы. В первую неделю после расстрела Белого дома Евгений Владимирович вместе с Олегом Орловым обошли кладбища Москвы и ближнего Подмосковья. Сотрудница Хованского кладбища разрешила им переписать из журнала регистрации данные по доставленным для сожжения в крематорий кладбища трупам неизвестных лиц. Например, на машине с указанным номером привезли 19 тру-

---

пов: три женщины, остальные мужчины. Рабочие Николо-Архангельского кладбища говорили о сожжении 300—400 трупов в те дни в кладбищенском крематории. Судя по репликам привозивших, в основном это были трупы людей, погибших в Белом доме. Примечательно, что в 2008 году рабочие Николо-Архангельского кладбища в частной беседе со своим сослуживцем, защитником Верховного Совета, подтвердили факт тайной кремации трупов после расстрела Дома Советов. Трупы привозили без гробов, в открытых ящиках и в полиэтиленовых мешках и, не разбирая, кремировали и хоронили.

Сотрудники Митинского крематория отказались что-либо говорить Юрченко и Орлову. Когда они через несколько дней снова посетили Хованское кладбище, сотрудница, ведавшая журналом регистрации, воскликнула: «Нет, нет, больше ничего не могу сказать!»

Евгений Владимирович пережил не одну бессонную ночь. Ему начали угрожать. Какие-то люди ночью во дворе дома перевернули его машину. В другой раз в машину во время одной из поездок выстрелили из мимо проезжавшей «Волги».

В итоге по журналам регистрации Юрченко документально может подтвердить гибель приблизительно ста человек. Эти данные он и озвучил 30 сентября 1994 года на проходившей в Доме медиков научно-практической конференции «Год после путча». Кто-то из присутствующих на конференции опубликовал в печати несколько искажённые цифры о том, что, по данным Юрченко, на сентябрь 1994 года общее число погибших (доказан факт исчезновения и найдены свидетели гибели) составляло 829 человек (Аль-Кодс. 1994. №27. С. 4). Евгений Владимирович в личной беседе с автором этих строк уточнил, что такого числа погибших он не называл.

26 марта 2012 года в процессе обжалования в Мосгорсуде решения Савёловского районного суда по иску участников Фонда содействия увековечиванию памяти погибших граждан в сентябре — октябре 1993 года «о защите чести и достоинства» к Л.М. Млечину, я познакомился с Алевтиной Александровной Маркеловой. 6 октября 1993 года она дежурила на Дружинниковской улице. К Маркеловой подошёл мужчина, державший в руках большой портфель. Он сказал, что в детском парке (недалеко от того места, где позже установлена Крестовоздвиженская часовня) из груды пепла ему удалось вытащить документы, сохранившиеся при сжигании одежды расстрелянных защитников Верховного Совета. Алевтина Александровна направила того человека в Международный фонд славянской письменности и культуры, при ко-

---

тором действовал Общественный комитет по погребению убиенных. Руководитель фонда скульптор В.М. Клыков собрал журналистов, которые пересняли разложенные на столе удостоверения, найденные среди пепла от сожженной одежды. Присутствовавшая на пресс-конференции Елена Васильевна Русакова утверждала, что, по словам Клыкова, в том портфеле оказалось много удостоверений приднестровцев.

По оперативным данным МВД, в здании осаждённого парламента находилось 30 человек, прибывших из Приднестровья с огнестрельным оружием (см. Некрасов В.Ф. МВД в лицах. Министры от В.В. Федорчука до А.С. Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 272). Вместе с тем, посольство Молдовы в Москве сделало заявление, что Белый дом защищали 150 приднестровских солдат и офицеров (Известия. 1993. №194. С. 2). Е.В. Юрченко встречал в здании осаждённого парламента многих знакомых приднестровцев. «Например, только один отряд приднестровцев, с которым я столкнулся, — вспоминал он, — был около 30 человек. А вообще-то, как рассказывают, их было значительно больше. И судя по наградным материалам, опубликованным в приднестровских газетах, многие из них погибли. В официальном же списке ни одного приднестровца нет» (Российская правда. 1994. №20. С. 1).

В официальном списке погибших нет и других защитников Верховного Совета, пропавших без вести в те переломные дни. Их родственники и боевые друзья продолжают свидетельствовать о свершившейся трагедии. По словам защитника Дома Советов из 2-го казачьего батальона, повар из их отряда после 4 октября 1993 года пропал без вести. Другой защитник парламента говорил, что в их отряде недосчитались, как минимум, пяти человек. Капитан 2 ранга Юрий Тихонович Рязанов свидетельствует, что из их группы пропал старший лейтенант Аркадий.

В центре Москвы в доме на улице Гиляровского живёт одинокая пожилая женщина, Зинаида Алексеевна. У неё был сын, Баринов Константин Александрович 1960 года рождения. Константин окончил Мытищинский машиностроительный техникум, работал фрезеровщиком на заводе, хорошо рисовал. Когда в 1980 году вернулся из армии, произнёс загадочные слова: «Мама, я проживу 33 года». 13 июля 1993 года ему исполнилось 33 года. 26 сентября 1993 года он ушёл на защиту Белого дома и после кровавой развязки пропал без вести. Зинаида Алексеевна обратилась в милицию, плакала, просила помочь что-либо узнать о сыне. Сотрудники милиции, улыбаясь, взяли паспорт Константина, и на этом всё

закончилось. Только совсем недавно в конце 2011 года мать решила рассказать о судьбе сына соседке по дому.

По-прежнему остаётся неизвестным имя православного священника, расстрелянного утром 4 октября на Дружинниковской улице. Иерей Виктор (Заика), слава Богу, остался жив. Батюшка и его духовные чада в последующие годы приезжали в Москву на панихиды у Белого дома. Но гибель священника видели по меньшей мере трое: ветеран Великой Отечественной войны А.С. Дядченко, певица Т.И. Каргинцева, депутат Верховного Совета А.М. Леонтьев. Вот что, например, рассказала Тамара Ильинична Каргинцева: «Подъехали БТРы, на них в чёрных кожаных куртках парни с длинными стволами. Один из БТРов развернулся, направил свою пушку и стал палить по бункеру. А там же, за бункером, парк, люди ходят. Ещё был иконостас. Из бункера вышел священник с иконой, отец Виктор, я же это видела, и БТР его в упор расстрелял и проехался по нему» (см. фильм В. Тихонова «Русская тайна»).

В личной беседе Тамара Ильинична уточнила, что священник пошёл навстречу БТРу в сторону Дружинниковской улицы. Момент расстрела она пропустила, но заметила, как БТР проехал по упавшему священнику. В 2008 году мне удалось поговорить с жителем одного из домов, примыкающих к стадиону «Красная Пресня». Он рассказал, что утром 5 октября принимал участие в перетаскивании трупов на Дружинниковской улице. Среди погибших оказалось и тело убитого священника.

Положение несколько прояснила Нина Константиновна Кочубей. Во время блокады Дома Советов Нина Константиновна видела иерея Виктора (Заику) из города Сумы. Однажды она проходила мимо другого священника и услышала, как обратилась к нему подошедшая женщина: «Отец Виктор». Кочубей возразила той женщине: «Это не отец Виктор». На что ей ответили, что это другой отец Виктор. Через некоторое время после трагических событий Нина Константиновна узнала от православных женщин, что тот другой батюшка Виктор погиб.

А.Залесский характеризовал оставшегося в живых батюшку Виктора (Заику) следующим образом: «Больше всех мне запомнился худощавый, аскетического вида священник. На вид ему 25—30. С густой бородой и длинными волосами... Приехал, как он сам рассказывал, с Украины... Молится, проповедует, беседует, ободряет. И сейчас как будто вижу перед собой его высокую чёрную фигуру во главе крестного хода. За ним идут пять или шесть старушек, его неизменных

спутниц, с иконами, усердно поющих. А дальше уже кто придёт — сегодня одни, завтра другие» (Православная Москва. 1998. №31. С. 6).

После Панихиды 4 октября 2012 года мне удалось поговорить с подполковником Борисом Александровичем Оришевым. В блокадные дни он спросил одного из священников, почему тот здесь. Умирать в бою — долг военного. Что же он как священник может сделать? На что батюшка ответил: «Я здесь, чтобы остановить кровопролитие. Если возникнет угроза кровопролития, возьму икону и выйду навстречу войскам».

Светлана Вольская 12 октября 1993 года записала в своём дневнике: «У батюшкиной символической могилы большая икона, возле которой — настоящая кровь. Все эти дни было сухо, сегодня — первый дождливый день, вот и потекла запекшаяся на земле кровь. Но это — «научное» объяснение, верующие же верят — это кровь праведника вопиет на девятый день» (Наш современник. 1998. №10. С. 122).

В дни противостояния у Белого дома постоянно находились православные священники: служили молебны, совершали крестные ходы. К ним примкнули многие верующие, в том числе из других городов. Журналист А. Колпаков вечером 3 октября встретил у здания парламента пятерых священников (МК. 1993. №205. С. 2).

Проходят годы, и всё труднее устанавливать имена людей, положивших «жизнь свою за други своя». Но у Бога все живы и никто не забыт. Без Его Святой Воли не происходит ничего.

С течением времени всё больше проявляется масштаб октябрьской трагедии. Четверо суток из разгромленного здания парламента вывозили трупы. На столе В.С. Черномырдина видели записку, в которой сообщалось, что только за трое суток из Белого дома вынесено 1575 трупов («Правда о расстреле советской власти». Информационный бюллетень МГО КПРФ. 2009. С. 4). Генерал-майору милиции Владимиру Семёновичу Овчинскому (в 1992—1995 годах помощник первого заместителя министра внутренних дел Е.А. Абрамова), сотрудник МВД, побывавший в Доме Советов после штурма, говорил, что в здании обнаружили 1700 трупов. Тела погибших штабелями в чёрных пакетах, заваленные сухим льдом, лежали на цокольном этаже. Подполковник милиции сообщил Александру Павловичу Репетову, что в начале 1990-х годов в «обычные» месяцы по статистке, предоставляемой в МВД, за месяц в московских крематориях сжигали до 200 невостребованных трупов. Но за октябрь 1993 года дали цифру на 1500 больше. Таким образом общее число

погибших превышает 2000 человек. Ельцинскому режиму было что скрывать. Ведь среди погибших немало женщин, детей, стариков...

Нам ещё предстоит осознать ту великую жертву, которую исполнили погибшие патриоты России в октябре 1993 года. Духовно-нравственный смысл кровавых событий с годами всё явственнее проступает сквозь пелену ненависти и заблуждений.

27 сентября 1993 года в праздник Крестовоздвижения молодой священник по окончании Крестного хода вокруг Белого дома сказал: «Сегодня, в праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня, православные в храмах поклоняются кресту. Мы с вами не можем пойти в храм, но мы несём свой крест здесь» («Московский апокалипсис...» С. 117).

За три дня до штурма Дома Советов к супруге Андрея Фёдоровича Дунаева (исполняющим обязанности президента А. В. Руцким назначен министром внутренних дел) Анне Евдокимовне пришёл «посланный» от бывшего председателя КГБ В.А. Крючкова и предупредил, что расправа назначена на утро 4 октября. Как свидетельствует подполковник Б.А. Оришев, за несколько дней до бойни омоновцы говорили защитникам парламента: «Мы вас всех будем резать 4 октября». Накануне кровавой развязки сотрудники милиции сообщили казакам, охранявшим баррикаду на Дружинниковской улице, что 3 октября блокада будет снята, но фиктивно, якобы в результате «прорыва восставшего народа» (Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., 2008. С. 199). Уже после прорыва блокады «дзержинец», оказавшийся в здании парламента, заявил: «Нам дали приказ: как только пойдут, бегите» (аудиоархив Г.Г. Гусева).

Ближе к вечеру того же дня у Белого дома молодой монах произнёс: «Сегодня прольётся кровь, много крови» (Век. 1993. №39. С. 1). Защитники Белого дома осознавали, что в случае трагической развязки они, практически безоружные, погибнут, но всё же прошли свой крестный путь до конца.

«Я знал лично троих погибших: Ермаков, Фадеев, Шалимов, — вспоминал Сергей Петрович Сурнин. — Это были простые душевные русские люди. Они очень болели за нашу Родину и очень хотели, чтобы был в стране порядок и счастье народа».

Покаянная молитва уже начала звучать 4 октября 1993 года. Тогда на Дружинниковской улице убили мужчину, стоявшего во время штурма на коленях. В тот день Русская Православная Церковь отмечала отдание праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Люди, при-

---

нявшие мученическую кончину у Белого дома, искупили своей жертвой безмолвие миллионов соотечественников, с равнодушием взиравших на гибель Родины.

В августе 1996 года в детском парке вблизи Белого дома по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II усилиями общественной организации «Троицкий Православный Собор» установлена Часовня Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в память о трагедии осени 1993 года. 27 сентября 1997 года после службы в часовне одному юному прихожанину удалось зафиксировать на фотоплёнку чудо «красное облако». Основание часовни погружено в кровавый туман, образующий на фоне багряных верхушек деревьев парка и стадиона кровавую чашу. Исследовавшие плёнку специалисты установили: кадр не засвечен.

На груди расстрелянного в Останкино 3 октября 1993 года Алексея Шумского родители нашли переписанную цитату из Священного Писания: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, то Я избрал вас». «Незадолго перед гибелью, — вспоминала мама расстрелянного у Дома Советов четырнадцатилетнего Кости Калинина, — всё время спрашивал: «Мама, ну когда ты меня покрестишь?». Младших-то я как-то быстро покрестила, а вот его всё не получалось. Так и не успела... И вот, когда его хоронили, там же, на Бабушкинском кладбище, отпевали одну старушку. И вдруг батюшка подошёл к нам сам: «Крестили? Отпевали?» А услышав, что мальчика не успели окрестить, сказал: «Я сейчас всё сделаю». И покрестил его» (Советская Россия. 1994. №106. С. 4).

В 2003 году архимандрит Кирилл (Павлов) благословил священника Виктора (Кузнецова) на работу над книгой воспоминаний о «чёрном октябре» такими словами: «Во всём свой урок. А расстрел стольких людей в 1993 году и Высшего законодательного органа страны, избранного народом, это — преступление особое! Тут было совершено редчайшее злодеяние. Про него нельзя забывать». Старец Николай (Гурьянов) сказал Александру Павловичу Репетову о погибших в Белом доме: «Они все блаженствуют. Молись за них. И они будут молиться за тебя». И ещё сказал, что души убиенных в Белом доме, так же, как и души многих защитников Отечества в Великую Отечественную войну, уходили прямо в рай, минуя мытарства.

ВЛАСТИ «ПОСКРОМНИЧАЛИ»...

ФМС насчитала в РФ 5 миллионов постоянных мигрантов, из них 3 миллиона — нелегалы.

Что ж вы так волнуетесь, граждане России? В стране «все-го-то» три миллиона нелегальных трудовых мигрантов (и это на 140 миллионов населения). Правда, они составляют большинство постоянно осевших в России гастарбайтеров, коих всего насчитывается пять миллионов. Но паниковать не надо: нелегалы ведь лишь «нарушили срок пребывания на территории России», не выехав отсюда в установленный 90-дневный срок.

Вот такую лапшу вешает нам на уши Федеральная миграционная служба (ФМС). При этом она признает, что ежегодно в Россию прибывают порядка 15 миллионов мигрантов, причем их приток постоянно увеличивается. Но, судя по предыдущей «арифметике» ФМС, две трети из них (15 миллионов минус осевших 5 миллионов) являются всего лишь «туристами», навестившими нашу страну всего-то на три месяца, а то и менее. Вы, коренные граждане России, верите этим подсчетам?

ДОСЬЕ "МГ"

«Мы сегодня видим более трех миллионов человек, которые нарушили срок пребывания на территории России», — признал заместитель руководителя ФМС Анатолий Кузнецов на «круглом столе» в Общественной палате РФ. «Толпы иностранцев, крадучись за кустом, через границу не попадают. Это в основном законно въехавшие на территорию России иностранные граждане и лица без гражданства», — уверяет он. Однако вот беда: «въехав на территорию России, через некоторое время они переходят на положение нарушителей миграционного законодательства», — сетует Кузнецов.

Замглавы ФМС при этом сообщил, что миграционная привлекательность России год от года растет: если в 2011 году страну посетили чуть меньше 14 миллионов иностранцев, то в 2012 году — уже без малого 16 миллионов. «Два с половиной месяца текущего года показывают, что въезд продолжает увеличиваться. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года, число въехавших возросло на 14%», — сообщил замглавы ФМС.

Что же это за «статистика» такая у ведомства, являющегося главным регулятором (и одновременно стимулятором) миграционных потоков? Как могут ей верить те же жители Москвы, Петербурга и других российских мегаполисов с их емким рынком труда (да и некоторых уже облюбованных гастарбайтерами менее крупных населенных пунктов, где рабочие места уже разобраны мигрантами), которые каждый день сами видят, как их родной город все более оккупируется приезжими?

Особенно же фальшиво такая успокоительная «статистика» ФМС смотрится на фоне данных о преступности. Та же ФМС устами своего руководителя, г-на Ромодановского, при каждом случае отмечает, что на приезжих мигрантов, дескать, приходится не более 3—4% всех совершаемых в стране преступлений. Остальные правонарушения, мол, на совести российских граждан. То есть приехавшие к нам на работу мигранты ничуть не более законопослушны, чем коренное население.

И если верить приведенной г-ном Кузнецовым «статистике», это действительно так. Ведь те же пять миллионов «постоянно осевших» в России мигрантов (из которых, правда, три миллиона через три месяца становятся нелегалами) как раз и есть искомые г-ном Ромодановским 3—4% всего населения России! Вот какую законопослушную «паству» везет в Россию ФМС! А вы, коренные граждане страны, все возмущаетесь их наплывом...

«Статистика» преступности г-на Ромодановского, правда, является еще большей липой, чем данные об общем наплыве мигрантов, приведенные его заместителем. 48% от общего числа совершаемых преступлений, при этом 70% убийств — вот каков вклад приезжих в московскую преступность, признал не так давно глава московской полиции Анатолий Якунин. Он же привел данные опросов, которые косвенно, но, тем не менее, неоспоримо подтверждают статистику: если брать вопросы правоохранительной тематики, то «москвичей на сегодняшний день больше всего беспокоят три: соблюдение миграционного законодательства иностранными гражданами, этническая преступность и борьба с коррупцией». Как видим, даже коррупция блекнет у москвичей в сравнении с нашествием мигрантов и разгулом «приезжей» преступности.

У любого непредвзятого человека данные о национальной структуре преступности, представленные главой столичной полиции, наверняка вызовут больше доверия, чем «статистика» г-на Ромодановского и его конторы. Полиции-то, которой самой сплошь и рядом приходится «кровью харкать» от этнической преступности, с какой стати возводить напраслину на мигрантов? Для полиции есть преступники, у которых есть отличительные признаки, к коим во всем мире принято относить в том числе и этническую принадлежность, сплошь и рядом определяющую характерный почерк той или иной национальной породы преступников. Зачем это скрывать, если это не противоречит интересам следствия? Это наши власти время от времени, стремясь скрыть явную угрозу, которую несет их миграционная политика России, и одновременно притушить рост антимиграционных настроений среди коренного населения, все порываются запретить СМИ называть этническую принадлежность преступников. А полиции-то это зачем, если «сверху» ей не запретили?

Так что, господа Ромодановский и Кузнецов, извиняйте уж, но мы не поверим вашим басням о том, что в стране всего лишь пять миллионов постоянно осевших мигрантов при десяти миллионах легальных «туристов». И уж тем более о том, что завезенные (причем под вашим чутким руководством) миллионы мигрантов ответственны всего-то за 3—4% совершаемых в стране преступлений.

Очень хотелось бы устроить вам, господа из ФМС, что-то вроде очного «поединка» на телевидении, где вам противостояли бы многие тысячи наших женщин, которых изнасиловали завезенные вами «мирные» мигранты. А может,

---

вы, господа из ФМС, предпочтете пообщаться с российскими детьми, которые уже тоже испытали этот трагический опыт? К сожалению, многих женщин и детей, изнасилованных завезенными вами «мирными» мигрантами, пригласить в студию уже не удастся: насильники зверски умертвили своих жертв. И только не приводите, пожалуйста, г-н Ромодановский, в свое оправдание вашу «статистику» преступности. Полиция и Москвы, и Петербурга не даст вам соврать, что на завезенных вами гастарбайтеров (всего-то пять миллионов, как уверяет ваш заместитель) приходится от трети до половины всех изнасилований в этих крупнейших российских мегаполисах.

РусИнформ

ВОРЫ ВО ВЛАСТИ

(Подборка материалов о коррупции в России)

ЯСЕНЬ ПЕНЬ...

Дагестанский завод «Дагдизель» пытался присвоить 2,7 млрд. рублей, собрав новые торпеды из старых запчастей. Следственное управление СКР по Дагестану после проверки военной прокуратуры возбудило уголовное дело по статье «покушение на мошенничество в особо крупном размере, совершенное организованной группой», в отношении руководства ОАО «Завод «Дагдизель»», расположенного в дагестанском городе Каспийске, пишет «Коммерсант».

Вместо новых универсальных самонаводящихся электрических торпед УСЭТ-80, за которые Минобороны был упла-

---

чен аванс 2,7 млрд. рублей, предприятие попыталось выпустить изделия из бывших в употреблении комплектующих, а неосвоенные средства использовало в качестве коммерческого кредита.

Полученные в качестве аванса средства Минобороны были размещены руководством предприятия на депозитах в банках и пущены на хозяйственные нужды. Торпеды же попытались собирать из бывших в употреблении материалов, на которые изготовили новые маркировки.

Напомним, в августе 2012 года сообщалось о третьем переносе сроков сдачи новой АПЛ «Северодвинск» четвертого поколения проекта 885 «Ясень». Одной из причин называлось невыполнение контрактов предприятием «Завод «Дагдизель» на поставку новой самонаводящейся торпеды для подлодок класса «Ясень». «Новой торпеды с требуемыми характеристиками до сих пор нет. То изделие, которое было создано, является взрывоопасным и потому не может быть использовано для вооружения подлодки», — пояснил тогда представитель ОПК.

News.ru.com

ЗАКОН И БЕЗЗАКОНИЕ

Тема борьбы с коррупцией, судя по опросам социологов Левада-центра, вышла на второе по значимости место среди тех проблем, на решении которых, по мнению граждан, должен сосредоточиться сегодня президент страны. Хотя в марте 2008 года она была только на четвертом.

Распределение тогда, пять лет назад, было следующим: на первом месте — решение задачи обеспечения экономического роста и подъема экономики; на втором — восстановление социальной справедливости, улучшение жизни простых людей; на третьем — наведение порядка в стране; на четвертом — борьба с коррупцией, усиления которой требовала треть населения.

Сегодня на первом месте по-прежнему остается экономика, а вот борьба с коррупцией вышла на второе место: наиболее актуальной ее считает почти половина (46%) опрошенных. Далее идет все то же требование наведения порядка в стране и восстановления социальной справедливости, улучшения жизни простых людей.

Простое сравнение цифр вроде как должно подтолкнуть нас к выводу о том, что за время, прошедшее после марта 2008 года (то есть, по сути, за время президентства Медведева), состояние экономики и вопросы социальной справедливости стали волновать людей заметно меньше. Этому парадоксу (а это именно парадокс, ибо ни та, ни другая проблема не решены) возможны два объяснения.

Первое. После президентских выборов 2008 года в стране произошел заметный экономический взлет, материальное положение населения заметно выросло, значительная часть проблем социальной справедливости оказалась решена, и общество сосредоточило свое внимание на том, что ранее казалось менее важным, то есть на борьбе с коррупцией. В нашей стране возможно, конечно, всё, но есть серьезные сомнения в том, что после 2008 года произошел экономический прорыв, а материальное положение заметно выросло и дело социальной справедливости восторжествовало. Виноват в этом кто-то или нет, но страну за это время настиг экономический кризис, и потери от него она в полной мере еще не восстановила, с чем, в общем-то, никто и не спорит.

Второе. Если по всем этим направлениям реального улучшения положения по сравнению с началом 2008 года не произошло, но соответствующие проблемы стали восприниматься менее остро и на первый план вышла та, которая воспринималась как второстепенная, это означает, что обострилось положение именно в этой сфере. То есть люди стали обращать больше внимания на коррупцию потому, что за период правления Медведева ее стало больше и множеству людей пришлось либо давать большие взятки, либо вообще их давать, хотя раньше они этого не делали.

Тогда нужно разбираться, с чем именно это связано. Нужна специальная комиссия и расследование таких дел, как дела Билалова, Магомедовых, участие в ряде сомнительных проектов Дворковича и так далее. Среди прочего, кстати говоря, было доказано и ныне почти никем не отрицается то, что введение ЕГЭ, имея одной из своих формальных целей преодоление коррупции в вузах, наоборот, резко увеличило коррупционную емкость этого рынка.

Существует на самом деле и третье объяснение. Внимание именно на этой проблеме было специально сосредоточено либо в целях борьбы между собой тех или иных групп, либо в целях отвлечения внимания общества от более актуальных для него проблем. И здесь нужно учитывать два момента. Во-первых, **в системах с рыночной экономикой коррупция в принципе неустраима**: она от силы может быть минимизирована.

Ее можно запрещать, но это примерно то же самое, что запрещать проституцию. Деньги в условиях господства рынка выполняют функцию всеобщего эквивалента и становятся, среди прочего, эквивалентом принятия тех или иных решений. Коррупцию в подобных системах можно относительно минимизировать, но минимизирует ее не столько правовая борьба, сколько ценностная система общества и наличие объединяющих общество целей и смыслов, разделяемых в том числе и чиновниками. Там, где такой ценностной основы нет, а рынок и комфорт провозглашены высшими ценностями, коррупция в любом случае и в массовых масштабах неизбежна.

Во-вторых, в системах, где коррупция неизбежна и непобедима, обвинение в коррупции всегда по большей части есть средство борьбы различных внутриэлитных групп в том числе и за перераспределение коррупционных потоков. То есть коррупционера выявляют и уstraняют с должности либо для того, чтобы ослабить представляемую им группировку, либо для того, чтобы посадить на этот коррупционный «кран» своего человека.

При этом борьба с коррупцией оказывается, с одной стороны, способом отвлечения внимания от пороков существующей системы, а с другой — способом отвлечения внимания от проблем, болезненность восприятия которых подходит к опасной отметке. В первом случае системе удастся объяснить дефектность своего функционирования не заложенными в ней пороками, а наличием в ней тех или иных «нечестных людей» и обосновать отсутствие необходимости ее существенного изменения тем, что для устранения пороков достаточно выявить и наказать недобросовестных чиновников. Их выявления и наказания либо действительно проводятся, либо просто имитируются, чтобы успокоить людей и продемонстрировать, что власть «бдит».

Создается ситуация, когда с коррупцией связаны почти все представители элитной верхушки общества, но признаются таковыми те, кто по тем или иным причинам стал создавать для данной системы проблемы, причем не связанные с коррупцией (ну или те, кто слишком зарвался, ставя под удар коррупционный бизнес всех остальных).

При этом сама кампания, пропаганда и публичность борьбы с коррупцией создают такой фон, на котором более насущные проблемы начинают уходить в тень. Для системы значительно проще выявить и наказать десятерых коррупционеров, чем на 10% повысить пенсию или зарплату учителям. Материально ущемленные люди остаются ущемленными

ми, но отчасти успокоенными тем, что видят наказание представителей элиты, опосредованно воспринимаемых в качестве виновников их ущемления. То есть борьба с коррупцией в этом отношении выступает как своеобразный заменитель гладиаторских боев в Древнем Риме: не имея хлеба, власть развлекает народ зрелищами.

Это — то, почему власти выгодна «борьба с коррупцией». Но еще выгоднее она ее элитным оппонентам, потому что каждый раз, когда встает вопрос о том, что надо бы заняться насущными проблемами общества, решение которых может оказаться невыгодным для части элитных групп, они начинают раскручивать кампанию по обвинению представителей власти в коррупционности. По сути, они просто шантажируют власть, пытаясь заставить ее не ущемлять их интересы, угрожая в противном случае ее дискредитацией. С одной стороны, они тем самым принуждают власть считаться с ними, а не с миллионами простых россиян, а с другой — отвлекают эти миллионы от отстаивания своих интересов и борьбы за свои права.

Еще раз напомним: в 2008 году главной проблемой для власти 53% опрошенных считали вопросы социальной справедливости и повышения материального благосостояния граждан, и только 35% — вопросы коррупции (за два года перед этим вторая проблема вообще не воспринималась как значимая). За пять прошедших лет по первому направлению не было особых улучшений, по второму не было особых ухудшений, но они парадоксальным образом поменялись местами: первое стали считать значимым 39%, второе — 46%. И произошло это, на мой взгляд, только потому, что определенные группы (именно элитные группы, а не оппозиция!), противостоя власти, активно вытесняли из информационного пространства и общественного сознания проблему восстановления социальной справедливости и привлекали внимание общества к тому, что изначально не воспринималось им как особая проблема.

Получается такой вот парадокс: каждое новое «дело о коррупции» в нынешних условиях есть акт противодействия решению вопросов социальной справедливости и повышения материального благосостояния народа. И что с этим парадоксом делать — большой вопрос. Ясно одно: в условиях торжества «рыночной экономики» он неустраним.

Сергей Черняховский

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика? Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его!

Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

М.Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»

Владимир Вольфович Жириновский — человек, которому полочки вполне хватает на акты развлекающего электро-ра-та куража — вдруг начал что-то подозревать. И не просто подозревать, а прямо говорить вслух, что подозревает: лидер ЛДПР заявил, что деятельность оппозиции финансируется за счет государственного бюджета. «Болотная у меня вызывает подозрения. Кто-то организовал. И не только с Запада», — сказал политик, выступая в Госдуме после отчета премьера Дмитрия Медведева.

Это что ж получается? Измена? Коварный заговор зловещих сил? И где бы он мог находиться? Где гнездо подлых покусителей? Где их черный замок? Где подвалы с пентаграммами и склад вуду-кукол нынешнего президента, истыканых булавами?

Завесу мрачной тайны приоткрыл нам депутат Государственной думы Илья Пономарев. Ибо в то время, как он и прочие оппозиционеры всерьез намеревались заменить собой власть, государство, как выяснилось, финансировало его научную деятельность.

С конца 2010 года депутат Госдумы от «Справедливой России» Илья Пономарев получал от фонда «Сколково» ежеквартально 150 тыс. долл. В общей сложности с ноября 2010 года по декабрь 2011-го он получил 750 тыс. долл., или 22 млн. рублей. Однако данный заработок не полностью был отражен депутатом в его декларациях как за 2010-й, так и за 2011 год.

В распоряжении «Известий» имеются договоры, заключенные между «Сколково» и Пономаревым. Согласно документам Пономарев обязуется до конца 2011 года выполнить работу по теме «Коммерциализация технологий и международное продвижение российских инновационных компаний». Работа была сдана в срок, за нее Пономарев получил 13 млн. рублей.

В 2011 году Пономарев, согласно еще одному договору между депутатом и инноградом, провел курс лекций. Стоимость работ составила 300 тыс. долл. В оплату указанного договора фонд «Сколково» 15 февраля 2012 года, за две недели до выборов президента, перевел на счет Пономарева 9 млн. рублей.

Однако, судя по всему, выплаты от «Сколково» не в полной мере отражены в декларациях депутата. Так, за 2010 год доход Ильи Пономарева составил 1,9 млн. рублей, в 2011 году — 9,828 млн. рублей, а в 2012-м — 9,852 млн. рублей.

Исходя из простой арифметики, зарплата депутата составляет в год примерно 2—2,5 млн. рублей, соответственно, за два года вдобавок к зарплате Пономарев получал 7 млн. рублей. Если предположить, что эти 7 млн. в 2011 и 2012 годах и являются выплатами от фонда, то остается неизвестным, где еще 8 млн. рублей.

Вице-президент фонда «Сколково» Олег Алексеев сообщил «Известиям»:

— Он не с улицы пришел, в канаве не валялся. Он пришел к нам, будучи депутатом ГД и официальным лицом. Качество его работы было высокое, он компетентный человек в инновациях. Наверное, за какую-то работу, возможно, ему что-то там выплачивали, но я не знаю что. Я к этому не имел отношения.

При этом вице-президент иннограда назвал выплаченную сумму в размере 22 млн. рублей «смешным фактом».

Учитывая, что на момент выполнения своей «высококомпетентной» работы Илья Владимирович даже не имел высшего образования, незамедлительно захотелось посмотреть результаты деятельности Ильи Владимировича, чтобы оценить вклад в отечественные инновации, а также оценить компетентность Олега Алексеева. Ещё захотелось понять, почему в инновационном центре «Сколково», где профессора МТИ косяками бегают (светила, экономисты с красными дипломами, хоть в дивизии формируй), принимается решение заказать работу, требующую специальных знаний, именно депутату Думы без высшего образования? Кто-то посоветовал? Кто?

Оборонные предприятия оказались недовольны отчислениями, которые они обязаны делать в целевой фонд Сколковского университета по поручению Дмитрия Медведева. Этот вопрос был поднят в Новосибирске на совещании с Владимиром Путиным по развитию авиастроения.

— Президент удивился, что финансирование «Сколково» происходит таким образом, и поручил вице-премьеру Дмитрию Рогозину разобраться в этом вопросе, — рассказал один из участников совещания.

В январе 2012 года Медведев, будучи президентом, поручил компаниям с государственным участием отчислять 1% от собственных программ инновационного развития (ПИР) в фонд целевого капитала Сколковского института науки и технологий (Сколтех).

По данным Минэкономразвития, сейчас программы инновационного развития разработаны в 57 компаниях с государственным участием, включая «Газпром», «Роснефть», «Почта России» и РЖД, а также все оборонные госкорпорации — ОАК, «Уралвагонзавод», «Ростехнологии», «Оборонсервис».

Получилось просто отлично — не хуже, чем у генералов Салтыкова-Щедрина. Тут хватит и оппозиционную деятельность, и американскую профессию поддержать, и, главное, — источник средств всегда рядом.

То есть Болотную оплачивали за счет трудов людей, пришедших на Поклонную.

Роман Носиков

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

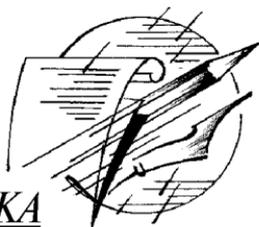
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ДЕРЕВНИ

Они не виделись — страшно сказать! — восемьдесят лет. Что чувствуют сегодня эти люди? Наверняка они возвращаются в детство, вспоминают времена, когда были простодушны и доверчивы...

Впрочем, заслуженный фронтовик Алексей Котылев никогда не рассказывал о своём прошлом. Долгие годы он вдовел, жил в глухой деревушке Коляевке, держал там осаду до последнего. Причем в полном смысле этого слова: даже когда ветеранов Великой Отечественной войны в рамках государственной программы стали обеспечивать нормальными жилищными условиями, он категорически отказывался покидать насиженное место, в котором всё было родным и близким.

Но годы брали своё, а Коляевка пустела. В деревню и всегда-то не было порядочной дороги, нормальных условий быта, коммунальных сетей. А со временем, когда число жителей дошло до пяти человек, весь сервис сводился к приезду автолавки с продуктами на неделю и визитам соцработни-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ков, привозивших ему лекарства, помогавших с топливом и наведением порядка в избушке.

Но Алексей Михайлович и сам не дремал: человек он подвижный, деятельный и до преклонного возраста преодолевал расплывающуюся в межсезонье полевою дорожку, по которой не проезжал никакой транспорт, и добирался до райцентра в любую погоду. А там и дальше: регулярно, раз в несколько месяцев, он ездил в... Москву.

Для знавших его это не было загадкой: там жила его большая дочь. И он, не доверяя деньги почте, всегда навещал её и подсоблял материально. Поэтому на себя лишней копейки не тратил. Скопит деньжат — и поехал. Уже и ноги-то не носили, память ослабла — однако и в снег по колено бредёт он через чисто поле и устремляется на помощь к своему беспомощному чаду..

Тайной было то, как он умудрялся не потеряться, не заблудиться в самой Москве, в столпотворении метро, в снующих туда-сюда потоках людей. На девятом десятке лет, с изуверченной на фронте рукой, с большими ногами, он упорно продолжал курсировать между тонувшей в забвении Коляевкой и суетливой столицей.

Последним героем деревни называли его местные СМИ, когда он, наконец, согласился перебраться в райцентр в однокомнатную квартиру. В основном, потому что в Коляевке не оставалось жителей, и куковать в совершенном одиночестве в 87 лет среди разваленных и осевших избушек он всё-таки не захотел. Да и силы убывали. Травками, корешками он поддерживал здоровье, но топить плиту, носить воду и дрова, подпирать оседающую избу становилось неважноту. Хотя и боялся он менять обстановку на старости лет, да решился.

В районе принялись срочно подыскивать ветерану жильё: пока он не передумал. Проблема состояла еще и в том, что перевозить из деревенского дома в новую квартиру было практически нечего. Разве что неработающую, но ценную по каким-то особым соображениям ее владельца, радиолу «Серенада», шаткую тумбочку под ней и хромоногий кухонный столик. Так и над теми пришлось социально-бытовой бригаде района потрудиться целый день, чтобы отмыть, почистить и отреставрировать эти экспонаты ушедшей жизни, без которых он не соглашался переезжать.

Да и должно было что-то напоминать ветерану о доме, создавать иллюзию его прежней обстановки. А то и глазу не за что зацепиться...

Всё остальное согласились передать новому хозяину прежние владельцы квартиры, причем за символическую при-

---

плату, уложившуюся в сумму государственной субсидии на жилье для ветеранов.

После переезда Алексей Михайлович долго ходил по квартире сам не свой, стараясь держаться поближе к родной «Серенаде», с опаской поглядывая на сверкающую газовую плиту, белоснежную глыбу холодильника, а стиральную машину-автомат и вовсе обходил стороной.

Комната выглядела просторной: койка, заправленная солдатски тонким одеялом, да упомянутая «Серенада» составляли всю ее меблировку. И здесь ему было как-то спокойнее. А вот кухня и ванная, туалет были еще неосвоенной территорией, к удобствам и технике предстояло еще привыкать. Помогали соцработники.

От растерянности, от перемены жизненного пространства, от непривычного к себе внимания властей, журналистов Алексей Михайлович пребывал в большом смущении и на вопросы отвечал односложно, сдержанно. Тогда, два года назад, нам не удалось узнать от него подробностей ни о его фронтовой биографии, ни о последующей судьбе. Пришлось воспользоваться официальными данными: военкомата, социальной службы.

Даже снимок свой военной поры, где он, молодой и красивый, в ладно подогнанной гимнастике, с медалью «За отвагу» на груди, не смог прокомментировать. Хотя какими-то отрывочными воспоминаниями о войне, о боях, в которых ему довелось участвовать, он поделился.

С октября 1941 года Алексей Котылев был на фронте. Отважно воевал в пехоте, после второго ранения, с искалеченной разрывной пулей рукой, осенью 43-го вернулся домой. Женился, вырастили с женой Нюрой двух дочерей. Одна уехала далеко за границу, другая бедствует в столице.

На том и остался в покое Алексей Котылёв, старый солдат Великой Отечественной. И вдруг получаю в «Одноклассниках» письмо:

— Не могли бы вы рассказать подробнее о Котылёве Алексее Михайловиче. Вы писали о нем в своей газете года два назад, а мы недавно обнаружили этот ваш материал. Возможно, это наш родственник, которого мы ищем уже многие десятилетия. Судя по возрасту, это наш родной человек. Очень надеемся, что мы не ошиблись...

Конечно, такие письма надо проверять и проверять. Поэтому для начала я созвонилась с районной социальной службой и уточнила, жив ли Алексей Михайлович. Оказалось, слава Богу, жив. И по-прежнему ездит в Москву к дочери. К новым условиям привык и по печному отоплению не тоскует.

Далее мы связались с предполагаемыми родственниками, и вот что выяснилось. По словам автора письма, она является племянницей Алексея Котылёва, у которого, оказывается, была сестра. И произошла в их детстве такая история:

— Сестру Алексея звали Аней, она была на несколько лет младше. Их мама рано умерла, и отец женился вновь на женщине с ребенком. Его дети оказались в семье лишними. И если Аню новая папина жена еще как-то терпела, то Алешу она сразу невзлюбила. И стала уговаривать мужа отдать его в детдом. В конце концов обоих ребят поместили в сиротские приюты. Но поскольку Ане было около трех лет, а Алеше уже восемь, они попали в разные детские дома. И потеряли друг друга.

Причем мама не знает даже точной даты своего рождения: можно представить, как «отдавали» девочку в детдом, если отец не оставил при ней даже таких данных. Сейчас моей маме — и сестре Алексея Котылева — по документам детдома 84 года. Девочкой она очень тяжело переживала расставание с семьёй, часто плакала, прислушивалась к разговорам старших о ней. Тогда-то она и узнала, что Алеша тоже в детдоме...

Всю жизнь она мечтала о встрече с отцом и братом. Работала в школе преподавателем русского языка и литературы. И всюду писала письма и запросы. Но найти никого не удалось. Много людей тогда разбросало по свету. После войны и вовсе надежда на то, что они живы, истаяла.

Нас у мамы две дочери. Папу мы в прошлом году потеряли. А сестра Лариса живет с мамой в Тюмени. Лариса и нашла материал о дяде на сайте вашей газеты. Увидели с мамой фото ее брата: они с ней так похожи. Мы с сестрой навестили бы его, если он помнит о маме и признаёт ее. Ведь прошло 80 лет со дня их разлуки. Мама плачет и всё же, как ребёнок, рада. Она помнит и название деревни — Коляевка, где они жили. Но хочется, чтобы он всё подтвердил, чтобы не было ошибки и разочарования. Не может же он ничего не помнить...

Такое вот письмо. И хотя опасение, что Алексей Котылев не помнит своего детства, были, мы всё же позвонили в социальную службу района, а те связались с Алексеем Михайловичем. И выяснилось, что он всё помнит: и сестру свою Аню, и детство, и всю историю их расставания!

Вряд ли им удастся поплакать друг у друга на плече — возраст не позволит совершить столь дальнее путешествие. Но есть идея организовать им встречу по скайпу. Пока обсуждаются детали этого эпохального события.

Господь дал этим людям долгую праведную жизнь. И пусть заочную, но такую долгожданную — через 80 лет! — встречу. Не хочется думать о том, что стало причиной столь жестоко-сердного родительского поступка, тем более дети — его старые добрые дети — давно простили его.

Ничего поучительного в этой истории вроде бы нет. Кроме разве что одного: не надо терять надежду. Если бы не она, давно бы уже не искали Алексея Котылева его родные. И кто бы мог подумать, что найдут...

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ БЫЛО

Больше всего на свете Инна Семеновна переживает за внучку. Себе я уже не нужна, печально вздыхает она...

Есть люди, в которых до глубокой старости не исчезает страсть к жизни, и общение с ними легко и непринуждённо. Инна Семеновна человек тяжелый: она искренне к тебе расположена, глубоко чувствует и понимает, но после разговора с ней еще долго пребываешь в состоянии беспробудного уныния. И должно пройти немало времени, прежде чем вернешь себе хотя бы относительное душевное равновесие.

Но человек она хороший, порядочный. Тем страшнее кажутся ей нынешние времена, в которые все эти качества никак не вписываются. А ведь именно такими — ответственными, честными, трудолюбивыми — она старалась воспитать и своих многочисленных учеников, и дочь свою, и внучку. Как же девочка будет жить дальше, со всеми ее добродетелями и способностями? — вопрошает Инна Семёновна. И перечисляет:

— Она же не видит дня, не знает роздыху, недосыпает, не позволяет себе ни развлечений, ни общения с подругами.

— Почему, Инна Семёновна?

— Учится. Хочет стать классным специалистом, иначе ей рассчитывать не на что. Ведь у нас никаких связей нет. Вот она и уповает на свои исключительные знания, которые помогут ей найти приличную работу после окончания института. Ни должность, ни зарплату никакой хлопотливый дядюшка ей не устроит, наследство ей достанется плохонькое, отец большого участия в её судьбе не принимает, да у него и ничего нет. А дочь моя, её мама, сама на трех работах работает, чтобы и девочке помогать, и пенсию побольше получать. Только напрасно она о хорошей пенсии мечтает.

Ведь после школы она три года отработала санитаркой: очень хотела поступить в медицинский институт и прошла весь путь к получению профессии с самых аздов. Или низов.

Потом семь лет учебы. Которые в нынешней России в трудовой стаж не входят. И когда она — по новым правилам — выработает нужный для хорошей пенсии стаж? В 65 лет? В общем, не знаю, как они будут без нас с мужем обходиться...

Прежде всего, это касается внучкиной учебы. 60 тысяч рублей в год за образование девочки платят Инна Семёновна с супругом Михаилом Ивановичем. Хорошо, что живут они скромно и для себя им ничего не нужно. Откладывают с пенсий и на учебу за год собирают.

Так мало того: внучка, чтобы обеспечить себе достойное будущее, учится сразу в двух институтах! А еще посещает всевозможные курсы, изучает языки и чем только не занимается, боясь оказаться невостребованной в стране, где для одних уже всё куплено и схвачено, а другие могут хоть как рыба об лёд биться...

Так что бабушкина и дедушкина пенсии — это единственная возможность внучке выйти в люди. Поэтому в свои 80 лет Инна Семеновна «себе уже не нужна»: она «вкладывает» во внучку...

А ведь и собственная её судьба не сахар. Хватила лиха. В 1934 году молодые родители-студенты привезли двухлетнюю дочурку на Тамбовщину к бабушке, а сами уехали назад в столицу, где папа учился в МГУ, а мама — тоже в каком-то институте. Но с 4-го курса неразумного студента исключили из университета за похвальные речи Троцкому (так, во всяком случае, гласит семейное предание), а потом и арестовали. Получил он 10 лет лагерей и был отправлен в Коми АССР.

Под Оренбург отправилась отбывать свой срок его жена, которую якобы уговаривали отказаться от мужа (в чем это формально заключалось, Инна Семёновна не знает), но она не сделала этого из большой к нему любви и преданности. А маленькая Инна так и осталась у бабушки в тамбовской деревушке.

Как они пережили войну, это отдельный рассказ. И очень трагический. Наконец свершилось: война закончилась, родители освободились. Девушка мечтает о семье, об учебе — в деревне была только семилетняя школа. Но никто не спешит к ней ехать или звать её к себе.

Оказалось, от большой любви родителей ничего не осталось. Папа женился на другой женщине, у него двое малолетних детей. Мама тоже вышла замуж и осталась под Оренбургом. Инна поехала к ней.

Но отчим невзлюбил появившуюся невесту откуда падчерицу. Жизнь в семье мамы превратилась в кошмар, который закончился, едва девушка получила аттестат о среднем образовании.

— Я поеду к папе, — сказала она матери. И услышала:

— Поезжай: может быть, без тебя мы будем жить лучше...

Так она ещё раз потеряла маму. Но оставался папа, которого она заочно любила больше всех. Уж он-то поймёт её, пожалеет. Она готова была любить и ту женщину, которая стала его женой, и их детей, её младших братишек...

Вот только отцу она была совершенно не нужна. Впрочем, ему уже никто был не нужен. Он пил, жену избивал, детишек держал в страхе — и она, как могла, защищала мачеху и братьев от разъяренного папаши. Но вскоре отец поднял руку и на неё...

Собираясь в обратный путь, она обнаружила, что бабушкиных денег на дорогу домой, которые хранила она в своем фибровом чемоданчике, нет. Отец нашёл и пропил их. Впрочем, в чемоданчике осталось только байковое одеяльце: всё её приданое.

С деньгами ей помогли. Так и поехала: в старой фуфайке, в разбитых башмаках, с одеяльцем в чемодане, которое расстилала на жестких вагонных полках, — поступать в институт.

Липецк был тогда, в 53-м году, небольшим городком с двухгодичным учительским институтом. Поступив туда, девушка жила в общежитии и исключительно на стипендию. Дочь врагов народа государство, тем не менее, не только бесплатно учило, но и практически содержало. Никто из родных Инне не помогал. Вспоминает, как к концу первого курса куратор группы спросила её во всеуслышание:

— Что же ты весь год в одном платье проходила?

— А у меня второго нет, — ответила она просто.

В 54-м году образовалась новая Липецкая область, город стал областным центром — и учительский институт перевели на четырехгодичное обучение. Вместо одного года предстояло учиться еще три!

Выдержу, решила девушка. Но когда она была уже на третьем курсе — время учебы продлили до пяти лет...

— Я думала, с ума сойду! — вспоминает она сегодня.

— Тогда что же вы так за внучку свою боитесь?! Она не одна на белом свете, как когда-то оказались вы, не в единственном платье ходит на занятия, не фуфайкой укрывается, живёт с любящей мамой в благоустроенной квартире, бабушка с дедушкой помогают ей материально — только учись! Это же — не в общежитии, впроголодь, полураздетой, с фибровым чемоданом под койкой. Что ей, хуже, чем вам было когда-то?!

— Хуже, — отвечает Инна Семёновна. — У меня было лучше. А у нее нет. Только она об этом не знает. От этого её ещё жальчей...

О русской поэтессе Светлане Аксёновой писать и легко, и трудно. Легко, потому что личность она уникальная, героическая. А трудно, потому что судьба её — это «вечный бой» с роковой, неизлечимой болезнью, против которой у Светланы есть только одно оружие — Слово...

«Апельсиновая девочка» называется роман известного нашего прозаика Владимира Пронского. Недавно вспомнила я о нем в заснеженном, заспанном от долгого зимостояния, затерянном в русской глубинке городке Чаплыгине. Но не только потому, что исконное название его — Ораниенбург — означает апельсиновую крепость, апельсиновый город, что вполне могло пробудить соответствующую ассоциацию.

Пытаясь объяснить происхождение этого замысловатого названия для городка, утопающего в яблоневых садах, исследователи предполагают наличие неких оранжерей, якобы существовавших здесь в пору правления Петра I. Ведь именно он заложил здесь в 1702 году «крепостцу» и подарил её князю Александру Меншикову.

Однако вряд ли апельсины имеют к «имени» крепости какое-то отношение: скорее всего, это просто заимствование немецкого названия (Ораниенбург под Берлином), постепенно превратившегося в упрощенное Раненбург. И хотя город в 1948 году стал Чаплыгиным — в честь знаменитого его уроженца, — железнодорожная станция по-прежнему называется Раненбургом.

Как бы то ни было, именно апельсин, а не огурец или то же яблоко, является неким символом города, в который приехали мы по случаю юбилея Светланы Аксеновой, обретающейся здесь в обычной двухэтажке на улице Советской. Ну, разве что пандус для съезда инвалидной коляски устроен не в каждом доме. А так ничего из ряда вон выходящего: тесноватый мрачный коридор, истоптанные деревянные ступеньки, ведущие на второй этаж, стандартная дверь рядом с лестницей.

— Открыто! — услышали мы, позвонив в квартиру, и шагнули за порог, которого в привычном понимании этого слова не было: чтобы не затруднял проезд личного «транспорта» Светланы.

А почти следом за нами поздравить юбиляршу пришел местный священнослужитель в черном облачении, торжественно несший в руках огромный светящийся рыжекожий апельсин! Он вручил его имениннице с добрыми словами и ретировался до лучших — когда мы уедем — времён: чтобы не

мешать! И вот тут-то, глядя на сияющую от редкого к ней внимания Светлану с солнечным плодом на коленях, я и подумала об апельсиновой героине Пронского.

Но у той были свои проблемы, она вступала во взрослую жизнь с жадной любви и понимания. А наша героиня, Светлана Аксёнова с рождения обречена была на жизнь в инвалидной коляске, на боль и немощь, поэтому она всю жизнь мечтала стать гордым самостоятельным человеком, вызывающим во всех, кто ее знает, не жалость, но восхищение силой ее духа и воли.

Родилась Света Аксёнова в чаплыгинском селе Жабино, в многодетной семье школьных педагогов. Это именно они, мама с папой, делали всё возможное и невозможное, чтобы из больного ребенка с тяжелейшей формой церебрального паралича она стала полноценным, образованным, по мере возможностей самостоятельным человеком, сумевшим реализовать свой поэтический дар.

Они дали мне прекрасное домашнее образование, улыбается Света. Однако она и впрямь рано научилась читать и писать, а лет с 14 начала сочинять стихи. С тех пор и осознала свое главное жизненное предназначение.

Писать — это для меня дышать, жить, это синонимы, говорит она без позы, без надрыва: это вообще ее кредо — быть собой. Тем более что поза в ее состоянии — вообще вещь невозможная. А быть собой — единственно возможное состояние души.

Она радуется гостям — представителям районной администрации, депутатского корпуса, социальной службы, библиотеки, нам — ее коллегам по перу и писательскому цеху, прибывшим из Липецка. А в глазах — глубокая печаль, которой не дает она расплескаться слезами у всех на виду...

Когда же мы остаемся в тесном поэтическом кругу, она с ностальгией и в то же время с большой горечью вспоминает свою малую родину, детство в дружной любящей семье, первые удачи и разочарования, а потом и катастрофу, которую пережили они с матерью, когда та заболела.

Сестры и братья разъехались, и мать была Свете всем: родной душой, верной помощницей в деревенском — без водопровода, с печкой, удобствами на улице — быту и преданным секретарем в творчестве — писала под диктовку, переписывала, пересылала рукописи Светланы, поддерживала связь между дочерью и писательским сообществом района, области, сопровождала ее в выступлениях и поездках.

С особой теплотой вспоминает Света Аксёнова свою первую авторскую книжку «Моя судьба — надеяться...», вышед-

---

шую в Чаплыгине в 1993 году на средства районной администрации.

Этот тоненький сборничек открыл ей дорогу в Союз писателей России. При содействии тогдашнего руководителя регионального отделения СПР Бориса Шальнева Светлана не только стала членом писательского союза, но и непрестанно росла в профессиональном отношении, издала в общей сложности восемь книг, в том числе поэтический сборник «Небес прикосновение», увидевший свет в Москве, в издательстве «Молодая гвардия».

Творческая ее биография до поры до времени складывалась удачно: в районе активно работало писательское объединение, Светлана постоянно бывала на его заседаниях, встречах, публиковалась в периодических и коллективных изданиях, чувствовала дружеское участие в своей судьбе.

Но жить в старом доме со стареющей мамой становилось всё труднее. А когда мама слегла, начался кошмар. Она до сих пор со слезами вспоминает тот день, когда маме стало совсем плохо, а мобильных телефонов тогда еще не было. На улице грязь, холод, а она, Света, ползет по опустевшему тогда уже селу с криками о помощи. К кому взывала она? Сейчас Света уже и сама плохо помнит. Просто понимала, что нужна «Скорая», вот и взывала к людям в надежде на чудо. А людей уже было в селе мало...

Три года они с мамой прожили, уже не зная, кто кому помогает. Света и себя-то обслуживать не может, а тут пришлось и маму обихаживать. Как она выдержала, непонятно. Бывали дни, когда ни одна из них не могла двигаться — а в доме не было воды, чтобы выпить лекарство, не было еды и дров...

Но чуть выкарабкавалась, она уже думала о других: о замерзающем в холодном доме соседе, к которому добиралась тоже ползком, чтобы помочь. Только ласточки и она спешили в такие минуты к забытому человеку...

Когда мама ушла из жизни, Света очень боялась, что ее определят в дом для престарелых и инвалидов. Тогда она потеряет возможность сосредотачиваться в своем мире, жить в ладу и вместе с природой, писать и дышать. Но сестры ее успокоили: никогда, сказали они, мы тебя не оставим. И Света стала жить в семье одной из них. Однако с ее чуткой ранимой душой трудно было ощущать себя лишней, нарушившей привычное течение жизни другой семьи, куда она со своими проблемами, запросами, стихами совершенно не вписывалась.

— И тогда я сказала себе: как бы ни было трудно, я буду жить сама! — вспоминает она. — Пусть на четвереньках передвигаться, но быть себе хозяйкой...

Жить вопреки и жить по совести — вот главные ее заповеди. Тут надо отдать должное писательской организации, вышедшей с ходатайством к районной администрации во главе с Николаем Климовым: обеспечить жильем Светлану Аксенову. Как профессиональному поэту, как гордости района, ей выделили квартиру в райцентре, в той самой двухэтажке, куда мы приехали к ней в гости — сейчас такое даже представить себе невозможно.

У Светы много помощников: это люди, посодествовавшие ей с обустройством квартиры, это соседи, это социальная служба: семь лет каждый день приходит в ее дом соцработница, «хожалка» Зоя Степочкина.

— Все мои слезы, все мои надежды, все мои стихи и дневниковые записи — это и Зоина жизнь тоже, — рассказывает Света. — Великое счастье, что в социальной службе работают такие люди, которым можно доверять всё — душу, тело, дом, деньги, а главное — стихи...

Каждый её день — по собственному признанию Светы — это испытание воли, испытание тела, испытание духа. Тяжело ей дается эта жизнь-борьба, но она счастлива. Да-да, несмотря ни на что. И вот как она это объясняет:

— Я встаю утром — и у меня есть цель: стихотворение. И свой предстоящий день воспринимаю как дар свыше для осуществления этой цели. Преодолеваю боль, слабость, отчаяние, раздражение, чтобы выстоять, чтобы жить. Чтобы вновь увидеть это небо, эти дали, услышать пение птиц, шорох снега, шепот травы, ропот ветра: всё, что есть за окном и где-то еще в мире... Я вижу больше, глубже, более чутко, чем обычные люди, которые могут ходить, гораздо больше. И мне хочется об этом писать, я не могу об этом не писать...

Она очень много сделала за отпущенные ей судьбой годы: кроме стихов, пишет пьесы, дневниковую прозу. Правда, издаваться с каждым годом труднее, несколько лет в нашей области книгоиздание не финансировалось вовсе, а в нынешнем году в рамках социального проекта нужнее оказались книги других авторов. Для Светы же, пишущей каждый день, книга — это свидетельство того, что она жива, что она в строю, что она ответственно исполняет свое предназначение поэта и не является балластом в Союзе писателей России.

Она и не предполагает, что у нее есть еще одна миссия — являть собой пример подвижнического, героического даже служения русской литературе.

Позаимствовав «апельсиновый» образ у Владимира Пронского, прошу у него прощения и приношу ему благодарность: вряд ли я додумалась бы до него сама. Но отныне Светлана

Аксенова всегда будет для меня апельсиновой девушкой. И не только потому, что живет она в апельсиновом городе Чапльгине, а и потому, что солнечна, светла вся жизнь её.

Да, это жизнь-преодоление, жизнь-свершение, жизнь-вера, но это и вдохновляющий подвиг для земляков, читателей, друзей, собратьев по перу. Для всех, кто способен оценить не только удачную рифму и выдающуюся метафору, но и внутреннюю напряженность стиха, его «нерв», его насыщенность и ассоциативность, кто чувствует в нем великую боль и тоску, воплощенные в слове...

РЯБИНА

Стоит рябина у окна
Одна с темна и до темна.
Одна под звёздами в ночи
О чём-то, тихая, молчит.
Что помнит, что устало ждёт
Не первый день, не первый год?
Молчу, не мысля разгадать,
Сама рябине той под стать...

* * *

Меня теперь не узнают,
Как если б нищенкой я снилась.
Я наяву судьёй явилась
В толпе, где с краденым снуют.
Меня обходят, не взглянув,
Как если б я, уйдя в молчанье,
У всех просила подаянье,
И стыд, и честь перечеркнув.
Со мной не делят суеты,
Ни ссор, ни ревности, ни рвенья,
Как если б я от испугленья
Была моментом пустоты.
Меня теперь не узнают,
Как если б я пришла некстати
Молчать в сурово чёрном платье,
Где только в розовом поют...

КОГДА-НИБУДЬ

Вот когда-нибудь — может, скоро
(Это будет весёлый день!)

В дом ко мне заберутся воры
Сквозь дырявый садовый плетень.
Оттянув беззамковые двери, —
Шаркнут в комнаты алчность пасти.
А пожиток-то мой — потери:
Красть их, красть, да не унести...

Я ПОМНЮ ВАС

Я знаю, Вы забудете меня.
Ведь я не та, что смелостью приметна.
Моя судьба бесславна и безвестна
И не сулит мне радостного дня.
Не вправе я желаниям вослед
Идти и полагаться на удачу.
Я Вас люблю — и от бессилья плачу,
И от беды моей спасенья нет.
Мелькает снег за узеньким окном,
В усталой тишине лишь сердце звучно,
Да память с ожиданьем неразлучна...
Надеждой светит затенённый дом.
Я к Вам не постучу в полночный час,
Я в полдень Вас на улице не встречу,
Я отреченьем душу изувечу —
И всё-таки я не забуду Вас...

***

Вспыхнет снег и померкнет,
Всколыхнётся свеча.
В этой злой круговерти
Время рубит сплеча.
Только малая малость
Устоит перед ним:
Что на память осталось
От умерших живым...

***

Я что угодно дам за то,
Чтоб заполночь звонок раздался —
И ты в прихожей оказался,
Снимая мокрое пальто.

За то, чтоб капало с зонта
И холод мне окутал ноги...
Я б поступилась очень многим,
Чтоб ты — ко мне... и навсегда.

ТРЕВОГИ СЛУХА

Мне в каждом звуке слышится тоска
О чем-то невозвратно русском,
Бегут ли кони, катится ль река,
Кричат ли галки на прокосе узком,
Иль мать зовёт шалящее дитя...
Сквозь плеск берёз,
Сорвавших груди грома, —
Во всём тоска. И кажется, хотя
Русь увести невольницей из дома.

НЕПЕЧАТНЫЕ СЛОВА

Что будет, если смешать муку, сахар, маргарин, дрожжи, яйца, изюм, воду и орехи и всё это испечь? Не поверите, но на выходе получится хлебец «ЛЕНЕНГРАДЦКИЙ». Во всяком случае, именно так называется «хлебо-булочное» изделие, которое выпускают на одном из заводиков нашей области и продают в магазинах под столь уродливым названием, вмещающем в себя две ошибки.

Между прочим, по версии ООН 2003—2012 годы значились в мире десятилетием грамотности. Организация ратует за «образование для всех». И к 2015 году ООН намерена добиться всеобщего доступа к начальному образованию. С Россией им, однако, придется потрудиться, так быстро они до начального образования нас не низведут, но всё к тому...

Высшее образование уже могут оплачивать далеко не все, среднее специальное тоже бесплатно уже не получишь. Остались профтехучилища и школы, но ненадолго. Образовательные стандарты дадут возможность научиться читать, писать и считать до десяти, за дальнейшее обучение детей родителям придется выкладывать денежки.

Уже сейчас диву даешься всеобщей безграмотности, поощряемой на государственном (типа «кофе — он», а интернет с большой буквы) уровне. А в дальнейшем мы и вовсе понимать друг друга перестанем. Куда там «каждый пишет, как он дышит», теперь каждый пишет, как он слышит — и вся

недолга. А уж как мы теперь говорим и что мы слышим — это и обсуждать не надо.

Огромный вклад в оглушение людей вносят и тот же интернет с телевидением. Все эти форумы, посты, публичная переписка всех со всеми кишмя кишат ошибками. Да, а что творится на Стихах.ру, где почти полмиллиона (!) авторов истязают друг друга вопиющими безграмотностью виршами, наворачивают такое «стихо», что хоть плачь. Не лучше ситуация и с прозой.

А вал смс-переписки бегущей строкой на телевидении?! Только взгляните, о чем там и как пишут. А ведь молодёжь почитывает, а потом сама так же пописывает. При отсутствии ответственного отношения к русскому языку в школе и при том, что наши дети, подростки и молодёжь практически читают лишь подобную смс-прозу, о какой грамотности можно вести речь? О какой великой, объединяющей роли русского языка?!

Кстати, и официальные титры телевидения теперь тоже пестрят ошибками. В ходе выпуска одного из центральных каналов я насчитала несколько глаголов неопределенной формы без мягких знаков, споткнулась о «Феделя» Кастро, запуталась в предложении с опущенными в причастных оборотах запятыми. А что творится во всякого рода объявлениях, рекламах, ценниках, страшно цитировать, там вообще какие-то непечатные слова получаются.

Недавно мне попала в руки брошюра, пропагандирующая здоровый образ жизни. Так вот в ней очень много рассказывалось о пользе «хотьбы». Мол, если бы «хотьбы» этой стало больше, то и здоровья физического значительно прибавилось бы...

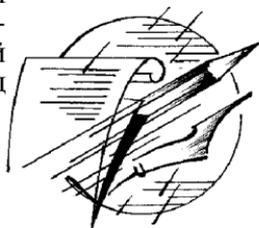
Однако чем больше хорошего я узнавала об этой самой «хотьбе», тем хуже мне становилось, ибо, многократно употреблённое, это слово работало уже на одурачивание мозгов, а не здоровый образ жизни. И так сейчас — куда ни глянь.

Вот и как решать вопрос нашей духовной безопасности? Да, был у нас Год русского языка. Да, есть еще у нас писатели, которые не только ратуют за чистоту и красоту русского языка, но и пишут на нем изумительно красиво и именно по-русски. Да, на пленуме СП принято решение активно заниматься пропагандой, защитой русского языка. Но что делать с детьми, что делать с людьми, которые вместо правильной русской речи со всех сторон окружены суррогатом, фальшивкой, подделкой, кричащей безграмотностью?

И ЧЁРНОГО КОБЕЛЯ МОЖНО ОТМЫТЬ ДОБЕЛА

*О покойниках — ни хорошо, ни плохо.
О покойниках — честно.*

Миллиарды от смерти не спасают. Постигая эту банальную истину на судьбах своих поделщиков, олигархи перестают верить и в то, что мертвые сраму не имут, а потому стремятся отработать технологию переделки грабителей, подлецов, предателей в героев, подвижников, благодетелей, спасителей России. Опробовали технологию отбеливания на Ельцине, теперь модернизируют её на Черномырдине, перекодируя память народа беломраморными памятниками, бронзой мемориальных досок, многотомьем елейных книг, многосерийностью фильмов, названиями улиц, площадей, ледоколов. Были «Ленин» и «Россия», теперь через год пойдёт ломить льды «Виктор Черномырдин». На подхвате сотни ваятелей с виршами, мольбертами, теле- и кинокамерами, готовые за хорошие деньги хоть чёрту присобачить ослепляющей белизны крылышки и сияющий нимб над

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

головой. Хотите посмотреть, как это делается, сыщите фильм Сергея Брилёва «ЧВС», выставленный на экран Первым телеканалом, и убедитесь, как просто, оказывается, из преступника, нанёсшего стране урон страшнее гитлеровского нашествия, слепить образ спасителя России. Получается, что и чёрного кобеля можно отмыть до сияющего бела.

Сегодня не осталось ни одного серьезного экономиста, кто бы не признал очевидного: заложенные Ельциным—Гайдаром—Черномырдиным—Чубайсом перемены в экономике России — это не перестройка, не реформирование, не либерализация, это даже не разграбление страны — это уничтожение государства. Вот предельно категоричный вывод аудиторов Счетной палаты: «Приватизационная практика не соответствовала декларируемой идеологии (формирование «эффективного» собственника, повышение эффективности деятельности предприятий и создание социально ориентированной рыночной экономики, привлечение иностранных инвестиций и т.п.)... Приватизационные мероприятия не увязывались с задачами повышения эффективности и наращивания объемов продукции» («Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы», М., 2004). Уже в первые годы приватизации валовой внутренний продукт страны сократился на 28 процентов — такого падения национального производства Россия не знала ни в годы Первой мировой войны (1914—1917), когда производство сократилось на 25 процентов, ни в годы Гражданской войны (на 23 процента), ни в годы Великой Отечественной войны (на 21 процент). Напомню ошеломляющие цифры Комиссии Государственной Думы, расследовавшей итоги приватизации: суммарные потери от разрушения экономики страны за один только 1996 год, в два с половиной раза превысили потери в Великой Отечественной войне!

Черномырдин, Чубайс, Гайдар, возглавившие разработанную в Гарварде и Чикаго грандиозную операцию под кодовым названием «приватизация России», способствовали «установлению контроля со стороны иностранных лиц над стратегически важными и экономически значимыми предприятиями оборонного комплекса и сопряженными с ними предприятиями научно-технической сферы, машиностроения, металлургии, химической промышленности» (там же).

Но сумасшедшее, фантастическое обогащение за счет растаскивания по воровским карманам общенародной, государственной собственности не было конечной целью организаторов приватизации. Под удар в первую очередь попали

оборонные предприятия, заводы, институты, обеспечивавшие безопасность страны, укреплявшие мощь государства. И Черномырдин — глава правительства — сыграл здесь первую скрипку.

Маскировка удалась, до сих пор большинство народа считает, что приватизация проводилась для обогащения, а резкое снижение объемов производства, сразу на 45—55 процентов, остановка предприятий, ликвидация целых отраслей, представляются как побочные явления. Ничего себе побочные явления, если, по данным Госкомстата Российской Федерации, в 2001 году по объемам добычи угля мы скатились к 1957 году, по выпуску вагонов —... 1910-му, по производству металлорежущих станков — к 1931-му, кузнечно-прессовых машин — к 1933-му, грузовых автомобилей — к 1937-му, по выпуску тракторов — к 1931-му, зерноуборочных комбайнов — к 1933-му, производству телевизоров — к 1958-му, пиломатериалов — к 1930-му, кирпича строительного — к 1953-му, тканей всех видов — к 1910-му, шерстяных тканей — к... 1880-му, обуви — к 1900-му, цельномолочной продукции — к 1963-му, животного масла — к 1956-му году. Если в 1989 году мы производили 55,7 миллиона тонн молока, то в 2001 году — 32,9, что на уровне 1958-го года. поголовье крупного рогатого скота с 58,8 миллиона голов в 1989-м году сократилось до 27,1, повторяя... 1885 год. Двенадцать лет назад у нас было 40 миллионов свиней, сейчас — 15,5 (уровень 1936-го года). Еще заметнее убыль овец и коз: с 61,3 миллиона голов (1989 г.) до 15,2 (1750 г.)! Таковы реальные «успехи и достижения» ныне прославляемого «ЧВС».

Основной задачей приватизации, проводимой правительством Черномырдина, являлась ликвидация всего лучшего и самого перспективного, крепящего Россию, приумножающего ее мощь. Вот почему сразу же под нож приватизации пошли стратегически важные для страны, ключевые для оборонной промышленности Смоленский авиационный завод, Рыбинский моторостроительный завод, Рыбинское КБ моторостроения, Самарское госпредприятие «Старт», Уфимское моторостроительное производственное объединение, Уралмашзавод, ЛНПО «Пролетарский завод», производственное объединение «Знамя Октября», ЦНИИ «Румб», Балтийский завод, НТК «Союз», машиностроительное КБ «Гранит», Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля, Иркутское авиационное производственное объединение, Нижегородское госпредприятие «Гидромаш», Московский машиностроительный завод «Знамя», Таганрогское авиационно-производственное предприятие, Московское НПО «Взлет»,

---

Тульский оружейный завод, Тульский патронный завод, НПО «Сатурн» им. А. М. Люльки, Воронежский завод «Электроприбор», Тульский ЦНИИ систем управления, Красногорский завод им. С. А. Зверева, Вятско-Полянский машиностроительный завод «Молот» и масса других предприятий оборонной промышленности. Спускались за копейки и вовсе не подлежащие приватизации «гражданские» предприятия, внесенные в перечень стратегически важных, такие, как «Концерн «Кузбассразрезуголь», угольная компания «Южный Кузбасс»...

Аудиторы Счетной палаты констатируют: «Федеральными органами исполнительной власти не было создано действенной системы по недопущению перехода под контроль иностранных лиц объектов федеральной собственности, имеющих стратегическое значение. Не контролировался процесс скупки иностранными лицами пакетов акций стратегически и экономически значимых для России предприятий через подставных лиц и на вторичном фондовом рынке». Иностранцы получили блокирующие пакеты акций в ОАО «АНТК им. Туполева», Саратовском ОАО «Сигнал», в ЗАО «Евромилль». Малоизвестная американская компания «Nic and Si Corporation» через подставную фирму «Столица» приобрела пакеты акций 19 авиационных предприятий оборонно-промышленного комплекса! И это тоже «плоды деятельности» Черномырдина.

В нарушение законодательства пакеты акций продавались иностранцам через посредников. Победитель инвестиционного конкурса по продаже 40 процентов уставного капитала ОАО «Тюменская нефтяная компания», ЗАО «Новый холдинг» представлял интересы иностранных юридических лиц. В правительстве знали об этом, и никто не воспротивился. Государственный комитет по антимонопольной политике ни разу не отклонил ходатайства иностранных или подконтрольных им юридических лиц на покупку контрольного пакета стратегически важных для России предприятий. Акции АООТ «Глюкозо-паточный комбинат «Ефремовский» куплены фирмой АОЗТ «Дикарт», являющейся дочерней компанией американской фирмы «Каргилл». 35% акций ПО «Новомосковскбытхим», выпускавшего до 80% синтетических моющих средств в России, с согласия Государственного комитета по антимонопольной политике приобретены компанией «Проктер энд Гембл Истерн Юроп», являющейся основным конкурентом российского производителя на внутреннем рынке. После того, как американцы приобрели контрольный пакет акций курского АО «Кристалл», здесь сразу

же был прекращен выпуск комплектующих изделий для систем наведения ракетного комплекса «Игла» и других специзделий для армии, уничтожена уникальная технологическая база. Совсем немудреным представляется то, что суперстратегическим, фундаментальным для жизнедеятельности страны Российским акционерным обществом «Единые энергетические системы России», больше чем на треть (34% акций) завладели иностранные лица!

В 90-е годы, когда во главе правительства стоял Черномырдин, крупнейшие иностранные производители вооружения, по данным Счетной палаты, вели беспрецедентную работу по закреплению за собой исключительных прав на изобретения российских авторов. Формула изобретения передавалась в патентные ведомства иностранных государств, минуя российское патентное ведомство. В США запатентованы российские разработки в области электронной, лазерной, волоконно-оптической техники, технологий переработки нефти и газа, органической химии, медицинской и экологической техники. По экспертным оценкам, в 1992—2000 годах только в США зарегистрировано более тысячи патентов на технологии военного и двойного назначения, авторами которых являются российские изобретатели, а обладателями патентов и, следовательно, исключительных прав стали иностранные юридические и физические лица. В это же время зарубежные фирмы непосредственно в России активизировали патентование на свое имя доступных им и не имеющих правообладателя научно-технических разработок российского оборонного комплекса, особенно в авиационной и ракетно-космической отраслях промышленности.

Фильм Сергея Брилёва «ЧВС» честнее было бы назвать на итальянский манер «Крёстный отец», ведь автор фильма честует человека, действительно являющегося крёстным отцом отечественных олигархов, разграбивших страну, доведших народ до нищеты и массового вымирания. Вспомните, из каких преисподен явились у нас миллиардеры, олигархи, крупнейшие владельцы собственности. Начало всему положила крупнейшая афера правительства России во главе с Черномырдиным. Тогда консорциум коммерческих банков из «Инкомбанка», «Онэксимбанка», банка «Империал», «Столичного банка сбережений», банка «Менатеп», акционерного коммерческого банка «Международная финансовая компания» выдал правительству Российской Федерации кредит в 650 миллионов долларов, получив в залог гигантские куски народного богатства: «ЮКОС», «Норильский никель», «Сибнефть», «Лукойл»... Всё пристойно на первый взгляд:

консорциум получил от государства в доверительное управление предприятия, а государство получило от консорциума кредит, обещав через год погасить кредит и вернуть себе предприятия. На самом же деле это был преступный сговор правительства Черномырдина с банкирами. Перед тем, как банки дали государству кредит в 650 миллионов долларов, Министерство финансов разместило в этих банках практически те же самые деньги — более 600 миллионов долларов так называемых «свободных валютных средств федерального бюджета». Не было необходимости государству занимать у кого-либо валюту! Как заключили аудиторы Счетной палаты: «Банки фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами. Минфин России предварительно размещал на счетах банков — участников консорциума средства в сумме, практически равной кредиту, а затем эти деньги передавались правительству Российской Федерации в качестве кредита под залог акций наиболее привлекательных предприятий».

Возглавляемое Черномырдиным правительство изначально не собиралось выкупать обратно самые драгоценные куски отечественной экономической системы, в бюджет нового года не было заложено ни копейки возвратных денег. В результате «банки, «кредитовавшие» государство, стали собственниками находившихся у них в залоге пакетов акций государственных предприятий.

С преступной руки Черномырдина у нас творится небывалое в мировой практике, когда природная рента достается владельцам и менеджерам добывающих компаний. Они присваивают до 85 процентов прибыли, хотя в основных нефтедобывающих странах всё наоборот: доля государства в доходах от продажи нефти составляет минимум 60 процентов, доходит и до 90 процентов. Результат для страны трагичен. Если Советский Союз при добыче 600 миллионов тонн нефти, продавал за границу максимум 134 миллиона тонн, и полученных нефтедолларов хватало не только для нужд гигантского Советского Союза, мы кормили и вооружали на эти деньги полмира, то теперь, при добыче 453 миллионов тонн нефти мы продаем почти в два раза больше — 240 миллионов тонн, и народ не имеет от этого **ничего**.

Черномырдин и возглавляемое им правительство цинично и нагло разоряли Россию. В 1993 году закрытое акционерное общество «Роспан Интернэшнл» получило право на разработку двух мощнейших уренгойских месторождений с общим запасом газовых пластов, оцениваемых в 42—46 миллиардов долларов. Это не просто газ, это один из самых чис-

---

тых и высококачественных газовых конденсатов в мире. Один из учредителей «Роспана» Газпром вдруг продает по номиналу свою гигантскую долю — 51 процент акций, никому не известным «Ланка-промкомплект» и «Сти-сигма». Что это значит? Уставный капитал «Роспана» — восемь тысяч рублей. 51 процент — всего-навсего 4 258 рублей. 4 258 рублей за компанию, владеющую запасами газового конденсата на сорок с лишним миллиардов долларов! Газпром — компания с государственным контрольным пакетом акций. Государственная компания даром отваливает в частные руки кусок природных богатств как минимум в сорок миллиардов долларов. Так разбазаривал Черномырдин национальное богатство.

Ещё одна афера Черномырдина, на этот раз со взаиморасчётами, в результате которой Министерство обороны России не получило от промышленно-финансовой корпорации «Единые энергетические системы Украины» строительных материалов на 327 миллионов долларов. Участники этой аферы глава «Газпрома» Вяхирев, его заместитель Шеремет, заместитель министра финансов Вавилов, руководитель Государственной налоговой службы Артюхов, представитель «Национального резервного банка» Кудимова... Венчает подписи под документом роспись премьер-министра Черномырдина.

Сергей Брилёв в фильме «ЧВС» воспел «комиссию Гор—Черномырдин» как шедевр международного сотрудничества во укрепление и развитие России. На самом деле за сотрудничество с Гором Черномырдина как предателя национальных интересов судить надо было уже за одно то, что эта «комиссия» переориентировала систему «Интерспутник» с наших спутников «Горизонт», «Галс», «Экспресс» на спутники LMI-1 американской фирмы Локхед-Мартин ...

Да какую область деятельности Черномырдина ни возьми, как бы она ни была важна для жизнедеятельности, обороноспособности России, — та же картина предательства, разорения, выжженной земли. «Русский дизель», к примеру. На протяжении почти полутора веков «Русский дизель», основанный в Петербурге в 1862 году, оставался символом мощи России, флагманом индустрии, звездой мирового дизелестроения. В 1901 году здесь созданы первые отечественные дизели и далее — победа за победой. Дизели для надводных боевых кораблей и торговых судов, дизели-генераторы, главные двигатели сторожевых и десантных кораблей Военно-Морского флота, скоростных пограничных судов, кораблей Академии наук СССР, дизель-генераторы для метро Москвы и Ленинграда, для установок противовоздушной обороны, в

системах противоракетной обороны, дизель-генераторы для всех энергоблоков атомных станций страны... Тавро «Русский дизель» стало маркой мирового лидера, и позиций своих гигант уступать не собирался. Около города Всеволожска в 1991 году вступила в строй первая очередь нового подразделения «Русского дизеля» — Ленинградский дизельный завод. Около полутора миллиардов долларов вложено в его строительство. С выходом на полную мощность «Русский дизель» становился недостижимым для конкурентов в производстве среднеоборотных дизелей. Было отчего прийти в восторг приехавшему на завод главе правительства России Виктору Черномырдину, однако с того дня государственное финансирование достройки предприятия как отрезало.

По требованию Международного валютного фонда «Русский дизель» исключили из списка особо важных оборонных предприятий и перевели в перечень предприятий, подлежащих приватизации по отдельным проектам. «Отдельный проект» по приватизации «Русского дизеля» выполнялся иностранной фирмой — финансовым конкурсным консультантом «Купер энд Лейбрандс». Управлять «Русским дизелем» правительство сначала поставило Другова, бывшего комсомольского работника, физкультурника по образованию, работавшего в частных финансовых структурах, затем — геолога Гуляева, связанного с норвежской фирмой «Севотин». Это они устроили «Русскому дизелю» «последний день Помпеи». Станки с «мясом» срывали с фундаментов, продавали по цене металлолома. Буквально за копейки спустили корейцам редчайший станок фирмы «Wallenberg» по обработке коленчатых валов — таких станков в мире только три. Туда же, за границу, и опять за бесценок уплыли уникальные центры для обработки корпусов. Испытательные стенды, только что смонтированные на Ленинградском дизельном заводе, демонтировать не стали — их просто взорвали. Уж очень кому-то мешал «Русский дизель», и с ним безжалостно расправились. Под вывеской «Русский дизель» остался один метизный заводик, принадлежащий водочнику Сабадашу. Там, где делали лучшие в мире, редкостные, надежные, мощные дизели, дизель-генераторы, в отстроенных финнами цехах, оснащенных по последнему слову техники, теперь разливают водку. Ни забастовки, ни обращения многотысячного коллектива к Черномырдину с мольбами спасти мощнейшее оборонное предприятие результатов не дали.

Жаль, рано умер ЧВС, ушёл от российского суда. Зато в официальном документе Конгресса США — материалах комиссии во главе с республиканским спикером Конгресса

Деннисом Хэстердом и членом палаты представителей от Калифорнии Кристофером Коксом — в вину Белому дому ставится игнорирование и замалчивание свидетельств о «неблаговидных поступках и провалах деятелей вроде Виктора Черномырдина и Анатолия Чубайса, которые персонифицировали политику американской Администрации по отношению к России». В докладе говорится, что еще в 1995 году ЦРУ направило в Белый дом секретный материал, где сообщались факты коррумпированности Черномырдина, который за время пребывания в должности перевел на личные счета миллиарды долларов. Следствием «альянса воров в правительстве с мафией» Конгресс США считает бегство российских капиталов за границу, достигших за последние десять лет «превышающей все пределы воображения суммы в 500 миллиардов долларов».

20 сентября 2000 года Конгресс США опубликовал доклад о коррупции в России. Республиканец Кристофер Кокс сравнил работу над документом с процедурой вскрытия трупа — тот же тяжелый гнилостный запах. С американской стороны главными виновниками расцвета коррупции признаны вице-президент администрации Клинтона Альберт Гор, заместитель госсекретаря Строуб Тэлбот и министр финансов Лоуренс Саммерс, с российской стороны — Анатолий Чубайс и Виктор Черномырдин, они же — крупнейшие коррупционеры...

Умирают миллиардеры, но и после смерти воруя их преступные миллиарды продолжают преданно служить своим хозяевам, скупая для их отбеливания и прославления журналов, «писателей», ваятелей, лакейски угодных выдавать бесчестье за честь, предательство за доблесть, грабёж за бескорыстие, кривизну за прямоту, ложь за правду.

ЖИВО ДЕЛО КРЕМЛЕВСКОГО КУКЛОВОДА

Весьма показательной стала смерть Бориса Березовского — пожалуй, самого влиятельного олигарха и кремлёвского кукловода 1990-х годов, который создавал своё богатство и преумножал политическое влияние ценой разрушения российской государственности, демонтажа суверенитета, насаживания коррупции, погрома социальной сферы, разрушения экономики и незаконного отъёма государственного имущества. Собственно говоря, именно в этом и «покаялся» «удалённый» на Туманный Альбион Березовский в своём фэйсбуке незадолго до смерти.

Так получилось, что его смерть была выгодна всем — он успел стать бельмом на глазу не только для правящих политических властей, так как за счёт своих финансовых, административных и медийных ресурсов противостоял блоку Примакова—Лужкова и проталкивал на политическую арену нынешнее руководство Кремля. Он слишком много знал о «белых пятнах» в биографии нынешнего руководства страны — начиная от второй чеченской войны и взрывов в Волгодонске и заканчивая кредитно-зало-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

говыми аукционами и участием высокопоставленных чиновников в построении пирамиды ГКО—ОФЗ.

Березовский был прекрасно осведомлён о подноготной как «гайдаровцев» и «чубайсят», так и питерских силовиках и участниках кооператива «Озеро», так как сам был одним из наиболее активных «реформаторов» и участников «семибанкирщины». Однако для сегодняшних властей он не представлял совершенно никакой угрозы — отношение к нему у рядовых граждан было как к маньяку-рецидивисту, изнасиловавшему свою страну и всех её рядовых граждан. Хуже, чем к нему, сегодня в России, насколько можно судить, относятся только к Гайдару, Чубайсу и Ельцину. Питлер не в счёт — он занимался уничтожением России и социальным геноцидом извне, не являясь гражданином России. В этом плане российские «реформаторы» гораздо хуже и опасней фашистов — они оказались предателями и мародёрами, которые разрушали и разворовывали страну изнутри, прикрываясь высокими должностями.

С именем Березовского связаны самые жуткие и кровавые страницы современной истории нашей страны. Со второй половины 1990-х годов он выступал в качестве кремлёвского кукловода — вместе с Анатолием Чубайсом, сторонником и проводником доктрины «рыночного фундаментализма» и «шоковой терапии». Для «ельцинской семьи» он стал чем-то вроде Распутина, но только со знаком минус. Несмотря на колоссальную личную неприязнь и прямой конфликт коммерческих интересов, именно эти два кукловода, испугавшись прихода к власти Примакова—Маслюкова и коммунистов, сделали ставку на молодого, неопытного и, что принципиально важно, сравнительного незапятнанного в СМИ главу ФСБ Владимира Путина. Другое дело, что расчёт на подконтрольность и лояльность Путина «либеральной мафии» и олигархам в полной мере не реализовался и под нажимом общества новый президент был вынужден запустить политику «равноудаления олигархов» — кого-то в Лондон, кого-то во внутренний офшор на Чукотку.

Да, безусловно, Борис Березовский был дьявольски умным, образованным и талантливым человеком на фоне всей остальной олигархической банды «комсомольских гопников» и «малиновых пиджаков». В 1983 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1991 г. на излёте СССР он был заслуженно избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Однако именно его гипертрофированная жажда власти, стремление к богатству, чувство собственной исключительности и беспринципность позволили фактически узурпировать власть в стране в конце 1990-х годов. И именно это преклонение перед мамоной, алчность и суетливость не по-

---

зволили ему её удержать — будучи самым «успешным» из олигархов, он оказался самым нелюбимым и ненавидимым среди рядовых граждан, которых «младореформаторы» окунули в нищету и безысходность.

Вместе с Гайдаром, Чубайсом и Ельциным для миллионов россиян он стал символом разрухи, нищеты, упадка и деградации. И это ему никогда не простят и не забудут. Именно поэтому песочный замок Березовского рухнул — созданный на фундаменте лжи, коррупции и незаконного обогащения он не имел шансов на жизнь. Березовский стал живым воплощением старой мудрости — даже самый умный, талантливый и предприимчивый человек без любви к Родине и своему народу вырождается в ничтожество.

Напомним, что именно в период торжества компрадорской олигархии, наиболее ярким выразителем идей и ценностей которой стал именно Березовский, и подрывной деятельности «реформаторов» экономика России обвалились на 45%, промышленное производство упало на 60%, обрабатывающие производства обвалились в 5 раз, капитальные вложения в основной капитал рухнули на 80%, выпуск наукоёмкой продукции снизился в 10—20 раз, а численность бедного и нищего населения выросла с 20 до 120 млн. человек. Столь масштабного и повсеместного погрома не смогли добиться даже немецко-фашистские захватчики в 1941—1942 г. — тогда спад производства не превысил 30%.

Именно в период олигархических войн и незаконного отъёма государственной собственности в руки узкого круга «избранных» был зафиксирован 40—100-кратный скачок заболеваемости социально обусловленными болезнями и венерическими заболеваниями, многократно выросла преступность и бандитизм, появилось 5 млн. беспризорных и социально незащищённых детей и 10 млн. наркоманов. Закономерным результатом политики «катастрофы» стало формирование пресловутого «русского креста», выразившегося в скачкообразном росте смертности при сопоставимом снижении рождаемости и, как следствие, вымирании населения России темпами в 1—1,5 млн. человек в год.

Кость в горле равноудалённых олигархов и чиновников

Да, безусловно, Березовский раздражал слишком многих: Кремль, подстроившихся под новые условия «равноудалённости» и «невмешательства в политику» олигархов, британские спецслужбы, правоохранительные органы и т.д. Однако никто не хотел марать о него руки — Кремль сумел перемолоть его как политическую фигуру ещё в самом начале «тучных нулевых», когда Березовский предпринял попытку взять

реванш через финансирование оппозиционных партий, политических сил и СМИ. Все последние годы он не представлял политическому руководству России совершенно никакой угрозы, став политическим трупом с не поддающейся воскрешению репутацией.

Гораздо больше головной боли он вызывал у своих бывших коллег по олигархическому цеху. Судебные разбирательства в Лондоне, совершенно не нужны политическим элитам России и обелившемуся за годы «равноудаления» олигархату. Разборки двух бандитов с большой дороги привлекли внимание зарубежной прессы, правоохранительных органов и финансово-политических элит к вопросу незаконного и зачастую криминального характера приобретения крупной собственности в России. Ни для кого это не было секретом — многомиллиардные состояния российских «эффективных собственников» возникли благодаря социальному геноциду 90% россиян, погрому промышленности, разрушению экономики и масштабному обнищанию населения.

Однако Роман Абрамович, который, судя по имеющейся в СМИ информации, активно интегрируется в европейские элиты и заручился в этом деле поддержкой Ротшильдов, был крайне взволнован тем, что легитимность происхождения его капитала ставилась под вопрос, а сами его активы были приобретены в ходе криминальных и незаконных операций в России.

Точно так же не в восторге от судебных инициатив Березовского были все остальные олигархи, так как под удар ставилась их репутация как «эффективных собственников», и, в случае победы Березовского в суде, принадлежащее им имущество могло автоматически получить клеймо криминального и незаконно приобретённого. Не меньше негативных эмоций Березовский вызывал у большинства российских чиновников — ни экс-главе администрации президента Александру Волошину, ни многим другим высокопоставленным чиновникам не хотелось ездить на судебные разбирательства в Лондон и выступать свидетелями в разборках двух олигархов.

Он многим мешал спокойно жить и портил нервы, однако не представлял никакой реальной угрозы ни для руководства России, которое появилось на сцене благодаря усилиям «крёстного отца» олигархата, ни для остальных олигархов, которые благодаря сращиванию своих капиталов с европейской олигархией стали интегрироваться в элиту Старого Света. Как сообщалось в ряде СМИ, именно благодаря связям Абрамовича с Ротшильдами, а через него и с королевской семьёй Великобритании, Роману Аркадьевичу удалось выиграть судебные разбирательства у Бориса Березовского.

Притом многие юристы и эксперты признавали, что по сути дела прав именно Березовский, которого «силовики» заставили отдать практически за бесценок свои крупнейшие активы Абрамовичу, который стал транзитным звеном по передаче наиболее лакомых активов под контроль государства. Отобратить активы Березовского напрямую Кремлю было как-то неудобно — волновало не столько мнение «дорогих россиян», про которых вспоминают исключительно по большим праздникам и в предвыборный период. Кремлю и правительству было неудобно перед Западом — теми самыми фешенебельными странами, в которых олигархи и чиновники предпочитают держать свои денежные средства, приобретать имущество и воспитывать детей.

За свою лояльность и политкорректность сам Абрамович сохранил контроль за Сибнефтью и, поддержав государство в «деле Юкоса», получил возможность в 2005 г. продать государству в лице Газпрома 72,6% Сибнефти за рекордные 13,1 млрд. долл. Следование курсу партии хорошо оплачивается — «приобретая» одну из крупнейших нефтяных компаний за копейки (порядка 110 млн. долл.) и выплатив себе многомиллиардные дивиденды за несколько лет, Абрамович смог продать её по цене, в 130 раз превысившей цену приватизации.

Весьма показательным стало последнее интервью Березовского, данное им российской версии журнала Forbes 22 марта, за несколько часов до смерти. В разговоре с журналистом олигарх покался в содеянном и признался в том, что потерял смысл жизни. «Вернуться в Россию... Ничего я больше так не хочу, как вернуться в Россию. Когда даже завели уголовное дело, я хотел вернуться в Россию. Даже когда завели уголовное дело! Только по совету Елены Боннер остался. Главное, что я недооценил, — что мне настолько дорога Россия, что я не могу быть эмигрантом», — сказал Березовский. И добавил: «Я... потерял смысл... Смысл жизни. Я не хочу сейчас заниматься политикой... Я не знаю, что мне делать. Мне 67 лет. И я не знаю, что мне дальше делать».

Можно было бы согласиться с той точкой зрения, что это действительно тот самый случай, когда мешавший всем человек, ставший костью в горле благодаря своей неудержимой активности, алчности и жажде власти, умер своей смертью. Морально он умер в середине 1990-х годов, политически прекратил существовать в начале 2000-х годов, а физически — спустя 10 лет. Судебные процессы в попытке вернуть себе часть наворованного в 1990-е годы капитала сильно измотали некогда самого богатого человека России.

По утверждению британской прессы, Березовский, который так и не смог реализовать свои широко разрекламированные в СМИ «выдающиеся управленческие навыки»,

---

которыми до сих пор прикрываются приватизаторы и более политкорректные олигархи, продолжал жить на широкую ногу в Лондоне. Потеряв источник личного обогащения и забыв отказаться от роскошного образа жизни (власть развращает!), он был вынужден сократить численность охранников, прислуги и выставил на продажу целый ряд объектов элитной недвижимости.

Березовский всё активней залезал в долги, оплачивая дорогие и пустые политические авантюры — от финансирования парламентской и непарламентской оппозиции и заканчивая «белоленточным болотом» и судебными тяжбами с бывшими коллегами по «семибанкиршине». Судя по всему, он просто морально и психологически устал, выдохся, истощился. Став изгоем и осознав свою ненужность и утратив остатки символов власти и богатства, он потерял смысл жизни. А с таким диагнозом долго не живут. В любом случае, очередная «чёрная страница» в трагичной истории «отреформированной» России перевернулась.

При чём тут Великобритания?

Однако по мере того, как страсти вокруг «случайной» смерти равноудалённого на Туманный Альбион Березовского утихают, всплывают всё новые подробности смерти опального олигарха через добровольное повешение. Первоначальная версия прессы и полиции Великобритании сводилась к тому, что у Березовского мог случиться сердечный приступ и он умер в результате остановки сердца — в последнее время жизни он якобы жаловался на боли в сердце, депрессию и плохое самочувствие.

Однако затем в деле благодаря заявлениям экс-супруги Березовского возник шарф — злые языки успели пошутить, что на нём красовалась эмблема футбольного клуба «Челси», тонко намекая на след Абрамовича. Однако это была шутка. Не шуткой оказалось то, что «серый кардинал» российской олигархии и главный кукловод второй половины 1990-х годов погиб от удущения найденным рядом с его телом шарфом. По какой-то неведомой причине британские полицейские «забыли» упомянуть этот шарф в своих первых сообщениях в прессе.

Сама по себе версия о том, что Березовский, проиграв суды по разделу имущества с семьёй умершего Бадри Патаркацишвили и своего бывшего водителя (как называл его сам Березовский) Романа Абрамовича, впал в жуткую депрессию, разорился, продал элитную недвижимость и особняки и наложил на себя руки, выглядит маловероятной. Безусловно, всё могло случиться и ни одну из версий исключать не стоит. Однако дело не только в том, что Березовский, будучи

главным «стервятником» и устройтелем «катастройки» 90-х годов, обладал железными нервами, хладнокровием и никогда не отличался склонностью к упадочническим настроениям.

Как утверждают авторитетные российские криминалисты, ещё никому в их практике не удалось задушить самого себя шарфом лёжа на полу в ванной. Это что-то из области фантастики: руки самоубийцы по мере наступления кислородного голодания (гипоксии) автоматически отпустят шарф и не дадут погибнуть от удушья. Тем более несуразницей выглядит предварительная официальная версия полиции, принимаемая во внимание тот факт, что шарф был найден не на шее «крёстного отца» «семибанкирщины», а рядом с его телом.

Сложно представить себе ситуацию, при которой Березовский сначала якобы себя задушил, а затем аккуратно снял шарф и положил его рядом с собой. Либо охранники Березовского нашли своего шефа повешенным в ванной комнате, сняли с петли и положили на пол, а уже затем вызвали полицию. Либо российскому олигарху кто-то очень здорово помог наложить на себя руки.

В любом случае, история выглядит крайне мутной и непонятной — Березовский мешал многим, но не представлял реальной угрозы ни для кого: ни для нынешнего политического руководства России, ни для олигархов-коллег по незаконной «прихватизации» и разворовыванию бюджетных ресурсов в пирамиде ГКО—ОФЗ, ни для других беглых бизнесменов в Лондоне. Точнее будет сказать, что Борис Березовский, ставший символом «ельцинщины», «гайдаровщины» и «чубайсятины», обернувшись социально-экономической катастрофой для 90% россиян и погромом промышленности, не представлял угрозы практически ни для кого.

Несмотря на тот факт, что в так называемом «белоленточном» движении и «триумфально-болотной» тусовке существенную часть составляют честные и порядочные люди, в числе организаторов постоянно мелькали и продолжают мелькать «тени девяностых». Совершенно очевидно, что люди, в 1990-е годы своими собственными руками разрушавшие российскую экономику и загонявшие в нищету подавляющую часть россиян в угоду интересам своего кармана и политическим амбициям, сегодня вылезли на сцену не для оздоровления государства, а для того, чтобы заменить одну группу «офшорной аристократии», присосавшейся к трубе и бюджетной кормушке, другой, идейно и кланово более близкой и понятной.

В этой связи стоит напомнить, что многие лидеры (а не рядовые участники протестных движений) «белоленточного» движения получают не только административную, но также и материальную поддержку из-за рубежа. К слову сказать, даже сам Березовский не скрывал, что активно финансиро-

---

вал российскую внесистемную и даже системную оппозицию и на полном серьёзе рассматривал вероятность своего возвращения в Россию в случае победы над «кровавым режимом Путина».

Да, нынешний режим, парализованный судорогой коррупции, произволом монополистов и сращиванием крупного олигархического капитала с чиновниками, плох. Однако идейные «гайдаровцы» и «чубайсята» забыли сказать, что это именно они и их учителя (Гайдар, Яковлев, Ясин и т.д.) стояли у истоков создания преступного и криминального олигархического режима. Именно они, прикрываясь красивыми лозунгами о «демократии», «рыночных реформах» и необходимости борьбы с «красной хандрой» в ходе государственного переворота в октябре 1993 г. узурпировали власть, породив криминальный и преступный, по своей сути, режим личной власти компрадорского олигархического капитала и коррумпированных чиновников.

Принимая во внимание тот факт, что Березовский вплоть до самого последнего времени активно участвовал в продвижении оппозиционных сил и выступал не только в качестве кошелька российских «либеральных реваншистов», но и транзитного пункта по сбору денег от других пайщиков проекта «Перестройка-2», логично предположить, что он был прекрасно осведомлён по поводу тех планов, которые вынашивали финансово-политические элиты и спецслужбы Великобритании в отношении России. Прожив без малого 11 лет в Лондоне и зная деятельность «подполья» изнутри, он действительно мог представлять угрозу тем русофобски настроенным силам, которые жаждут возвращения России в «кровавые девяностые» и передела собственности.

Крайне велика вероятность того, что Березовский прекрасно знал о планах по дестабилизации ситуации в России и после написания «покаянного» письма в адрес президента Путина, в котором извинился за свои грехи и попросил разрешения вернуться в Россию, кто-то в Великобритании мог не на шутку обеспокоиться возможной утечкой информации.

Как только Березовский сделал шаг в сторону России, он по какой-то неведомой причине решил наложить на себя руки... Принимая во внимание тот факт, что никакой реальной угрозы ни лично Путину, ни правящим властям, ни Абрамовичу и прочим олигархам ельцинского разлива он не представлял, сложно предположить, что они бы решились устранить пускай и много знающего, но весьма безвредного Березовского.

Гораздо больше вопросов вызывает заинтересованность британских элит и спецслужб в его смерти — до сих пор не до

конца ясен характер их взаимоотношений. Учитывая тот факт, что Березовский активно спонсировал внутреннюю оппозицию и знал расклад сил, он с высокой долей вероятности был осведомлён о действиях и планах руководства Великобритании в отношении России.

«Березовские» по-прежнему управляют страной

Как бы там ни было, Березовский умер, тем самым перелистнув очередную «чёрную» страницу российской истории. Однако было бы крайне глупо и наивно радоваться самой смерти Березовского, думая, что эпоха олигархов, криминальных структур и коррумпированных чиновников закончилась с его «суицидом». Прежде всего по той простой причине, что подельники и партнёры Березовского — олигархи, коррупционеры, устроители «катастрофки», «чубайсята» и «гайдаровцы» всех мастей — по-прежнему находятся у руля российской экономики. И они по-прежнему ведут Россию к пропасти системного кризиса. Березовский раскаялся и осознал преступность своих деяний, оказавшись в изгнании. Однако его «коллеги» лишены такого «удовольствия» — они отчаянно борются за сохранение существующей модели клептократичного воспроизводства капитала и власти.

И последние действия властей (втягивание России в ВТО, законодательное закрепление «бюджетного правила», принятие антимодернизационного бюджета, расширение внешней задолженности экономики, создание Росфинагентства, назначение аспирантки Евгения Ясина Эльвиры Набиуллиной на пост главы Банка России и т.д.) наглядно демонстрируют, что дело Березовского по-прежнему живёт и процветает в России. Как показал опыт «лихих 90-х», этот курс не совместим не только с «модернизацией» и «инновациями», но и с элементарным физиологическим выживанием подавляющей части населения России.

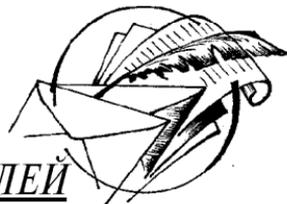
Порождённая Березовским, Гайдаром, Чубайсом, Ельциным и прочими «младореформаторами» коррупционная модель государственного управления по-прежнему сковывает судорогой все сферы жизни общества: от экономики и социальной сферы до государственной безопасности и внешней политики. Без радикального отказа от догм «либерального фашизма» Россия рискует повторить свою собственную историю 90-х годов XX века. Только, как и положено по законам жанра, история эта повторится не в виде фарса, а в виде трагедии.

КАК СОКРАЩАЮТ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

7 февраля этого года председатель правительства Д.А. Медведев объявил свое решение о продлении на неопределенный срок круглогодичной (и зимой, и летом) нынешней системы административного времени, которую он же ввел в октябре 2011 г. При этом он сообщил, что население разделилось якобы на 50% поддерживающих его систему времени и на 50% тех, кто не понимает ни вредности этой системы, ни самой сути проблемы счета времени в стране.

Результаты любых опросов и референдумов в России абсолютно предсказуемы, давая власти простор для манипуляции, в том числе и со стрелками часов. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) обманывает граждан, не упоминая о поясном времени, и потому его выводы не могут быть признаны обоснованными, равно как и результаты опросов по предстоявшему в 2011 году введению круглогодичного двухчасового опережения поясного времени.

Решение Медведева о продлении нынешней системы времени противоречит науке и мнению тех 98%

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

граждан, которые перед выпуском в эфир программы «Открытая студия» на 5-м канале ТВ 31.01.2013 года в 100 обращениях через Интернет потребовали возврата страны к поясному времени, и лишь 2% были за сохранение нынешнего, неестественного, социального ритма жизни.

В 2009 году президент РФ Д.Медведев предложил сократить количество часовых поясов на территории страны для «облегчения управления Россией». Он же предложил подумать, стоит ли сохранять сдвиги стрелок часов на лето или нет. Эти «новации» были тут же подхвачены услужливыми журналистами, депутатами и губернаторами.

Но уже 19 ноября 2009 года на Первом телеканале в программе «Пусть говорят» профессор, член проблемной комиссии Российской академии медицинских наук (РАМН) по хронобиологии и хрономедицине Михаил Бланк заявил, что сравнение доходов фармацевтов за неделю до и неделю после перевода стрелок часов на лето весной 2010 года докажет без всяких медицинских исследований необходимость отказа от летних сдвигов стрелок часов. Введение в России часовых зон будет означать отказ от принятой во всем мире Международной системы часовых поясов и что этот отказ будет вредным для здоровья людей и для экономики России.

Санкт-Петербургский общественный комитет «За восстановление в России жизни по поясному времени» (далее — СПб комитет), состоящий из 17 профессоров и доцентов, специалистов по хронобиологии, сомнологии, образованию, социологии, прикладной астрономии и системному анализу, последовательно с 1997 г. доказывает власти, просвещая одновременно население, что только жизнь по поясному времени, достаточно близкому к природному, астрономическому времени улучшит здоровье всего населения страны, а особенно детей и подростков. Их растущий организм не способен еще преодолевать негативное влияние изменений времени.

В 2001 году РАМН, главное научное учреждение страны по здравоохранению, рекомендовало правительству вернуть страну к поясному времени. Это решение, как и последующий законопроект Думы Томской области «О переходе РФ на поясное время», который поддержали 67 из 88 субъектов Федерации, были проигнорированы властью РФ. А упомянутый законопроект был незаконно, меньшинством депутатов и без проведения парламентских слушаний отклонен Госдумой РФ.

В 2010—2012 гг. наш комитет обращался к Д.Медведеву, к В.Путину, в Российскую Академию наук (РАН) и к министру здравоохранения, а также к депутатам Государственной Думы

РФ и Законодательного собрания Санкт-Петербурга. В феврале 2011 года мы обратились к четырем лицам высшей власти в стране с заявлением о вредности подготовленного властью закона «Об исчислении времени» и о необходимости возврата к поясному времени. Но этот призыв остался без ответа.

Возврат к поясному времени был поддержан Постоянной комиссией ЗАКСа СПб по социальной политике и здравоохранению, участниками пресс-конференции РИА «Новости» 5 июля 2012 года, подавляющим большинством участников Парламентских слушаний 27 сентября 2012 года, участниками телепрограммы «Открытая студия» 31.01.2013, сотнями писем нашему комитету, а также подписными листами 600 граждан Пермского края.

Нашим комитетом была доказана мизерность той экономии электроэнергии, ради которой в ущерб здоровью людей идет игра со стрелками часов. Опираясь на медицинские исследования в России и за рубежом, комитет доказал необходимость нормального ночного сна детей и взрослых с пробуждением их не раньше восхода Солнца.

Было доказано также, что нарушения нормального ночного сна снижают работоспособность взрослых и качество учебы детей. Это снижение работоспособности уменьшило величину валового внутреннего продукта (ВВП) страны при предыдущей системе времени (с опережением поясного времени зимой на один, а летом — на два часа) на 10 процентов, и потому ВВП страны терял ежегодно не менее 600 млрд. рублей в ценах докризисного 2007 года. При нынешней «медвежьей» системе времени снижение работоспособности достигает 15% из-за распространения с октября 2011 года летнего времени и на зиму, наиболее тяжелое для организма человека полугодие. А потери ВВП доходят минимум до 900 млрд. рублей в год.

Хроническое недосыпание людей при нынешней системе времени настолько велико, что приводит к губительным для здоровья всего населения последствиям. Нагрузка на здоровье увеличена, в том числе и из-за одинакового в течение всего года времени начала работы и учебы. Такой, как нынешняя, системы времени нет ни в одной другой стране мира. Например, школьники Москвы ежедневно недосыпают зимой по 2—3 часа, начиная учебу в 9 часов утра при нынешней системе времени, когда Солнце восходит по этой системе в 10 часов утра. Взрослые, при начале работы в 7 ч утра, недосыпают ежедневно 4—5 часов. Это недосыпание накапливается и ведет к хронической усталости и болезням, к преждевременной инвалидности и ранней смерти.

«Медведевское время» привело к росту преступности и количества ДТП и авиакатастроф. Напомним, что и при предыдущей системе времени количество ДТП со смертельным исходом превышало среднемировой уровень в 2 раза, а количество авиакатастроф — на порядок больше среднемирового уровня. В основном — по вине недоспавших и уставших людей.

По помесечным данным Росстата за 1980—1998 гг., когда в России четыре раза изменяли систему времени, превышение смертности над рождаемостью из-за предыдущей системы времени достигало 75 тысяч человек в год, т.е. 10% от общего превышения смертности над рождаемостью.

Сохранение «медведевского времени» противоречит Международному Пакту экономических, социальных и культурных прав, подписанному Россией. Этот Пакт признает право каждого человека на наивысший уровень физического и психического здоровья. А нынешняя система времени разрушает здоровье людей и вместо развития у детей и подростков силы и выносливости, так необходимых взрослому человеку, губит их.

В начале февраля 2013 года руководство РАН, не считаясь с заключением специалистов по хронобиологии и физиологии сна — руководителей Российского общества сомнологов — о необходимости возврата к поясному времени, рекомендовало правительству вернуться лишь к «зимнему» времени, т.е. к тому круглогодичному «декретному» времени, по которому Россия жила с 1930 до 1981 года. При этом смертность из-за ложного времени составляла до 50 тысяч человек в год, а ВВП страны терял не меньше 300 млрд. рублей в ценах 2007 года.

В этой связи напоминаем, что и руководители РАН, и правительство во главе с премьер-министром нарушают пункт 3 статьи 41 Конституции РФ, который гласит: «Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу здоровью и жизни людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом».

И поскольку по закону «Об исчислении времени» стрелками часов ведаёт именно правительство, то премьер-министр ответственен за это сокрытие, в том числе за ошибочное, мягко говоря, утверждение о превышении рождаемости над смертностью в стране. СПб комитет никаких оснований для такого заявления не видит, поскольку основные причины сверхсмертности, то есть шоковые экономические и социальные реформы в стране до сих пор не отменены, а также капитально нарушена связь социального ритма жизни в России с астрономическим временем.

Еще осенью 1940 года на совещании министров Гитлер заявил:

— Нам предстоит решить, что делать с теми 150 миллионами унтерменшей, которые останутся в побежденной России после нашей грядущей победы над Красной Армией? Ведь нам нужно оставить в живых в качестве рабов всего 15—20 миллионов.

Министр по делам оккупированных территорий А. Розенберг предложил спойть население России. Спойть дешевой водкой, и через 3—4 поколения останутся нужные нацистам 15—20 миллионов. Адьютант Розенберга Юрген Штрооп предложил ввести купоны, которые унтерменши должны будут сдать, чтобы купить дешевую водку. Эти талоны им будут выдавать взамен за сданную литературу всех направлений. Это приведет к полной потере славянами их исторической памяти, сделает их еще более безвольными, ни к чему не пригодными существами. И задачу сокращения населения Советов до 15—20 миллионов можно будет решить всего за одно—два поколения. Гитлер одобрил предложение Розенберга с дополнением Штроопа.

Эти предложения и решение Гитлера были опубликованы в книге Казимежа Мочарского «Беседы с палачом», изданной в Польше в 1975 году и переведенной на русский язык в 1988-м. Автор книги был после войны приговорен к расстрелу по ложному обвинению и провел в одной камере с Штроопом 225 дней. Впоследствии К. Мочарский был помилован, а затем и реабилитирован, а палач Варшавского восстания в гетто Штрооп, ставший генералом СС, был повешен как военный преступник.

Нетрудно понять, какая участь ждала бы нас, славян (русских, белорусов, украинцев и поляков), если бы не победа советского народа над фашистами в Великой Отечественной войне.

Однако рецепт Гитлера оказался именно тем лекалом, по которому властители Российской Федерации провели разрушительные экономические и социальные реформы в России, щедро спаивая народ дешевой, как никогда, водкой. Им не понадобилось вводить талоны на сданную литературу, ибо в их руках оказалось телевидение, этот мощный аппарат обмана населения и лишения его исторической памяти.

О действиях власти по спаиванию населения можно судить, например, по отстранению от руководства пограничными войсками генерала армии Николаева, позволившего себе задержать составы со спиртом, следующие с Кавказа. Число винно-водочных и пивных заводов выросло, по сравнению с советским временем в 4—5 раз.

Начатые Б.Ельциным и Е.Гайдаром экономические и социальные реформы, а также восстановление с 1992 года круглогодичного «декретного» времени (оно было отменено в Советском Союзе в марте 1991 года), привели в совокупности не только к безработице, потере уверенности в завтрашнем дне, но и к увеличению тяги населения к алкоголю и к наркотикам как временным средствам психологической защиты людей от хронической усталости.

Сменив Б.Ельцина на посту президента РФ, В.Путин продолжил реформы, введя «плоскую» шкалу налогов, одинаковую для олигархов и для бедных и отменив законом № 122 практически все социальные льготы. Находясь уже 13 лет на высших государственных постах, В.Путин всячески противится прекращению хроноцида, как вида геноцида населения, вызванного опережением астрономического, в первую очередь поясного, времени. Много лет в посланиях Федеральному Собранию и В. Путин и Д.Медведев говорили о демографической проблеме в стране, умалчивая о том, что в России настоящая демографическая катастрофа. Эту катастрофу не преодолеть поощрением к увеличению рождаемости в стране путем введения «материнского капитала». Как показали расчеты СПб комитета, эта мера уменьшит превышение смертности над рождаемостью, которая при В.Путине достигла 1 миллиона человеческих жизней в год, лишь на 10—15%.

26 марта 2013 года Верховный Суд отклонил иск «Лиги защиты пациентов» к правительству РФ и принял решение о законности нынешней административной системы времени. Верховный Суд без всяких оснований отверг убедительные доказательства вредности опережения поясного времени и принял во внимание лишь бесосновательные заявления господина Новикова, юриста администрации правительства. Это решение о законности «медведевского» времени показало, что Верховный Суд не защищает интересы миллионов граждан, а является полностью зависящим от власти судебным ведомством. Проведенный тогда же на радио «Эхо Москвы» опрос трех тысяч граждан показал, что за отмену «летнего» времени проголосовало 78% опрошиваемых, а за его сохранение 19%. Затрудились с ответом — 3%.